

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ ИНГУШЕТИЯ**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«ИНГУШСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК ИМ. Ч.Э. АХРИЕВА»**

**«ЯЗЫК, ИСТОРИЯ, ЛИТЕРАТУРА
КАК ФАКТОРЫ УСТОЙЧИВОГО
РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА»**

**(к 120-летию со дня рождения ученого-кавказоведа,
писателя, переводчика Д.Д. Мальсагова)**

Материалы Международной научно-практической конференции

г. Магас, 30-31 октября 2018 г.

УДК 93/94/908
ББК 63.8
Я41

Утверждено к печати Ученым советом
ГБУ «ИнгНИИ»

Ответственные редакторы:

Киева З.Х., Матиев М.А.

Редактор:

Накостоев Х.А.

Редакционная коллегия:

Илиева Ф.М., Костоева Ф.М., Хайрова Р.Р.

Я41 **Язык, история, литература как факторы устойчивого развития общества**
(к 120-летию со дня рождения ученого-кавказоведа, писателя, переводчика Д.Д. Мальсагова): Материалы Международной научно-практической конференции. Магас, 6 - 7 ноября 2018 г. – Назрань: ООО «Кеп», 2018. – 120 с.

ISBN 978-5-4482-0035-9

Сборник составлен по материалам, представленным к Международной научно-практической конференции «Язык, история, литература как факторы устойчивого развития общества (к 120-летию со дня рождения ученого-кавказоведа, писателя, переводчика Д.Д. Мальсагова)». Авторы рассматривают широкий круг вопросов, связанных с изучением языка, истории, культуры и этнографии ингушей, а также других народов Кавказа.

Сборник предназначен для научных работников, занимающихся исследованиями в области лингвистики, истории, литературы, для аспирантов, студентов и широкого круга читателей.

УДК 93/94/908
ББК 63.8

ISBN 978-5-4482-0035-9

© ИнгНИИ им. Ч. Э. Ахриева, 2018.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Агиева Л.Т.</i> Домонотеистические верования ингушей, связанные с небесными телами.....	4
<i>Биданок М.М.</i> Критерии систематизации стилей в художественном тексте.....	6
<i>Биттирова Т.Ш.</i> Современная русскоязычная ингушская поэзия: поэзия сопричастности (на примере творчества Якуба Патиева).....	10
<i>Габидуллаева П.М.</i> Заимствования из русского языка во фразеологических единицах даргинского языка.....	14
<i>Гамурзиева М.И.</i> Вышегуров Мухьмада лирике наьнеи езачуни аматаш.....	16
<i>Гандалоева А.З.</i> Изучение наречия ингушского языка в школе.....	18
<i>Гасанова У.У.</i> История формирования заимствованной лексики в дагестанских языках.....	21
<i>Долгиева М.Б., Дзуматова З.Р., Катиева М.Н.</i> Научно-просветительская и педагогическая деятельность Д.Д. Мальсагова.....	24
<i>Евлоева А.М., Муталиев А.М.</i> Характер и структура художественного конфликта в пьесе «Перелом» Орцо и Дошлуко Мальсаговых.....	26
<i>Илиева Ф.М.</i> Функционально-стилистическая характеристика атрибутивных слов в поэме Д.Д. Мальсагова «Iарамхи».....	30
<i>Исламова Л.Я.</i> Мальсагов Дошалкхий «Iарамха» яхача поэмах лаяца.....	32
<i>Исламова М.Я.</i> ДоттагIал хестаду Албаков Джабраила поэзи.....	34
<i>Исмаилова Р.Т.</i> Об основном словарном фонде и словарном составе кубачинского языка.....	36
<i>Киева З.Х.</i> Особенности функционирования фразеологической лексики в пьесе Д.Д. Мальсагова «Кердача наькъа га».....	38
<i>Костоева А.М.</i> Фольклорные традиции в творчестве Д.Д. Мальсагова.....	41
<i>Кук А.С.</i> Отражение культа коня в адыгском нартском эпосе.....	43
<i>Кук М.Г.</i> Семантика украшений женского комплекса одежды по материалам художественного металла адыгов.....	48
<i>Кук А.С., Кук М.Г.</i> О некоторых мотивах в адыгской мифопоэтике.....	52
<i>Кук М.Г., Кук А.С.</i> Культ коня и мотив наездничества в адыгской мифопоэтике.....	59
<i>Льянова А.М.</i> Ziele des Übersetzungsprozesses der Werbetexte.....	66
<i>Магомедов Д.М.</i> Особенности словообразования местоимений в аварском языке.....	68
<i>Магомедов М.И.</i> Особенности образования форм множественного числа имен существительных в аварском языке.....	72
<i>Магомедова М.Ш.</i> Отражение темпоральности во фразеологии лакского языка.....	76
<i>Маллаева З.М., Форкер Диана.</i> Die struktur der Tempusformen im Avarischen.....	78
<i>Малкондуев Х.Х.</i> Шаваев Даут-Хаджи (1800–1892) – выдающийся представитель поэтической культуры карачаево-балкарского народа XIX в.	81
<i>Мамилев М.С.</i> Становление профессиональных союзов в национальных регионах Северного Кавказа в первое десятилетие советской власти (на материалах <i>Ингушетии и Чечни</i>).....	83
<i>Матиев М.А.</i> Д.Д. Мальсагов и ингушский фольклор.....	87
<i>Матиев М.А., Хамхоев Р.М.</i> ПIалгIай турпала-эпически иллей сюжеташ.....	91
<i>Муталиев А.М.</i> Хьаьналча къахьегамца даьхе хозьяра тема Мальсагов Шимоахий Ахьмада кхолламе.....	93
<i>Нэж Рошан.</i> Каузатив в зилловском диалекте андийского языка.....	95
<i>Оцомиева-Тагирова З.М.</i> Структурная классификация аварских топонимов.....	97
<i>Пиргулиева Ганира Али кызы.</i> Специфические особенности речи азербайджанцев, проживающих в западных частях Южного Кавказа.....	99
<i>Яннигье Хелена Ферхеес.</i> К квантитативному изучению заимствований в дагестанских языках.....	101
<i>Сагов Р.З.</i> Некоторые фонетические особенности ингушского языка.....	103
<i>Салсанова А.И.</i> Проблема борьбы с пережитками прошлого (в произведениях ингушских писателей Д. Мальсагова, А. Бокова, А. Ведзигева).....	105
<i>Хайрова Р.Р.</i> Образные сравнения в художественных текстах Д.Д. Мальсагова.....	106
<i>Хамхоев Р.М.</i> Чахкиев Капитона вай литературе даьхача толамех.....	109
<i>Хамхоева З.Ю.</i> Ведзигев Ахьмада дувцарашка сатиреи белами.....	111
<i>Хуако Ф.Н.</i> Южные земли и их действующие сегодня защитники (в прозе В.И. Лихоносова, А.С. Куека, М.Ш. Психоматова).....	113
<i>Ялхароева М.А.</i> Тема родины в поэзии Ахмета Хамхоева.....	116

Агиева Лемка Тугановна, канд. филос. наук
Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева
г. Магас, Республика Ингушетия

ДОМОНОТЕИСТИЧЕСКИЕ ВЕРОВАНИЯ ИНГУШЕЙ, СВЯЗАННЫЕ С НЕБЕСНЫМИ ТЕЛАМИ

Аннотация. Статья посвящена традиционным религиозно-мифологическим представлениям ингушей как феномену этнической истории, важнейшей части духовно-культурного наследия народа. Предпринята попытка исследовать эти представления как целостную мировоззренческую систему. Основное внимание в статье уделяется верованиям, обычаям, обрядам и приметам, восходящим к ранним формам религии.

Ключевые слова: верования, религия, культ, солнце, луна, светила, звезды, магия, предание.

В пережитках верований, связанных с явлениями природы, в обожествлении земли, небесных тел, отдельных вершин и т.д. отражались мировоззрение народа, его представления об окружающем мире. Верой в плодоносящую силу земли были проникнуты религии большинства народов земного шара [9]. Земля осознавалась как существо, производящее все необходимое для жизни, она издавна являлась предметом особого почитания для всех народов, культ ее возникает раньше развития земледельческого хозяйства.

Считалось крайне предосудительным осквернять землю, относиться к ней без должного почитания, особенно в пору пахоты и сева. Подобные представления были характерны и для других народов [7]. Земле ингуши приписывали очистительные свойства. Считалось, что посуду, из которой хоть раз поела (полакала) собака, нужно семь раз потереть землей, и только после этого посудой может пользоваться человек. Ингуши, как и другие народы Кавказа, почитали производящую силу земли, она ассоциировалась у них с образом женщины.

Ф.Г. Чурсин дает по этому поводу следующее толкование: «В культе земледельческих народов земля выступает в образе матери, следовательно, в виде женского существа, не столько потому, что она уподобляется женщине – родительнице, женщине – матери, а главным образом в силу того обстоятельства, что земледелием впервые стали заниматься женщины и потому земледелие, как одна из отраслей женского хозяйства, получила духов и богов – покровителей, облеченных в женские образы» [10].

Как и у многих других народов, небесные светила и звезды у ингушей считались объектами божественного происхождения – это одно из проявлений влияния монотеизма. Объектом поклонения было и солнце (*малх*), «светило постоянной любви, всеобщего почитания, универсальная ос-

нова всех первобытных культов» [6, с. 39]. Культ солнца на Кавказе известен еще с энеолитической эпохи [5]. Его всеобщую распространенность здесь исследователи относят к эпохе бронзы, ознаменовавшейся, в частности, ускоренным развитием производительных сил общества [8]. Существует предание, что Солнце величиною с город (верст 15 в окружности); оно состоит из огня и прикреплено на небе к «*арша*» (нечто вроде скатерти); ангел водит солнце по небу; днем оно освещает живых людей, а ночью – мертвых; при закате оно погружается в море, а утром выходит из моря. Когда оно поднимается на горизонт, то от него отделяется что-то черное – это, говорят, морская пена стекает с Солнца. В это время на него можно смотреть, потому что, выкупавшись в холодном море, оно не успевает накалиться. Солнце, как бы выплывает из моря Каспийского, а опускается в море Черное.

В хорошую погоду с вершин гор (например, горы *Жер лоам*) горцы видели, как Солнце «появляется из вод Каспийского моря». Когда начинают забывать Бога, он посылает затмение; ангел, движущий солнце, закрывает его концом «*арша*» и тем напоминает людям о Боге. Солнечные круги показывают, что Бог смотрит на землю. В народе существует такое мнение, что человек, родившийся в день, когда на солнце бывают какие-либо явления вроде кругов, будет умным и честным.

Легенды и сказания разных народов связывают солнце и луну с мужчиной и женщиной.

1. У древних германцев солнце и луна – муж и жена, и они находятся на расстоянии, потому что не в ладах друг с другом.
2. В гимне Ригведы рассказывается, как Бог солнца выдал свою дочь (звезду) замуж за месяц.
3. В русской легенде «Солнце» – жена недовольна своим мужем – месяцем, потому что он очень холоден к ней. Поспорив,

они условились разделиться: муж будет светить ночью, жена днем, только во время солнечных затмений они сближаются и обмениваются упреками. Месяц от печали уменьшается, после того как надежда вновь оживает, он полнеет [14].

Что Солнце – «жизнь», люди понимали еще с древнейших времен. С восходом солнца просыпается жизнь. Солнце – олицетворение всего чистого, прекрасного, красивого. Не случайно самая красивая девственная «*Маблха Абзни*» (солнечная красавица) является героиней ингушских легенд и сказок, где все молодцы стремятся овладеть ее сердцем, перед ней преклоняется даже свирепый и жестокий циклоп.

Дошли до новейшего времени также и пережитки почитания луны. Периодическое изменение ее формы, связанное со сменой лунных фаз, не только породило всяческого рода суеверия, но и легло в основу народного сельскохозяйственного календаря. Л.Я. Штернберг предполагал, что смена лунных фаз могла породить представления об умирании и воскресении луны [13]. Затмение луны считалось предвестником беды, несчастья. Луна также прикреплена к «*арша*», затмение ее происходит от тех же причин, которые образуют затмения солнечные.

По другому народному преданию, сестра гоняется за братом и заслоняет луну. Изображения на луне – изображения брата и сестры. Свет луны составляет девятую часть света солнечного, а теплота – восемнадцатую часть теплоты солнца. Расстояние от земли до солнца и луны одинаково [2]. Эти брат и сестра не могут встретиться, но они очень желают этого. Если же случайно они и встречаются, то в мире настает темень. Тогда говорят: «Солнце схватили» – «*Малх дЛалаьцаб*». А это – встретились брат и сестра. Такое утверждение приближается к современному научному пониманию о солнечном затмении в противовес древнейшим представлениям о пожирании Солнца его злой сестрой «*Мож*», которая съела всех своих родственников на небе и теперь постоянно гоняется за Солнцем и Луной. Когда она догоняет их и заслоняет собою, происходит затмение. Во время затмения на Луне виднеется что-то вроде черной нитки – это, говорят, ружье караульщика, который оберегает Луну от нападения сестры. Черное пятно посредине Луны – лошадь, которую носит на себе Луна. Если пасть у этой лошади расширяется, то лето будет короткое, а зима продолжительная; если же пасть уменьшается и сама лошадь темнеет, то лето будет долгое и дождливое, а зима короткая [4].

В вечер затмения население устраивало шум: люди палили из огнестрельного оружия, били в медные тазы, подносы и т.д., ночью устраивались моления. Следы почитания луны [1] сохранились в виде народного поверья в благоприятность лунного света для сельскохозяйственных работ, в частности для пахоты и уборки урожая [12].

При новолунии, глядя на молодой месяц, просили у Бога счастья и благополучия и т.д. [3], что остается актуальным и до наших дней. Подобные же поверья, связанные с луной, были и у других народов Кавказа.

Как и у других народов мира, в ингушском социуме бытовали следующие поверья. Рождение человека знаменуется появлением новой звезды на небе. У каждого человека – своя звезда, поэтому их количество соответствует числу людей на земле. Говорят, когда человек умирает, звезда падает с неба и гаснет. Кроме того, пережитки почитания звезд сохранились в виде запрета считать их. Существовало поверье, что если посчитать всех звезд вокруг себя, то человек может превратиться в медведя (в медведицу). Рудименты культа звезд и следы их почитания – широко распространенное явление у народов Северного Кавказа [11]. Звезды также прикрепляются на небе, они также движутся, одновременно с другими большими небесными телами: Солнцем и Луной.

С незапамятных времен, наблюдая периодичность появления тех или иных звезд и созвездий над горизонтом, люди научились узнавать по ним наступление определенного времени года, а ночью в незнакомых местах – свой путь. Сохранившиеся в ингушском языке названия астрономических звезд и других небесных тел говорят о бытовавших в прошлом астрономических познаниях среди них. Однако многие астрономические названия забываются, в настоящее время их помнят лишь люди старшего поколения.

Как известно, ингуши по звездам определяли время наводнений, предсказывали будущность урожая, наступление морозов, зноя и т.д. Молния и гром также считались божественными явлениями. Бытовало следующее поверье: услышав первый гром, человек должен был обо что-либо обколотиться (скалу, дерево, угол дома и др.) и с закрытыми глазами прочесть молитву, а потом попросить у Бога силы и здоровья. В данном случае мы имеем еще один пример того, как официальный ислам приспособлялся к пережиткам языческих верований. Таким образом, домусульманские верования в пережиточной форме сохранились в ингушском обществе в космогониче-

ских представлениях и в отношении к явлениям и объектам природы.

С богом грома и молнии «Селой» связаны некоторые природные явления: радуга «селаIад» (букв. «лук Сель»), молния «Села хабик» (букв. «головешка Сель»). Есть, говорят, на свете синие птицы – «зехан». Во время дождя они летают в тучах, с большою силою машут крыльями и этим производят гром. В то же время ангел *Джабраил малайк* гоняется в тучах за дьяволом с большою

шашкою и машет ею, стараясь ударить дьявола. От блеска шашки происходит молния [3]. Кометы обозначают рождение какого-нибудь знаменитого и честного человека. Известно, что все народы признают явления кометы грозным предзнаменованием каких-либо страшных, общих для человечества бедствий. На самом деле, несчастий же она никаких не предвещает. Последнее обстоятельство составляет весьма замечательную особенность в ингушских народных верованиях.

Список литературы

1. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1965.
2. Ахриев Ч.Э. Ингуши (их предания, верования и поверья). Сборник сведений о Кавказских горах. Вып. VIII. Тифлис. 1875.
3. Далгат У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. М., 1972.
4. Дахкильгов И.А. Антология ингушского фольклора. Нальчик. 2003.
5. Кушнарев К.Х., Чубинишвили Т.Н. Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1970.
6. Мартиросян А.А. Древнейшие иероглифы Армении и их урартско-армянские двойники // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 39.
7. Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1964.
8. Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М., 1976.
9. Фрезер Дж. Золотая ветвь. М., Политиздат, 1980.
10. Чурсин Г.Ф. Культ земли у кавказских народов. Бюллетень. Кавказский исторический архивный институт. № 5. Л., 1929.
11. Чурсин Г.Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1957.
12. Чурсин Г.Ф. Народные обычаи и верования Кахетии // ЗКОИРГОЮ. Вып. 25. Тифлис.
13. Штейнберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936.
14. Шрадер О. Сравнительное языковедение и первобытная история. СПб. Едиториал, 2003. 486 с.

Биданок Марзият Мугдиновна, д. филол. наук

Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева
г. Майкоп, Республика Адыгея

КРИТЕРИИ СИСТЕМАТИЗАЦИИ СТИЛЕЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Аннотация. Представленная статья посвящена рассмотрению вопросов стилистики в связи с типологией критериев. Для определения стилей необходимы различные критерии. Поэтому проблематика их обозначения на многодеятельностном и многоязыковом пространстве сегодня достаточно актуальна. В статье анализируются имеющиеся сегодня социальные обстоятельства языковых применений. В соответствии с этим выводится ряд востребованных сегодня критериев: 1) вид деятельности; 2) возраст; 3) этнос. Такого рода систематизация позволяет структурировать имеющийся разностилевой материал по категориальным группам и в итоге придать ему системность.

Ключевые слова: текст, систематизация, этнос, стилистика, критерии.

Объектно-субъектную базу изучению разговорной стилистики предоставляет бытовая речевая практика, распространение и активность которой предопределены своеобразными обстоятельствами окружающей среды. Причем в контексте ситуативной обусловленности происходя-

щая в лексике вариация допустима. Это возможно порой в форме, перекликающейся с обстановкой «уличной» событийности, как то в общемировой практике: *bird* («an good-looking young woman»), *needle* («a ironic comment»), *speed* («a medicine, which causes ecstasy»), *cool* («enjoyable») и т.п.

Подобная речевая практика уверенно отмечалась еще В.В. Виноградовым, который указывал на особенно распространенную разговорную стилистику в жанрах персональной биографической литературы и публицистики (записки, дневники, мемуары). К наполненным таковыми он причислял: «Записки сумасшедшего» Н.В. Гоголя, «Дневник лишнего человека» И.С. Тургенева, «Дневник дворецкого» И.Ф. Горбунова, «Без дороги» В.В. Вересаева, «Сентиментальное путешествие» В.Б. Шкловского, «Конь вороной» В. Ропшина (Б. Савинкова), «Рукопись, найденная под кроватью» Ал. Н. Толстого [1].

Устно производимая лексика не только оглашается, но и обладает собственными определенными и установленными структурами. Причем вербальная, звучащая грань произносимого персонажем нередко воспроизводится авторами. Однако она отнюдь не обладает той же функциональной миссией, что и лексика, и синтаксис. Так, в частности, стилевая характерология языка произведений В. Шукшина мало рассматривается наукой, однако имеет существенное значение для осмысления текста. Как утверждает В.В. Виноградов, «Художественные конструкции резко преобразуют эти бытующие формы устной речи (которые вливаются в письменный язык и сами включают в себя его элементы). Но часто от них отпавляются. Имея свои специфические отличия, некоторые языковые конструкции художественной речи возникают и воспринимаются на фоне параллельных стилистических рядов в языке повседневном» [1, с. 45]. Следовательно, хотя и не все сферы языково-речевой ткани располагают идентичным экспансивным заделом стилей, стержневыми ветвями можно считать следующее. Это лексико-синтаксическая грань текстового материала, что весьма относимо и к специфике авторского сказа.

Рассмотрение некоторого числа возможных в быту и отражаемых в литературе обстоятельств позволяет утверждать, что применение подобной лексики преимущественно присуще диалогическому общению. Это происходит в процессе внезапно возникшего диалога в ходе достаточно проблемного и безнадежного речевого акта. В подобной коммуникативной обстановке отправитель и получатель серьезно сужены тайм- и лингво- средой. Подобное словоприменение закономерно обусловлено определенными обстоятельствами: 1) ограниченностью экспрессивного накала речевого производителя; 2) следовательно, частым неимением словарного материала.

Стержневым и наиболее частым приемом увеличения текущего бытового словаря выступает применение жаргона (в том числе арго- и сленгизмов). Причем в сегодняшнем действующем словаре нередко сливаются данные типы блатной лексики от того, что они фактически выступают несущими строгую кодировку и равноценно используются в ходе воссоздания криминального мира.

Помимо бытующих в рядовой (не всегда в доступимой) речи жаргонизмов, разговорная струя нередко включает и сленг, возникновение которого в языке вызывается общественно-политическими тенденциями. В качестве распространенной в обществе тенденции на практике носителей языка сочетаются общепринятый словарь и его лингвистическая вариация, привносимая на базе социо-особенностей и производимая конкретным социорангом. Данное понятие обозначается в науке как «социолект», внедряемый в соседние идентичные, но принадлежащие к другим социальным средам типажи. Содействует, тем самым, оно возникновению ранее неизвестных лингвистических категорий. В частности, существенную миссию в них исполняют конкретные, действующие в социуме лица. Эти лица применяют разнообразные лексические запасы: большое число всевозможных сленгов, принадлежащих, в частности, юному населению, технике, работникам тех или иных специальностей, лицам той или другой расы и т.п. В большинстве случаев немалое число социолектических единиц способно вернуться из сферы социо-обусловленности непосредственно в общепотребительное пространство. К примеру, существенная доля употребляемых узкими группами населения (технических конструкторов, саксофонистов и даже потребителей наркотиков) социолектов возвратилась в сферу всеобщего употребления, сохраняя при себе собственные социальные окраски: *acid* («hallucinogenic treatment LSD»), *speed* («tonic preparation»).

В целом, классификационными факторами для сленговой систематизации в научной литературе чаще признаются следующие: 1) вид деятельности; 2) возраст; 3) этнос.

Рассмотрим указанные коэффициенты подробнее.

В первом случае, применительно к профессиональной специфике, лица идентичной специальности способны применять сленговую лексику. Они вполне владеют ею в интенсивной практике, к тому же понимая друг друга и умея найти общий язык на едином деятельностном пространстве. Так, в частности, один собеседник с легкостью

сумеет понять другого сотрудника или партнера с применением следующих лексических единиц из числа сленгов, приводимых нами в качестве примеров по возможным социальным группам:

- учащийся или студент – *ace* («получить пять баллов за учебную работу»); *dog* («разочаровавшее свидание или трудный экзамен»), *daresay* («полагать, думать, верить, предполагать»); *all in all* («в общем, в целом»); *around the corner* («отнюдь не далеко, рядом»), *all wet* («неверный, ложный»);
- банкир – *cabbage* («капуста»), *boot.bob* («шиллинг»);
- кулинар – *chow* («еда, пища, кормежка»), *spat* («консервы»), *sludge* («пиво»);
- спортсмен – *B-ball* («баскетбол»);
- парикмахер – *doup* («подготавливать, чистить, прибирать, мыть», чаще – волосы);
- военный или полицейский – *big boy* («пушка»), *barker* («револьвер»), *hairbag* («полицейский ветеран»), *hook* («важный начальник полиции»), *story* («извещение о лишении свободы, доносимое полицейским»), *blood-waggon* («скорая» машина), либо объединяющий всех представителей сферы безопасности лексический ряд, означающий название профессии – *bobby*, *copper*, *blueboy*, *cops* («полицейский»); *cracksman*, *crook* («похититель»);
- косметолог – *dish* («влажность, увлажнение»), *mask* («маска»);
- психолог или писатель – *antsy* («нетерпеливо»), *bang* («воодушевленно, на подъеме»), *chicken* («трус»), *deadpan* («с каменным выражением лица, без эмоций»), *dreamboat* («красавец, красавица, т.е. любой симпатичный представитель мужского либо женского пола»), *vamp* («вамп»), *gold-digger* или *peach* («персик»), *all of a sudden* («неожиданно») и т.д. [3].

В зависимости от второго из вышеуказанных признаков – возраста – сленгизмы также имеют место быть в мировой лексике в существенном разнообразии, отличаясь краткостью, выразительностью и осязаемым остроумием, сопровождая тем самым молодежную коммуникацию и придавая ей заметный оттенок. К примеру, такие сленги, как: *toc rank it on* («клеветать»); *duds* («рухлядь»); *ascrewloose* («немного не в себе»); *all eyes* («смотреть внимательно, от всей души»); *act up* («нарушать правила поведения»); *ahead of the game* («побеждать соперников, лидировать»);

ace («кореш»); *acid head* («курящий наркотическую трубку»); *to bliss-out* («to incident strong harmony»); *to funk* («to hang enjoyably to good melody»); *to horse around* («to smash out smiling») и др. В современном, общепринятом в мире словоупотреблении пределами возрастной среды США сильно усечено применение слова *drugs* в смысле «все нормально». К примеру: «For example, your associate tells: «Let's leave to this home and snoop to the original subject, which you answer, Drugs». Столь явное своеобразие произносимого растущим поколением предполагает тщательное изучение, могущее оказаться действенным атрибутом в процессе постижения взрослеющей социальной группы, нередко оказывающейся в роли «лишнего» в жестоком современном мире. В молодежной сфере и в сопровождающей ее обстановке сленг можно считать наиболее активным и потенциально расположенным лексическим классом. Это оттого, что благодаря данному инструментарию, несовершеннолетний носитель языка получает возможность в некоторой степени кодировать произносимое для других, порой противостоящих ему возрастным категориям. Нередко идентичные объекты окружающей среды приобретают непохожие названия относительно возрастной отнесенности участников общения. К примеру, коммуниканты в солидном возрасте используют лексемы *wireless* в смысле *radio*, *ice-box* в смысле *refrigerator*; однако взрослеющий юноша скажет об этих бытовых предметах соответственно *boombox* и *fridge*. Непосредственно так называемые «непонятки», частая для данной социальной группы безответность способны выступать мотивацией в процессе формирования ими нетрадиционной реальности с характерной лишь для них «ценностной картой» и с оригинальным языковым «брендом».

В соответствии с третьим из обозначаемых нами признаков – этнической принадлежностью носителя языка – возможны следующие сленговые вариации: *wop* (от неап. бандит) – итальянцы; *kraut* – немцы; *yid* – индоязычный; *dago* от *Diego* – испанцы; *kike* – евреи; *bohunk* – восточноевропейские беглецы; *micks* (от *Michael* в Ирландии), *raddies* (от *Padraig* – там же) – ирландцы. Кроме того, и по цвету кожи, – *colored* (цветной), и по месту проживания – *coon* (португ. *barracoos* – сооружения, в которых заключали невольников с целью последующего сбыта). А также и в переносном смысле: *porch monkey* (шимпанзе на террасе), *tar* (уголь) *baby* (малыш), *powder burn* (порох, ставший углем), *smoked rish* (сгоревший ирландец); *sooty* (черный словно смола), *spade* (пиковый ранг). Нередко (точнее – преимущественно)

но) вышеприведенные номинативные элементы отличаются негативным настроением, несущим оттенок ироничный, но порой слишком острый, порой – унижительный и оскорбительный. Следовательно, в английском лексическом строе, применяемом на общемировом уровне, присутствует и функционирует комплекс этнически-относимых номинативных рядов, разграничивающих расы человечества. При этом объединяющая эти ряды синонимия присуща большинству доминирующих языковых компонентов, обладающих схожей семантической насыщенностью.

В общем, относительно сленговой лексики можно вести речь о том, что данная языковая категория включает и предполагает немалое количество социально-различаемых носителей языка, присущих различным профессиональным и общественным сферам. Каждая из них – с собственной характерностью; к тому же тенденции объединения данных характерологий в пределах рядовой разговорной среды имеют место, они ощутимы.

Рассмотрев выше стилистику разговорную в ее характерологической насыщенности, переходим далее к возможно более подробному другому традиционному стилевому типу, присущему официально-деловой сфере. Внимание к стилевой обособленности продуцирования и оформления бизнес-текстового инструментария достаточно закономерно. Сопровождающий такого рода тексты официально-деловой стиль, принадлежащий к ряду книжной типизации, оказывается строго обязательным в выстраиваемых бизнес-взаимодействиях.

Исходить необходимо из того, что каждое деловое действие или основательная операция способны происходить и закрепляться посредством вероятных и возможных договоров либо актов. Подобная конфигурация деловой активности предполагает письменное текстовое изложение, что, в свою очередь, оказывается предопределением конкретного и строгого расположения участников (как личностного, так и общеделового). В частности, всевозможные участники делового процесса, к примеру, клиент рядом с сервисным работником способны оглядываться друг на друга. Они будут взаимодействовать относительно непосредственной (стандартизированной, но четкой) тактике, что предполагает строгое соблюдение и внимание к сотрудничеству мнению. А вместе с аналогичной активностью предполагается качественная предопределенность и результатов деятельности, и процессуальной продуктивности. Подобным образом происходит

взаимоотношение контекстов личностных и социальных слияний непосредственно в текстовой стилистике продуцируемого текста.

Однако возможна и одновременно применима произносительная (устная) вариация официально-делового текста. Это, в частности, типично для речей, сообщений и спичей в процессе всевозможных (рядовых, экстренных и праздничных) коллективных сборов, а также в ходе индивидуальных и персонализированных выступлений, практикуемых чаще и властными, и служащими, и общественно-политическими представителями. Причем в подобной устной форме допускается порой неограниченное расширение границ возможной (перед слушателем и зрителем) ораторской пафосности. Как выражается по данному поводу дореволюционный исследователь словесности А. Глаголев, «в наших деловых бумагах кроется все древнее красноречие со всеми его видами: судебным, совещательным и описательным; различие состоит в том, что древние декламировали свои речи в собраниях народных или в сенате, а у нас секретари читают свои записки в присутствиях, начальники отделения перед министрами, оберсекретари в сенате и т.д.» [2].

Уточним далее присущие официально-деловому стилю и характеризующие его специфические особенности – лексические, семантические, морфологические, коммуникационные и др. Данные признаки отличаются обязательными и общераспространенными межязыковыми оттенками, обусловленными функциональной наделенностью языковой единицы, поскольку оформляемые этим стилем тексты обязаны выступать действующим орудием в таких сферах, как: официально-деловая коммуникация, фиксация и распространение служебной делопроизводственной (рядовой и властной) документации и т.д.

Причем относительно русскоязычного общения применимы некие специфические (возможно, этно-обусловленные) особенности. Они в большей степени активно прослеживаются на поле преобладающего сегодня глобального англоязычного пространства. В первую очередь, данному стилю свойственна семантическая безапелляционность несомой информации. Подобное строгое исключение из пользования какой-либо двусмысленности и многозначности, что предопределено правильностью, пунктуальностью лексического применения. Это, в свою очередь, требует любого употребления слов в их истинных смыслах. В соответствии с подобным условием сложности в реализации языковых носителей инициировали и возбуждают синонимические варианты,

поскольку они допускают разнообразные смысловые оттенки. Причем отмечаемая нами стилевая строгость запрещает какие-либо семантические тональности и не позволяет вводить в речь средства выразительности, а также жаргонизмы, просторечия, устаревшие, хронологически насыщенные и фразеологически окрашенные слова и выражения. В зависимости от того, что американская речь в стилевом отношении менее композиционно разбита по сравнению с русской, то в официально-деловом речеобразовании первыми

на идентичном уровне применяются лексические конфигурации, могущие быть присущими как деловым, так и бытовым стилевым группам.

Как высказывается по поводу данного стиля В.В. Виноградов, среди всех остальных стилевых принадлежностей только «научная речь хочет достигнуть своей цели средствами чистого сообщения, так что сама эта чистота, свобода от стремления к впечатлению, к экспрессивности становится ее внутреннею и самодовольною целью» [2, с. 145].

Список литературы

1. Виноградов В.В. О языке художественной прозы: Избранные труды. М.: Наука, 1980. 316 с.
2. Глаголев А. В умозрительных и опытных основаниях словесности. Ч. I. с. XI – II. – СПб., 1834.
3. Уничижительные термины американского и британского английского//<http://multilinguablog.com/2010/09/14/%D1%83%D0%BD%D0%B8%D1%87%D0%B8%D0%B6%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B5D1%82%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D1%8B/>

Биттирова Тамара Шамсудиновна, д. филол. наук

*Институт гуманитарных исследований – филиал ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
г. Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика*

СОВРЕМЕННАЯ РУССКОЯЗЫЧНАЯ ИНГУШСКАЯ ПОЭЗИЯ: ПОЭЗИЯ СОПРИЧАСТНОСТИ (на примере творчества Якуба Патиева)

Аннотация. В работе на примере творчества Якуба Патиева раскрываются основные проблемы, которые затрагивает и раскрывает русскоязычная ингушская поэзия. Отмечается, что по глубине раскрытия проблем современности она не уступает, а где-то и опережает поэзию на родном языке. Творчество Якуба Патиева как лирика рассматривается как исповедальная литература с одной стороны, с другой – гражданская, две ипостаси характеризуют творческий почерк автора.

Ключевые слова: ингушская поэзия, Якуб Патиев, современность, война и мир.

Современная ингушская литература отличается многообразием форм и глубиной раскрытия проблем современности. Русскоязычные авторы Якуб Патиев, Гирихан Гагиев, Марьям Льянова, Раиса Дидигова, Тамара Чаниева и другие рассказывают о пути, проделанном народом в истории, о современных проблемах и надеждах на будущее. По глубине и масштабу раскрытия проблем современной действительности их поэзия не уступает, а где-то и опережает поэзию на родном языке. Их аудитория намного шире, они используют возможности современных информационных реалий, чтобы поделиться радостью, печалью и надеждами родного народа.

Якуб Султанович Патиев – талантливый поэт, яркий публицист, литературовед, общественный деятель, один из тех, кто определяет духовную жизнь ингушей на протяжении последних десятилетий. Якуб Патиев – русскоязычный автор. Им написано более двадцати книг, сотни статей, составлена «Базоркинская энциклопедия» [8], в которой вокруг личности Идриса Базоркина собрано все, чем была наполнена жизнь ингушей в самые торжественные и трагические дни их истории на протяжении последнего столетия; составлена книга к 10-летию образования Республики Ингушетия – «Республика Ингушетия. Время, события, люди» о трудном пути становления самого молодого субъекта Российской Федерации,

достойно прошедшего сквозь катаклизмы конца XX – начала XXI века. Данная Энциклопедия переиздана к 20-летию Республики Ингушетия, автор существенно дополнил ее новыми материалами [6]. Большую ценность также представляет издание «Писатели Ингушетии» [7], которая содержит библиографические очерки о классиках ингушской литературы, дающие полное представление об истории становления и развития национальной литературы через призму творчества ее классиков и современников.

Начинал Якуб Патиев свой путь в литературу в 1967 году с публикаций в районных, республиканских и центральных газетах и журналах. Опубликовано около 400 статей, заметок и стихов в Грозном, Назрани, Махачкале, Орджоникидзе (Владикавказе), Алма-Ате, Минеральных Водах и Москве. Автор около 30 книг и брошюр: двух сборников стихов [9; 11], монографий о жизни и творчестве классиков ингушской литературы Идрисе Базоркине [3] и Саиде Чахкиеве [12], сборника документов «Ингуши: депортация, возвращение, реабилитация. Документы, материалы, комментарии» [5], энциклопедии «Республике Ингушетия – 10 лет (1992-2002 гг.): хроника становления республики с комментариями и приложениями» [4] и других.

Творческий путь Я. Патиева был предопределен обстоятельствами становления его личности. Будучи студентом, он глубоко и заинтересованно изучал родную словесность, историю и литературу: северокавказскую и закавказскую. Первые публикации Я. Патиева относятся к студенческим годам. Однако первая книга автора появилась через много лет, так как он изучал, собирал и систематизировал большой материал для своих будущих книг почти три десятилетия. И в последующем эти материалы, окрашенные эмоциями, мыслями, талантом и мастерством Якуба Патиева, станут книгами, значимыми для всего народа. Данным обстоятельством объясняется большой «урожай» последних десятилетий.

Первая книга Якуба Патиева (сборник стихов «Разбудите в себе человека») [9], получила большой читательский отклик, ибо в ней очень остро были обнажены обстоятельства, последовавшие за трагедией 1992 года. Книга была востребована временем, о чем свидетельствует ее переиздание в Саратове (1997 г.), это редкая творческая практика, когда в одном из регионов страны переиздается книга национального автора [10]. В названии книги уже звучит призыв разбудить в себе человека ко вчерашним друзьям, вдруг ставшим врагами, убить жестокого зверя, способного на

любую подлость. Это призыв к спасению души, как никогда актуальный в заданных обстоятельствах. Его поэтические зарисовки – раздирающие душу картины бесчеловечности и насилия. Но поэт не призывает к мести, он просит понять произошедшее и предотвратить подобное в будущем. Для этого необходимо разбудить в себе человека, спящую совесть и честь:

Неистово и рьяно,
За грех и просто так,
Бьют злобно, с придыханьем,
Как может бить лишь враг.
Кто пулею, кто словом,
Не мучаясь, разят
Делившиеся кровом
И пищею друзья.
Нам юность отравили,
Подсыпав в дружбу яд.
Как искренне дружили,
Так искренне клеймят.

Книга стала настольной для многих, кто искал ответ на вопрос «как жить дальше?», залечивая раны и сохраняя при этом открытость миру, любовь к человечеству. Не осталась в стороне и критика. Ей посвящали и специальные статьи, и разделы в монографиях и диссертациях.

Критик Ахмет Газдиев основным лейтмотивом книги Якуба Патиева считает ответственность поэта за «груз чужих грехов» [1]. Подчеркивая, что в наш жесткий век поэзия постепенно утрачивает эмоциональность, таинственность и романтизм, в такой среде, «когда фантазия теряет крылья и прагматизм навязывает свою волю тончайшим материям мироздания, наиболее ярко проявляется любая свежая мысль, а тем более облеченная в стихотворную или вернее, в поэтическую форму». Таковы стихи, составившие сборник «Разбудите в себе человека».

А. Газдиев отмечает гражданское мужество поэта: «...ценой титанических усилий поднимаясь до вершин величайших нравственных ценностей, он находит в себе силы для прощения. И, более того, молит об этом высшие силы. И это для тех, кто раньше «искренне дружили», а сегодня также «искренне клеймят». И далее: «Участь настоящего поэта – нести тяжкий груз чужих грехов. Поэт может сомневаться, но развеять чужие сомнения – его прямое предназначение. По этому пути нелегко идти одному, но и в попутчики можно взять только совесть, которая, отнюдь, не облегчит твоих страданий. Ненависть – от лукавого, прощение – от Христа. Эта мысль словно выкристаллизовывается в стихотворении «На посту», которое тоже вошло в поэтический сборник. Нет

смысла бесстрастно препарировать это стихотворение, его нужно просто прочитать». В самом деле, анализировать стихи Я. Патиева, подгоняя их в поэтические и семантические клише, невозможно, ибо они осязаемы и ощутимы, в них чувство справедливости опережает и обуславливает все другие человеческие чувства. Страсть, сила, любовь, ненависть, гнев, доброта, жалость и бесстрашие – неполный перечень того, чем наполнена гражданская лирика поэта. Она откровенна и беспощадна, как были беспощадны обстоятельства, их породившие. Но в них нет призыва ответить злом на зло, жестокостью на жестокость, подлостью на подлость. Он призывает искоренить эти чувства и «разбудить в себе человека». Поэт скорбит и помнит, как в свое время Кайсын Кулиев, услышавший, как скорбят чинары по погибшим:

Опять чинары скорбно шелестят,
И где-то снова бой идет без славы,
И где-то снова в брата целит брат,
И снова смерть приходит к тем,
что правы...

Опять селенья чьи-то сожжены,
Вновь жертва плачет, а палач смеется.
А мне еще недавно снились сны,
Как будто кровь уже нигде не льется...

Основное содержание первой поэтической книги автора – это зарисовки, этюды только что пережитой войны. Каждый стих – рассказ, маленькая повесть, чья-то горестная судьба. Поэт не может скрыть своей зависти к русскому паренюку, который вернется туда, где ждет его теплый дом и материнский хлеб, чего лишены изгнанные из своих жилищ ингушские молодые ребята и девушки, старики, женщины и дети. О чем твоя печаль, – спрашивает поэт солдата, играющего на гармонии грустную мелодию. И сам себе отвечает, перечисляя настоящие невзгоды, от которых нет защиты:

На посту, где конфликтная зона,
Автомат и жилет отложив,
Русский парень на русской гармонии
Все играет печальный мотив.
Перед ним не родные просторы,
Не пьянящая их тишина,
А чужие и хмурые горы,
Где вчера прокатилась война.
Молодой, загорелый и русый,
Он играет, забыв обо всем,
О разлуке с любимой, о грусти,
О друзьях и проселке родном.
Что же ты о тоске и печали
Бесконечно играешь, солдат?

Ты вернешься в родимые дали,
В отчий дом и родительский сад.
Только нам в отчий дом не вернуться.
Там развалины, пепел, бурьян.
От плодов там деревья не гнутся,
Рукотворный их смел ураган.
Тебя встретит приветливо дома
Твой ни в чем не повинный сосед,
И село, что до боли знакомо,
Будет лить свой живительный свет.
Не прошлись там родные солдаты
Тяжким следом железной брони,
Павших замертво друга иль брата
Без вины не погасли огни.
И селу до земли поклониться
Волен ты у могилы отцов.
Как земля почерневшие лица
Не увидишь своих земляков.
И в местах, где прошло твоё детство,
Все звучит материнская речь ...
Мне куда от отчаянья деться,
Как в себе состраданье сберечь?
Видишь, как молчаливы мужчины,
Как суров и печален их взгляд?
Малым винтиком грозной машины
Будешь долго ли здесь ты, солдат.
Ты вернешься в родимые дали
В отчий дом и родительский сад.
Не играй же о грусти – печали,
Бесконечно счастливый солдат.

Война, увы, не заканчивается прекращением военных действий и даже восстановлением разрушенного. Она живёт в сердцах тех, кто потерял близких людей или утратил свой родной дом. Настоящий поэт не может переложить на кого-либо страдание людей, безумство политиков, он чувствует свою ответственность во всех прегрешениях человечества, ибо у него есть Слово, которое должно управлять вектором движения времени. Однако невозможность такой непреложной связи мучает поэта, заставляя говорить горькие слова:

Я ведь тоже виновен, я ведь тоже молчал,
Чтоб комфортно жилось, не отняли кусок.
На глазах у меня невиновный страдал,
Я вмешаться тогда не хотел иль не смог.
Под молчанье моё горлопан-демагог
Мой народ и меня шумно к пропасти вёл.
Я же сердце своё ненадолго сберёг,
И покоя желанного я не обрёл ...
Чтобы сердце у вас не болело потом,
Молодые, боритесь сегодня со злом!

Если первая поэтическая книга Якуба Патиева была криком души, обращением к человечеству остановить насилие в любых его проявлениях, то

следующий сборник – книга лирики, поэтическая исповедь «На изломе души» увидела свет в 2010 году [11]. В нее вошли и ранние стихи, но основное содержание книги определяется лирическим настроением автора, его сокровенными чувствами и мыслями. Особое место в книге занимает тема любви. В контексте творчества автора она, конечно же, стоит особняком, ибо Я. Патиеву всегда приходилось осваивать и излагать жесткий, порой и жестокий материал, обусловленный трагическими обстоятельствами. Сила этих обстоятельств, казалось бы, не оставляет места для лирики и романтизма. И в масштабе творчества писателя лирика представляется хрупким горным цветком среди громады скал, и сердце поэта бьется в одном ритме с этим цветком.

Стихи о любви написаны в жанре эпистолы, но они переходят границы письма и альбомного посвящения, ибо имеют общечеловеческое звучание, несмотря на то, что автором создан зримый образ любимой женщины. Простые и вечные истины... Любовь как вечное духовное чувство в этих стихах имеет множество граней. Простое и емкое желание быть с любимым человеком:

Сколько лет в душе хранил
Смысл истины простой:
Лишь бы я с тобою был,
Лишь бы ты была со мной.

Попросту восхищение красотой любимого существа:

И почему ты так красива,
Зачем даны тебе одной
И этих глаз шальное диво,
И их пленительный прибой?
Какой художник гениальный
Тебя, такую, изваял,
Какою песней величальной
Он это тело оживлял.
Кто стану дал звучанье лиры
И гибкость молодой лозы,
Глазам – огранку ювелира,
Прозрачность ангельской слезы?
А кто собрал в одной улыбке
И страсть, и нежность, и покой?
Как струны знаменитой скрипки,
Она пронзает чистотой.
А голос, трепетно-певучий,
Какой настроил камертон?
С души прогонит разом тучи
В минуты тягостные он.
А как сошлись в игривом смехе
И озорство, и юный пыл?
Судьбы нелёгкие огрехи,
Твой смех услышав, я забыл.

Ты – тайна вся и вся открыта, –
И тем загадочно сильна.
Подобно языку санскрита
Для постижения трудна.
Тебя воспеть – одно блаженство,
Ты рождена, чтоб восхищать.
Хвала Творцу, что совершенство
Такое может создавать!

Любовь к женщине, как высокое человеческое чувство, воспетое тысячами поэтов в миллионах строк, неисчерпаема и каждый случай уникален. Особенное в стихах поэта – искренность и глубина. Мысли о любимом существе заставляют поэта заглянуть за грань человеческого существования, и это, прежде всего, связано с тревогой за любимого человека:

Когда уйду, поверив в безнадежность,
И в медный цвет оденутся сады,
Моя пусть нерастраченная нежность
Хранит тебя негласно от беды.
Друг друга потеряем мы из виду
И, может, где-то в сутолоке дня,
Услышав обо мне или увидев,
Заметишь вскользь:

«Как он любил меня...»

Начиная с юношеских лет, биография Я. Патиева была насыщена эпохальными событиями, в которых он принимал самое активное участие, зачастую влияя на вектор движения этих событий. Данный бесценный опыт сказался и на содержании его книг, в которых главное – личность в контексте времени. Как правило, его герои художественно-документальных произведений – сильные непреклонные личности, как Идрис Базоркин, озаренные светом, как Саид Чахкиев и др. Личность в контексте истории, личность в эпоху перемен – вот предмет творческого интереса и исследований Якуба Патиева. Краткие и емкие портреты, составленные для энциклопедии «Ингуши...», представляют собой коллективный портрет республики в эпоху перемен и дают возможность читателю прикоснуться к тем проблемам, взлетам и падениям, которые были продиктованы временем. Якуб Патиев – талантливый публицист, его выступления в СМИ отличаются взвешенностью, глубиной взгляда на события, стремлением донести до общественности правду, какой бы она ни была.

Многогранность личности Якуба Патиева, его вклад в развитие культуры не только родного народа, но и всего Северного Кавказа отмечались неоднократно. В самом деле, писатель и общественный деятель, знаток истории и культуры Кавказа вносит своим творчеством большой

вклад в благородное дело консолидации общества в эпоху социальных перемен, в эпоху пересмотра почти векового социалистического опыта развития в пользу новой общественной формации, где главным должны быть принципы социального равенства и братства народов России.

Список литературы

1. Газдиев Ахмет. Тяжкий груз чужих грехов. Сердало. 1996, от 7 декабря.
2. Патиев Я.С. Идрис Муртузович Базоркин. Биобиблиографический справочник. Саратов, 1997. 32 с.
3. Патиев Я.С. «А я иду...». Очерк жизни и творчества Идриса Базоркина. Назрань, 2000. 220 с.
4. Патиев Я.С. Республике Ингушетия – 10 лет. 1992-2002 гг. Хроника становления с комментариями и приложениями. Магас, 2002. 176 с.
5. Патиев Я.С. Ингуши: депортация, возвращение, реабилитация. Документы, материалы, комментарии. Магас, 2004. 608 с.
6. Патиев Я.С. Республика Ингушетия. Хроника 20-летия. 1992-2012. Ростов-на-Дону, 2012. 390 с.
7. Патиев Я.С. Писатели Ингушетии. Книга первая. Ростов-на-Дону, 2015. 200 с.
8. Патиев Я.С. Базоркинская энциклопедия. Ростов-на-Дону, 2017. 260 с.
9. Патиев Я.С. Разбудите в себе человека. Стихи. Назрань, 1996. 63 с.
10. Патиев Я.С. Разбудите в себе человека. Стихи. Саратов, 1997. 110 с.
11. Патиев Я.С. На изломе души. Сборник стихов. Ростов-на-Дону, 2010. 457 с.
12. Патиев Я.С. Душа, наполненная светом: жизнь и творчество Саида Чахкиева. Нальчик, 2009.

Габибуллаева Патимат Магомедовна, канд. филол. наук
 Дагестанский государственный педагогический университет
 г. Махачкала, Республика Дагестан

ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ РУССКОГО ЯЗЫКА ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы заимствований из русского языка во фразеологических единицах современного даргинского языка. Отмечается, что фразеологические кальки сохраняют полностью структурно-семантический рисунок оригинала.

Ключевые слова: даргинский язык, заимствования, русский язык, фразеологические единицы, калькирование, лексические единицы.

Современный даргинский язык обладает достаточно богатой фразеологией. Фразеологический состав современного даргинского литературного языка находится в состоянии изменения и пополнения.

Современный даргинский литературный язык пополняется не только лексическими единицами, но и фразеологизмами из русского языка. На сегодняшний день результаты контактирования даргинского языка с восточными языками (арабским, персидским, тюркским), а также русизмами описаны. Однако результаты контактирования на фразеологическом уровне ещё не стали предметом исследования, хотя в работах кавказоведов выделяются фразеологические заимствования, фразеологические кальки и двулексемные сочетания различных типов [2].

М.-С. Мусаев отмечает, что «способность иметь не одно, а несколько значений является приобретенным в процессе исторического развития языка признаком даргинского слова. В момент возникновения слово всегда однозначно. Новое значение приобретается им, как правило, в результате его переносного употребления. Предпосылкой для такого употребления слова, прежде всего, является сходство или смежность явлений» [3, с. 12].

Определение фразеологических синонимов достаточно сложный процесс. Это объясняется самим явлением синонимии, сложностью фразеологизмов и их разнообразием. «Одной из основных внешних причин возникновения фразеологических синонимов у различных видов идиоматики является постоянно действующая в языке тен-

денция к созданию дополнительных оттенков» [1, с. 139].

Отметим, что не все русизмы получили одинаковое распространение и признание в даргинском языке. Некоторые из них прочно вошли в состав современного даргинского языка. Они составляют часть активного словаря. Другие встречаются в специальной литературе. Не все даргинцы в одинаковой степени употребляют их. К примеру, в речи молодого поколения русизмы встречаются чаще, чем в речи старшего поколения.

Калькирование фразеологических единиц из русского языка в современном даргинском литературном языке идет следующими путями:

1. Фразеологические кальки современного даргинского языка созданы на исконно-даргинском материале по подобию соответствующих русских фразеологических единиц. В них каждый компонент точно передается аналогичным образом на даргинский язык.

Примерами полных фразеологических калек, возникших в даргинском языке под влиянием русского языка, могут быть: *бяркъбедес* (букв. 'давать воспитание') 'воспитать', *х1ергъесли гъайик1ес* (букв. 'говорить непонятно') 'говорить загадками', *аллагълизи шукру* 'слава богу', *бек1 ласбухъахъес* (букв. 'заставить голову крутиться') 'вскружить голову', *хъябличи ац1ес* (букв. 'сесть на шею') 'сесть на голову', *ца къяш ишаб, цакъяш итаб* (букв. 'одна нога здесь, другая – там') 'очень быстро', *жаг1ялла барх1и* (букв. 'завтрашний день') 'будущее', *бухъянси далай* (букв. 'долгая песня') 'длинный разговор, долгое дело', *лебил дунъя* (букв. 'весь свет') 'весь мир', *миц1ирмиц1ирли х1яблаварес* 'заживо хоронить', *някъ-ла х1янчи* (букв. 'ручная работа'), *аллагъла вали* (букв. 'раб божий') 'покорный, с мягким характером человек', *мургъила някъби* (букв. 'золотые руки') 'человек, умеющий делать все', *бек1 бузули* (букв. 'голова работает') 'умный, рассудительный', *къакъ ибкъаэс* (букв. 'опереться спиной') 'надеяться на кого-нибудь' и др.

2. Наше исследование показало, что целый ряд фразеологизмов современного даргинского языка содержат в своем составе русизмы, обозначающие предметы быта, профессию, политические понятия, продукты питания, названия учреждений и др. Фразеологические словосоче-

тания образованы путем сложения исконно-даргинского и одного из компонентов русского языка. Это достаточно активный способ образования фразеологических единиц в современном даргинском языке. Приведем примеры: *Базар бариб* 'сплетни, ненужные разговоры стали распространяться' (букв. 'базар открыли'). *Базар батирая* 'прекратите лишние разговоры' (букв. 'оставьте базар'). *Базарлабван саби* 'подняли шум-гам' (букв. 'как на базаре'). *Шел кепеклизи агар* 'не стоит ломаного гроша' (букв. 'не достойный и пяти копеек'). *Кепек кепекли* 'точь в точь' (букв. 'копейка в копейку'). *Кепекла дайла тупанг ибан* 'о мелочном жадном человеке' (букв. 'копеечная душонка'). *Кепеклизи агарси* 'гроша ломаного не стоит' (букв. 'не стоит ни копейки'). *Кепеклис узи вирцан* 'о человеке, способном предать' (букв. 'за копейку брата продающий'). *Кепеклис чархла къуват бирицли сай* 'зря тратит силы' (букв. 'за копейку продает силы'). *Кепекличи кепек арц* 'копейка рубль бережет' (букв. 'копейка на копейку – деньги'). *Кепекличи кепек* 'копейка рубль бережет' (букв. 'копейка на копейку').

В качестве примеров неполных калек фразеологических единиц – заимствований в даргинском языке, можно привести: *республикала барх1и* 'день республики', *реформа дураберк1ес* 'проводить реформу', *семечкала масло* (букв. 'масло подсолнечника') 'растительное масло', *пунктуацияла ишара* (букв. 'пунктуационный знак') 'знак препинания', *Октябрьла революция* 'Октябрьская революция', *писательтала союз* 'союз писателей'. Фразовые примеры:

Семечкала маслала ишишара касили, Марзият хъулирад дурарухъун. Х1уни кагъар лук1ух1ели пунктуацияла ишара кабатес хъуммартид. Даргантала писательтала союз ункъли бузули биъниличила газетализиб белк1ири. Октябрьла революция кабизурли г1ергъи даршал дус дикили сари.

Данные фразеологические единицы подтверждают проникновение русских заимствований в фразеологическую систему современного даргинского литературного языка.

Наши материалы показывают, что калькирование фразеологизмов из русского языка является одним из важных путей развития и обогащения фразеологического фонда современного даргинского языка.

Список литературы

1. Гасанова У.У. Лексический состав и словообразование хайдакского диалекта даргинского языка. Махачкала, 2012.
2. Гюльмагомедов А.Г. Сопоставительное языкознание в очерках и извлечениях. М., 1991.
3. Мусаев М-С. М. Лексика и словообразование даргинского языка. Махачкала, 2009.

Гамурзиева Марина Идресовна, магистрант
Ингушский государственный университет
г. Магас, Республика Ингушетия

ВЫШЕГУРОВ МУХЪМАДА ЛИРИКЕ НАЪНЕИ ЕЗАЧУНИ АМАТАШ

Аннотация. В статье рассматривается любовная лирика Магомедом Вышегуровом, в которой через философские размышления раскрывается его богатый внутренний мир.

Ключевые слова: Вышегуров, поэт, произведение, стихотворение, тема, гипербола, метафора, литература.

Безама теманна хетаяь дукха произведенеш язъяьй поэташа, прозаикаша, драматургаша. Мас-садолча хАманцара цена безам хестабеш, шакIа санна, къаьга кхолламаш да гIалгIай йоозонхой а. Царех цаI ва поэт Вышегуров Мухъмад. Цо метафорашца хоздеш, гиперболашца лакхдеш, дистарашца озаш гойт ший наьнацара а йиIийцара а безам.

Ше дикача поэтех цаI хиларах тарра, гIалгIай халкъа вахар гойташ дола говзама кхелла аматаш да поэта ший лирике леладераш, хАна аьлча, «... халкъа духовни вахари искусствои айхха дувзаденна да цун исторически вахарца» [1, с. 6].

Наьна дозал гойташ дукха поэтически мугIараш да Вышегуров Мухъмада кхелла. Цо хестаю нана, дувц цун камаьршалах, дега йIовхалах, кIаьдалах лаьца. Илманхочо Хадзиева Iайнас белгалду: «Наьнаца цхьаккха хАма укх лаьтта нийсдац поэта. Наьнал доккхагIа, чIоагIагIа, безамагIа укх дунен тIа хАма дац, хила йиш а яц. Селла чIоагIа еза цунна ше ваь нана: миччахьа вале – гаьна, гарга – хов цунна шийга нана хьежаш йолга, поэт ше а ва сиха нана йолча кхача; моллагIа метте вале, наьнага сатосс цо» [2, с. 61].

Ший «Наьнал кIаьдагI...» яхача стихотворене тIа поэта дика гойт наьна амат, цун кIаьдал, бочал. Укх тайпара хаттараш увтгаду цо ший мугIарашка:

Наьнал кIаьдагI
ХовхагI,
ДикагI
Саг вий лаьтта?
Наьна дар санна
Кхераш дий-хьогI дог?

Поэта санна, вайна а хов наьнал хьамсарагIа саг воацилга. МоллагIа хАман вайх кхераргдар халкъа легендашца дувцаш дола наьна дог да, цундар миссел кхераш дий-хьогI кхы цхьаькха дог, йоах автора:

МоллагIчо пIелг хоадабаь
Ций тIадам бIаргбайча
Наьнага кхоача бала,
Iазап,

Хало

Сага бIарга ма гулда.

Ший бера пIелгах ций доалийтаргдацар цхьаккха нанас, из гойт поэта а. ТIаккха ма боккха бала хургба цун кхы а доккхагIа дола хАма тIадеча. Ший бера хинна хАма, шийна хилча санна, тIаэц моллагIа нанас, хАна аьлча, царел бочагIа хАма дац цун. Бери лайна хало наьна дег чу юж, цунна хьалхара ше из ла кийча хургьяр нана.

Иштга, наьна дега кIаьдал ювцаш, поэта ший мугIарашка гойт из дог турпала долга а. Цо сий лораду, хила езаца, денал долаш а хул из. Масала, доаладергда вай ер мугIараш:

Даьхен доозон тIа
МоастагI веча,
Гора оттабе
ЛерхIаш хьоаме мохк
Нанас воIага:
– Хьай ций, вахар
Кхо маделахь, воI,
Кхоачашделахь
Сийлахь параз, – аьле,
Кховдаду
Бекхаме герз.

Даьхе яккха моастагIа веча, цунна деналца духьальотта везалга хьалхадоккх нанас воIа. Селлара из лоравеш, цунна водар хилар кхераш йола нана, мехка моастагIа веча, ший виIийга вахар кхо ма делахь яхаш, кхайк. Даьхе лораяр нанас хАра сага параз лоархI. Денал, майрал, моастагIчунцара эгIазал, бирсал совьяккхар дех цо ший виIийгара.

Хоза декаш да поэта наьнах дола мугIараш. «Со нана йолча цIакхача воалл», – йоах наьна кулгаша яьча сискалга сатесса волча лирически турпалхочо «Ираз» яхача стихотворене тIа:

Йоккхача Iаькъа чу –
Сиглен чу улл
КIайча жуврах
Мухъ тега яь
Безама етта
Сискал – бутт.

Со нана йолча
Цакхача воалл.

Дукха я поэта наьнацара, езача йиИийцара безам бувцаш йола стихотворенеш. Наьнацара безам санна, хозача дешашца хестабу поэта езача йиИийцара безам а. Хара поэта кхоллама юкье хул безамах лаьца йола стихотворенеш. Царех я: «Безама низ», «Еза сона», «Хьалхара безам», «Шелбенна седкъа», «Сонтача йоIага», «Хозал», «Зизашта йола назам», «Безама оамалаш», «Сох къаьстад са дог», иштта кхы а. Укх стихотворенешка поэта езача кхалсага хетаю ший уйлаш, хестаю цун хозал.

Езачун амат кхоллаш поэта пайда ийбу Iалама хозалах, из Iаламца юст цо. «Безама чIоагIал» ячача стихотворене тIа поэта йоах вахар шийла да безам ца хилча, цул воIа цхьаккха хIама дац «Iоажал» мара. Массаволча сага ховш да безамал чIоагIагIа укх дунен тIа Iоажал мара хIама доацилга, хIаьта поэт-м вац цох тешаш. Шеквувлаш ва из иштта хиларах. Стихотворене укх мугIарашца поэта хьаьбокх из дешачунга:

Безамал чIоагIагIа
ХIама дац, йоах, лаьтта
ХIаьта а цул чIоагIагIа
Iоажал я, йоах.
Тамаш я деррига
Дувцар бакьдале,
Со тахан тоьал
Шекваьннава цох.

Иштта, укх мугIарашца Вышегуров Мухьмада хьаьбокх безама цIенал, хозал:

Iоажало мерчена
Со юкье хьорчавича
Коа тIа гулбелча
Iаьржделла нах,
Со везача кхалсаго
Со волча чуена,
Са хьажа тIа кулг дилла
БIаргашкара ций тIадам
Са юхьа тIа божабича
Iоажала футтаройна,
Кхозза со тохалургвар,
Iоажалал чIоагIагIа
Безам болга хойташ.

Белгалла гуш да поэт безама низ Iоажалал чIоагIагIа хеташ волга. Iоажало ший мерчена юкье хьорчавича а, юххера а дукхаеза кхалсаг коа тIа а ена, ший хьажа тIа кулг диллача, цу шийлача, кхерамеча Iоажала футтаройна кхозза тохавала кийча ва из, безам чIоагIагIа болга хойташ. Селлара безам лоархIаш ва поэт. Цун низ чIоагIа боккха болаш бувц цо ший стихотворене тIа. Дистарах пайда эцаш кхеллай стихотворени.

ЗIамигача сагаи йоIаи юкье долча къамаьла хьисапе язъяь я «Ховргда хьона» яха стихотворени. Укхаза поэта хьаьбокх зIамсаго йоIа чам хулийташ, хоздеш дола ший вахар. ЙоI раьза я зIамигача сагага маьре яха, бакьда, духхьала из алац цо. ХIаьта вож-м вац иштта атта юхавала безам болаш:

Аьлар сога
ЙоIо,
Ела а енна:
– Со хьога йоагIаргьяц,
Кьонах.
– Фу дергда,
Ца везаш хилча,
Са хьох
Бехк боакхилга дац.

Вышегуров Мухьмада укх мугIарашца къаьгга хойт йоI зIамигача сага раьза йоацилга, хIаьта зIамига саг низ беш веце а, йоI Iехае а цунга хоза къамаьл де ховш а ва:

Ховргда хьона
Хьаллара седкъа
Са цIагIа бессача гIоза.
Дукха ха я
Цо сога бIатувса
Дукха ха я
Цо сога догдоаха.

Ший йиИийцара безам сигаларча седкъаца буст поэта. Седкъа санна, хоза я цун езар. ЙоI Iехаеш, из седкъа шийна боалабергба, йоах зIамигача саго. Дукха ха я, йоах, цо шийга бIатувса а догдоаха а. ЙоIа мерза дувца ховш ва зIамига саг, Iехае гIерт:

Аз кьоаной
Зоахалол дувца
Бохийтаргба из седкъа болча,
Космонавт ва сона вовзаш,
Из гIулакх
Дергда цо сона.

ЙоI шийна сихагIа раьза е, боккхий нах седкъа болча бахийта кийча ва зIамига саг, хIаьта космонавт а тIехьа дагавох цунна, къаьгга цо шийна гIо делга дезаш ва из. ЙиИийцара безам тарбеш, цу седкъацара безам бувц поэта. Цу седкъаца яхье яьннача йоIо оал:

– ТIаккха со!?
ЙоIага ийккхар,
Бос бахача
Хозача юхь тIара.

Селлара хоза бувца хов Вышегуров Мухьмада ший стихотворене тIа зIамигача сагаи йоIаи юкьера безам.

«Шелбенна седкъа» ячача стихотворене тIа поэта хьаьбокх мел чIоагIа ба ший еза-

чунцара безам. ХIаьта, йоI кура йоал ше езал-га хайча, цунна мотт ше массанена езалургья, аьнна:

Моттар хьона,
Сона езаелча,
Хье массанена
Езалургья, аьнна.

«Вышегуров Мухьмада лирически произведе-неш ешаш гучадоал мел низ болаш ба кьонаба-рашта юкье хула безам. Сох кьабстад са дог, из хьоца дах, хьо йийлхача, гIайгIа еш, гIозьяьнна хилча, заггIе дел, – йоах поэта. ЧIоагIа боча ба

цун дега безам. Вышегуровс хестаю шийна езача йийИй хозал, цун оамалаш» [2, с. 67].

Иштта, Вышегуров Мухьмада наьнахи без-амахи йола стихотворенеш ешаш гуш да уж поэта мел боккха чулоацам, кIоарга уйла йолаш кхелла я. Ший хIара стихотворенеца нана еза лархIара, лораяра, дукхаезара тIавех поэта. Цун нанна хе-тадаь мугIараш дийшача хоалу ше ваь нана сан-на, дунен тIара массайола нана а цо еза лоархIаш хинналга. Иштта, поэта хозача дешашца хестабу езача йийИйцара безам а. Цун чIоагIал, цIенал гойташ тамашийна аматаш кхувл.

Пайда ийца литература

1. Дахкильгов И.А. ГIалгIай говзаеме литература. Нальчик, 2009. 608 с.
2. Хадзиева А.А. Вышегуров Султана Мухьмад. ХIанзара ГIалгIай литература. Т. 4. Нальчик, 2013. С. 51-74.

Гандалоева Аза Закриевна, канд. филол. наук
Ингушский государственный университет
г. Магас, Республика Ингушетия

ИЗУЧЕНИЕ НАРЕЧИЯ ИНГУШСКОГО ЯЗЫКА В ШКОЛЕ

Аннотация. В статье сделана попытка определить методику изучения наречия учащимися. Для этого дается полная характеристика наречия как части речи. Определяется синтаксическая роль наречия в предложении. Проводятся разные задания по предупреждению смешения части речи и члена предложения. Для этого приведены разнообразные практические задания. Наречие определяет признаки действия; классифицируя эти признаки по характеру, выделяются разряды наречий.

Ключевые слова: наречие, обстоятельство, разряды наречий, связь примыкание, обстоятельственные словосочетания или наречные словосочетания, неморфологический способ образования, дидактический принцип, метод, приемы.

При изучении наречий учащимся приходится преодолевать много трудностей различного характера. Особенно сложно словообразование наречий. Формирование навыков правописания наречий требует многочисленных и длительных тренировочных упражнений. Все это обязывает учителя основное внимание уделять вопросам словообразования и орфографии, а работа по синтаксису проводится в сравнительно небольшом объеме.

Основная синтаксическая роль наречия в предложении – обстоятельство. Усвоение этого материала не должно вызвать больших затруднений, поскольку номенклатура обстоятельств и разрядов наречий по значению полностью совпадает.

При изучении темы «Наречие как часть речи» и рассмотрении наречий, выясняя их роль в пред-

ложении как обстоятельства, следует проводить параллель между разрядами наречий по значению и видами обстоятельств.

Необходимо дать определение наречия как части речи. Наречие – неизменяемая часть речи, которая определяет признаки глагола-сказуемого и всегда связано с ним. Между наречием и глаголом-сказуемым бывает связь – примыкание. Признаки, которые определяет наречие, бывают разные: образа действия, времени, места, причины, цели, меры и степени. Например: *ЦIаьхха догла доладелар. «Внезапно дождь начался». (Мишта?) ЦIаьхха.* Здесь наречие образа действия. Определяет признак глагола, связано с глаголом, между ними связь примыкание (тIатовжара бувзам). В предложении выполняет роль обстоятельства образа действия.

Для предупреждения смешения части речи и члена предложения (наречия и обстоятельства) необходимо проводить разные задания:

1. Дать наречия (*кхераме, сагота, футтаройна, клезига, шийла, коа, цлагла, селхан*) и составить с ними словосочетания (*кхераме хетар* ‘страшно казалось’, *сагота хетар* ‘скучно было’, *шийла хетар* ‘холодно было’, *цлагла ваглар* ‘дома сидел’, *коа латтар* ‘во дворе стоял’, *селхан вера* ‘вчера приехал’, *футтаройна дувцар* ‘назло говорил’, *клезига дера* ‘мало принес’. В словосочетаниях определить наречия и их разряд, определить связь между наречиями и глаголами.

2. С этими словосочетаниями составить предложения и определить, каким членом предложения они являются. Определяется грамматическое значение словосочетаний (действие и его признак по образу действия, времени, месту, способу совершения и т.д.). Такая работа будет способствовать упрочнению знаний по понятию наречия, его связи с глаголом, его роли в предложении как обстоятельства.

3. Из текста упражнения выписать наречия, составить новые словосочетания. Определить их разряд, затем тип связи в словосочетании.

4. С этими словосочетаниями составить предложения, сделать синтаксический разбор, определить виды обстоятельств.

Проводя такую работу, необходимо повторить известные учащимся способы выражения обстоятельств. Обстоятельства бывают выражены наречиями, деепричастными оборотами, существительными с послелогоми.

Необходимо подвести учащихся к выводу, что наречие – основной, но не единственный способ выражения обстоятельств. С этой целью могут быть использованы разнообразные задания:

1. С интерактивной доски списать предложения, подчеркнуть члены предложения, выделить обстоятельства, их вид, объяснить, чем выражены.

Ший Замигача вешийца хьунагла гюлла комараши лохьеш лелар Ислам. Ди делкъенга кхаьчадар, тхо цлаглара арадоалаши. Гобаьккха малх сийрда хьежар. Кхерах ког тоссабенна бер Юдежар, лоза а даь, члоагла дийлхар. Садовлицца Ахьмад цлагла ваьглар. Наяьгах иха члоагла клаьдвенна, со коа юкье Юхайра.

2. Составить предложения, используя в качестве обстоятельств ниже данные слова: наречия, деепричастия, деепричастные обороты, существительные с послелогоми и без послелогов: *Гуйранна* ‘утром’, *хлама а ца дуаши* ‘не евши’, *хьунагла* ‘в лесу’, *цлен юхе* ‘у дома’, *Юмлавиьрза*

‘наклонившись’, цецваьнна ‘удивленно’, *хозхета* ‘для удовольствия’, *дуккха* ‘много’.

Материал может быть обобщен с помощью таблицы, при проведении графического диктанта. Учащиеся составляют коллективно под руководством учителя таблицу, где даны все виды обстоятельств. К каждому виду обстоятельства приводятся примеры, определяется связь с глаголом-сказуемым. Можно повесить готовую таблицу и прокомментировать все виды обстоятельств. Обратить внимание учащихся на то, что наречия стоят впереди сказуемого и обозначают его признаки.

Некоторые наречия (слова категории состояния) служат именной частью в составном сказуемом в личных и безличных предложениях, где в составе такого сказуемого бывают наречия и связка глагола. Например: *Сайранна шийла яр.* «Вечером холодно было» (безличное предложение). Бывают такие предложения и без глагола-связки. *Цлагла члоагла шийла я* «Дома очень холодно». *Члоагла сиха ва.* «Очень шустрый». В смысле – он очень шустрый (личное предложение). Это сказуемые предложения, где сказуемое выражено наречием и глаголом-связкой, а иногда и без связки глагола. В таких предложениях не бывает подлежащего.

Безличные предложения учащимися усваиваются с большим трудом, чтобы облегчить овладение этим материалом следует расчленить предложение, выделить сказуемое. Дать представление о безличных предложениях, выделив их синтаксическую особенность – невозможность употребления в них подлежащего.

Затем повторяется, что сказуемое может быть выражено и личным глаголом, употребленным в безличном значении. В таких предложениях действующее лицо не названо. Содержание таких предложений осуществляется безлично. Например: *Сагота я.* «Скучно есть». (*Подразумевается* – «Мне скучно»). *Паргата ва.* «Спокойно есть». *Хьунагла сакъердаме хул.* «В лесу весело бывает».

Сказуемые в таких предложениях бывают выражены наречиями. Необходимо потренировать учащихся в разграничении наречий в роли сказуемого и в роли обстоятельств. Например: *Сагота я. – Со сагота лелар.*

В первом предложении – одно сказуемое. Во втором предложении – *лелар* – сказуемое, *со* – подлежащее, *сагота* – обстоятельство образа действия, выраженное наречием.

На закрепление даются разные виды упражнений:

1) Какие глаголы называются безличными? Привести примеры.

Назвать предложение, в котором сказуемое выражено безличным глаголом. В чем его особенности?

2) Прочитать первое предложение из текста упражнения 286.

Выражено ли в нем действующее лицо? Какое это предложение? Списать и сделать синтаксический разбор. (*Походе дахача, члоагла сакъердаме яр*).

3) Придумать личные и безличные предложения и записать в два столбика. Подчеркнуть члены предложения.

При изучении наречия продолжается работа и над словосочетанием, повторяя известные виды словосочетаний. Учащиеся вспоминают, что словосочетания делятся на именные, глагольные и атрибутивные. Далее учащиеся познакомятся с другим видом словосочетаний, в которые входят наречия: «сущ. + наречие» – *фуъ моша* ‘яйцо всмятку’, «прил. + наречие» – *члоагла мерза* ‘очень сладкий’, «наречие + наречие» – *геттара хьалха* ‘слишком рано’.

Здесь учащиеся знакомятся с новым видом словосочетания – наречным, разбирают новые значения словосочетаний. Они практически знакомятся с новым видом связи слов в словосочетании – примыканием. У наречных словосочетаний общее грамматическое значение – действие и его признак. Признаки действия, как и признаки предметов, могут быть различными. Они группируются по характеру признака: действие и его признак по образу действия, действие и его признак по времени, действие и его признак по месту, действие и его признак по причине и цели, действие и его признак по мере и степени.

Виды заданий на закрепление

1) Из текста упражнения 291 выписать словосочетания с наречиями, указать разряд наречия.

2) Распределить выписанные словосочетания на группы по характеру признака: действие и время, действие и место, действие и его причина и т.д.: *Сихха дувцар, духьала ведар, цлагла чувера, цахови дохадир, Iай цлавоагларгва, бийсанна сомаваьлар, геттара сатийра, лакхера чукхоссаваьлар, гавнна дахъежар, бегашта авлар*.

3) Составить предложения с этими словосочетаниями. Выделить обстоятельства и определить их вид. Сделать синтаксический разбор.

Знакомство со связью примыкания осуществляется путем анализа словосочетаний и выявления связи между главным и зависимыми словами. Предлагается определить способ связи главного и

зависимого слов, в разных типах словосочетаний: *кадай водар* ‘быстро шел’, *кадай сак* ‘быстрый человек’. В первом словосочетании определяется признак действия, а во втором словосочетании определяется признак предмета (человека) и согласуется с ним в числе, классе и падеже. В первом словосочетании зависимое слово связано с главным по смыслу, и эта связь называется примыканием. С этой связью учащихся знакомили при изучении деепричастия, а сейчас этой связью связаны зависимые наречия. Необходимо отметить, что примыкают к главному слову (глаголу) такие неизменяемые слова – наречие, деепричастие, неопределенная форма глагола (белгалза форма).

Виды заданий для закрепления

1) Разделить словосочетания на группы по способу связи.

Це зиза ‘красный цветок’, *виъ новкъост* ‘четверо друзей’, *Юлега лоа* ‘падающий снег’, *школе ваха* ‘в школу идти’, *сиха ада* ‘бежать быстро’, *хлара студент* ‘каждый студент’, *йисттелца йиза* ‘полный доверху’, *наькъа аьттехъа* ‘справа от дороги’, *диълагла ди* ‘четвертый день’.

2) Изменить словосочетания, которые связаны связью примыкания, так, чтобы появилась связь согласования и обозначали признак предмета.

Сиха удар ‘быстро бегал’, *ваха глертар* ‘уехать желает’, *велакъежаш дувцар* ‘улыбаясь говорил’, *уроках водар* ‘на урок шел’, *мерза хетар* ‘сладко казалось’.

3) Составить с этими словосочетаниями предложения и сделать синтаксический разбор.

При изучении неморфологических способов образования наречий рекомендуется познакомить учащихся с деепричастием в наречиях: *Цахови аьлар* ‘не зная сказал’, *цамотташ хилар* ‘не зная получилось’.

Контрольные вопросы и задания по теме «Наречие»

1. Каким членом предложения чаще всего бывают наречия? Что мы называем наречием, какими признаками оно обладает? Привести примеры.

2. Рассказать об употреблении наречий в словосочетании, привести

примеры и определить разряды наречий.

3. Какими членами предложения могут быть наречия, привести примеры.

4. Определить виды обстоятельств, которые выражены разными неспрягаемыми формами. Привести примеры.

5. Записать словосочетания «глагол + наречие», «прил. + сущ.». Со словами в сравнительной

степени. Такая работа поможет уяснить разницу между формами сравнительной степени прилагательных и наречий и научиться их различать.

6. Составить словосочетания, используя следующие наречия: *лоархIаме, нийса, сихагIа, атта, лакхагIа*. С полученными словосочетаниями составить предложения и сделать синтаксический разбор.

7. Провести контрольный диктант с грамматическим заданием:

а) обозначить в тексте наречное словосочетание;

б) над наречиями указать их разряд по значению;

в) определить обстоятельства и их типы по способу выражения.

8. Какие части речи могут служить главным словом словосочетания? На какие виды в связи с этим делятся словосочетания. Привести примеры.

При изучении наречия учитель должен использовать существующие общие и отдельные дидактические принципы во взаимодействии с разными методами и приемами. При этом в учебном процессе должна быть тесная связь с воспитательным процессом. Этот обучающий процесс осуществляется в разных формах преподавания.

Список литературы

1. Алексеева О.В. Современный урок морфологии (к проблеме реализации приоритетных подходов к обучению). Русский язык в школе. №4. М., 2010.
2. Борисова Л.Г. Молодой учитель: труд, быт, творчество. М., 1998.
3. Воителева Т.М. Теория и методика обучения русскому языку. Санкт-Петербург, 2006.
4. Гандалоева А.З. ГIалгIай мотт. Назрань, 2009. 220 с.
5. Гандалоева А.З. Актуальные вопросы синтаксиса простого предложения в ингушском языке. Магас, 2012.
6. Гандалоева А.З. ГIалгIай мотт хьехара методика. Магас, 2017. 177 с.
7. Иванов К.А. Все начинается с учителя. М., 1993.
8. Барахоева Н.М., Илиева Ф.М., Киева З.Х. и др. Современный ингушский язык. Морфология. Нальчик, 2012. 531 с.
9. Тариева Л.У. Наречие в ингушском языке. Назрань, 2013. 205 с.
10. Хамидова З.Х. Методика преподавания чеченского языка. Грозный, 1990.

Гасанова Узлипат Усмановна, д. филол. наук
 Дагестанский государственный университет
 Всесоюзный государственный университет юстиции МЮРФ
 Российская правовая академия
 г. Махачкала, Республика Дагестан

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЗАИМСТВОВАННОЙ ЛЕКСИКИ В ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Аннотация. В статье рассматривается история формирования заимствованной лексики в дагестанских языках. Отмечается, что заимствование в основном шло в основном устным путем, и заимствованные слова отличаются по своим семантическим и фонетическим особенностям. Все заимствования делятся на различные лексико-тематические группы.

Ключевые слова: дагестанские языки, заимствованная лексика, арабизмы, тюркизмы, персизмы, тематические группы.

Во всех дагестанских языках отмечается примерно одинаковое количество заимствований. Заимствованная лексика из восточных языков однотипна. В то же время отмечается заимствования древнего периода во всех дагестанских языках.

Еще в средние века в дагестанские языки попали слова тюркского, арабского, персидского языков, позднее появляются заимствования из русского языка. Во всех дагестанских языках одинаковы причины заимствований: военные походы на Да-

гестан, соседские отношения тюркских народов, культурно-экономические, торговые связи. Заимствованные слова в дагестанских языках отличаются по своим семантическим и фонетическим особенностям.

По мнению исследователей, в дагестанских языках отмечается около 2000 арабских слов. Начало проникновения арабских слов отмечается с 7-8 веков. Причиной является нашествие арабов на Дагестан и распространение ислама. Проникновение арабизмов в дагестанских языках отмечает два периода: 1) 8-13 вв.; 2) 16-21 вв.

В первый период проникновение шло медленно, заимствований было мало. Бурное проникновение арабских слов отмечается в 16-21 вв. Здесь свою роль сыграла религия (ислам), знакомство дагестанцев с арабоязычной религиозной литературой, арабской письменностью.

Проникновение арабских слов в дагестанские языки было ослаблено после Октябрьской революции. Ислам, надо отметить, не только религия, но и цивилизация, культура, в том числе и правовая. Так, например, ислам содействовал проникновению в регион арабского языка, арабской письменности, литературы, мифологии и т. д. Разумеется, в это же время, наряду с исламом, у народов Дагестана продолжали сохраняться отголоски и древних доисламских религиозных представлений. Значительная часть этих верований, потеряв свой первоначальный вид, существовала под внешним покровом новой религии. Дагестанцы изучали арабский язык, письменность, начали переводить на родные языки литературу, почти во всех селах в то время были организованы медресе, где детей обучали арабскому языку. На базе арабской графики – аджама в начале 20 века была попытка установления письменности в дагестанских языках.

Заимствование арабских слов шло в основном письменным путем. Арабские слова отличались от других слов по форме и по значению. По своей семантике арабизмы в дагестанских языках в основном обозначали религиозные, общественно-политические, отвлеченные понятия, термины родства, учебы, конкретные предметы: *Аллах, зикр, сунна, сабур, мавлид, мулла, хIурмат, низам, сиратI, хIяким, ватIан, халкь, инсан, ятим, тайна, насаб, жинс, жуз, мутаалим, алип, хатI, табтар, сапун, жавгьар, алмаз, маймун, тил, ханжал* и т.д.

В дагестанских языках почти все собственные имена имеют арабское происхождение. Отмечается заимствование целых фраз из арабского языка: *иншааллах* «если Аллах захочет», *бисмиллах*

«с именем Аллаха», *алхамдулиллах* «Слава Аллаху», *Лайлатулкьадри* «Ночь предопределения судьбы» и т.д.

Здесь также отмечаются заимствованные союзы, междометия: *ва, амма* и т.д. Попадая в дагестанские языки арабизмы осваивались в фонетическом и семантическом уровнях. Некоторые фонемы арабского языка, которые отсутствовали в дагестанских языках, заменялись звуками из дагестанских языков. Например, *п – ф: фикр – пикри* и т.д.

В семантическом отношении освоение арабских слов наблюдается в том, что многозначные арабские слова заимствовались только в одном значении. Например, *хIяз* «счастье», «игра» на арабском, а в дагестанские языки перешло только значение «игра»; *гьариб* – «чужой», «несчастный», дагестанские языки – только значение «несчастный»; *жагьил* «незрелый», «молодой» – перешло только «молодой».

Некоторые арабизмы отмечаются как в дагестанских языках, так и в русском языке, но иногда их значения расходятся:

араб. *масхарат* – русск. маскарад

араб. *шараб* – русск. сироп

араб. *макьлатIус* – русск. магнит

араб. *тайна* – русск. тип и т.д.

Сегодня в начале 21 века происходит возрождение религиозной жизни в Дагестане и обращение общества к религиозным ценностям отразилось на лексическом и фразеологическом составе современных дагестанских языков. Происходит переосмысление религиозной лексики, изменение её эмоционально-экспрессивной окраски.

В настоящее время наблюдается активное повторное проникновение арабских слов в дагестанские языки в связи с крушением коммунистической идеологии в нашем обществе, образовался духовный вакуум, заполнение которого становится насущной социальной потребностью. Сегодня можно говорить о возвращении религиозной идеологии, вытесненной из мировоззренческого советского пространства идеологией коммунистической. Снятие запрета на религиозную лексику активизировало проникновение нового потока арабских слов в дагестанские языки. Религиозный дискурс используется не столько для прямого выражения знания, провозглашения верований, молитвы и богослужения.

В дагестанских языках определенное место занимают слова из тюркских языков. Основными причинами их проникновения являются соседские отношения, экономические и бытовые связи.

Время проникновения делится на два периода:

1. Древние заимствования в 1-4 вв. н.э.;
2. Заимствования с 17 века по настоящее время.

Заимствование тюркских слов в дагестанские языки шло в основном устным путем. По своему значению тюркизмы отличаются тем, что они в основном выражают конкретные понятия, связанные с бытом. Отмечаются следующие семантические группы тюркизмов в дагестанских языках: 1) названия животного мира; 2) названия, связанные с профессией человека или его качествами; 3) названия растений и плодов; 4) названия построек; 5) названия домашней утвари; 6) названия пищи; 7) названия предметов одежды, тканей; 8) названия различных понятий; 9) термины родства; 10) военные термины; 11) антропонимы.

Тюркизмы имеют некоторые фонетические особенности: в них преобладают звуки *къ, гъ*, суффиксы: *чи, лихъ, ди*.

В лексике современных дагестанских языков определенное место занимают заимствования из персидского языка. Персидские слова попали в дагестанские языки тоже устным путем.

Историческими предпосылками заимствования слов из персидского языка могли быть в основном торговые связи персов с Дагестаном, где иранские купцы находили сбыт своим товарам. Определенный след в даргинском языке могли оставить также частые походы иранских шахов

на Дагестан. Не меньшее значение в этом имели персидская поэзия и фольклор, произведения которых были широко популярны среди дагестанцев [3, с. 67].

Персидско-дагестанским языковым контактам посвящено немало исследований в дагестанском языкознании. Г.К. Казиев в работе «Лексика аварского языка» [1969] приводит около 60 заимствований (названия растений, предметов быта) из персидского языка. В монографии М.Е. Алексеева и Б.М. Атаева «Аварский язык» приводятся классифицированные по тематическим группам иранизмы в аварском языке [Алексеев, Атаев 1997]. Персидские заимствования в аварском языке освещаются также в работе А.Н. Халунова «Ориентализмы в аварском языке» [1998]. Персидские заимствования в лакском языке исследовал С.М. Хайдаков [1961]. В лезгинском языке классификации иранизмов по тематическим группам даны И.И. Эфендиева [2003].

Персидские заимствования в дагестанских языках распределяются на несколько тематических групп: 1) предметы домашнего обихода; 2) названия тканей; 3) названия плодов и растений; 4) названия, связанные с социальным положением человека; 5) названия животных; 6) названия построек; 7) названия, связанные с торговлей; 8) названия пищи; 9) отвлеченные понятия; 11) личные имена; 12) числительное; 13) послелоги; 14) местоимение; 15) союзы.

Список литературы

1. Алексеев М.Е., Атаев Б.М. Аварский язык. М., Академия, 1997. 140 с.
2. Казиев Г.К. Лексика аварского языка. Махачкала: Дагучпедгиз, 1969. (на авар. яз.).
3. Мусаев М.-С.М. Лексика даргинского языка. Махачкала, 1978. 107 с.
4. Хайдаков С.М. Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. Институт языкознания. М. Наука, 1973. 179 с.
5. Хайдаков С.М. Очерки по лексике лакского языка, М., 1961. 200 с.
6. Халунов А.И. Ориентализмы в аварском языке: дисс ... канд. филол. наук. Махачкала, 1998. 202 с.
7. Эфендиев И.И. Персидские лексические заимствования в системе нахско-дагестанских языков: дис. ... д-ра филол. наук. Махачкала, 2003. 333 с.

Долгиева Марем Белановна, канд. ист. наук
Дзуматова Зарета Рашидовна, ст. научный сотрудник
Катиева Мадина Назаровна, ст. научный сотрудник
Ингушский государственный университет
Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева
г. Магас, Республика Ингушетия

НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Д.Д. МАЛЬСАГОВА

Аннотация. *Статья посвящена деятельности ингушского ученого-энциклопедиста Дошлуко Доховича Мальсагова. Рассматривается становление Мальсагова как талантливого филолога, критика, переводчика, первого ингуша, защитившего кандидатскую, а потом и докторскую диссертацию по филологическим наукам, преподававшего основы языкознания и диалектологию русского, ингушского, чеченского языков.*

Ключевые слова: *Дошлуко Дохович Мальсагов, Ингушская Автономная область, Горский педагогический институт, «Сердало», филолог, фольклор.*

В истории просветительской мысли Ингушетии большую роль сыграл ученый-кавказовед, поэт, писатель, переводчик, фольклорист и этнограф, литературный критик, языковед и первый ингушский профессор Дошлуко Дохович Мальсагов. Родился Д.Д. Мальсагов в конце XIX в. в с. Гамурзиево Терской области в крестьянской семье. Начальное образование он получил в одной из старинных школ Ингушетии, в своем родовом селении. В 1930 году Д.Д. Мальсагов окончил отделение языка и литературы Горского педагогического института. После окончания вуза его оставили в качестве ассистента кафедры языкознания. Все это говорит о том, что он серьезно занимался изучением языков народов Кавказа, в том числе ингушским.

Будучи высокообразованным человеком, Дошлуко Дохович мечтал о том, чтобы хорошее образование получили и его соотечественники. Его бывшие студенты вспоминают, что Дошлуко заражал людей желанием учиться, страстно хотел, чтобы его студенты были подвижниками своего народа, который он безгранично любил. Он обладал ораторским и полемическим талантом, его интересы имели широкий диапазон.

Д.Д. Мальсагов был личностью многогранной, всесторонне развитой, он интересовался вопросами развития языка, литературы, искусства и т.д.

В 1928 г. в г. Орджоникидзе была образована ассоциация ингушских писателей. Центром этой ассоциации выступила редакция газеты «Сердало», где собирались все ее участники [8, с. 25]. На литературных страничках, выпускаемых «Сердало», появились первые рассказы и стихотворения ингушских писателей и поэтов. Писатели

Ингушетии поставили себе задачей в художественном слове отразить духовное богатство народа в виде его легенд, преданий, сказок, поставили себе задачей отразить героическую борьбу Ингушетии за свободу и проникновение новой советской культуры в толщу ингушского народа. С самого начала в эту ассоциацию входило 23 писателя, среди которых были – Гойгов, Долтмурзиев, Ахриев, Мальсагов, Базоркин, братья Озиевы [10].

Значительный вклад внес Д.Д. Мальсагов и в процесс развития театрального искусства ингушей. Он был участником Первой Северо-Кавказской олимпиады искусств горских народов, где очень удачно выступал как в печати, так и на секционных заседаниях жюри. На этой Олимпиаде ингушская театральная студия заняла первое место с постановкой Дошлуко и Орцхо Мальсаговых «Перелом». Эта была серьезная пьеса на ингушском и русском языках, в которой показана борьба с адатами и как на фоне этой борьбы растет новый быт, вносящий «перелом» в жизнь горцев и всей страны» [3, с. 97]. После Олимпиады Дошлуко Дохович в газете «Сердало» писал: «У нас до сих пор нет своего театра. Но, узнав про Олимпиаду, группа молодежи во главе с О. Мальсаговым быстро разучила пьесу. Они играли очень хорошо и многие зрители не могли поверить, что большинство актеров впервые на сцене. За отличную организацию работы драмкружка режиссера Сафронова наградили Почетной грамотой» [5, с. 2].

В 1931 г. при Ингушском НИИ была учреждена трехгодичная аспирантура [2, с. 120]. Заведующим аспирантской подготовкой был ученый секретарь института Д.Д. Мальсагов.

В 1932 г. вышло постановление ЦК ВКП (б) «О перестройке литературно-художественных организаций», в соответствии с которым был ликвидирован РАПП и в 1934 г. создан Ингушский союз писателей, в который вошли Д.Д. Мальсагов, Т.Д. Беков и др.

В 1934 году в связи с образованием Чечено-Ингушской автономной области была создана единая чечено-ингушская писательская организация. В нее вошли М. Мамакаев, И. Базоркин, Х.-Б. Муталиев, А. Дудаев, Х. Осмиев, С. Озиев, Д. Мальсагов, Т. Беков и др. В феврале 1934 года в Грозном состоялась первая конференция чеченских и ингушских литераторов – членов отдельных писательских организаций и кружков – с целью объединения их в творческую организацию с единой идейно-эстетической платформой. Было создано областное отделение Союза писателей СССР в составе 11 человек. Из чеченцев в члены Союза писателей к началу съезда были приняты Магомед Мамакаев, Абди Дудаев, Ахмад Нажаев, Саид Бадуев, Шамсудин Айсханов, Нурдин Музаев; из ингушских писателей – Хаджи-Бекир Муталиев, Хамзат Осмиев, Салман Озиев, Дошлуко Мальсагов, Тембот Беков [11, с. 123].

После объединения Ингушетии и Чечни он вместе со своими соратниками Халидом Ошаевым и Алиханом Мальсаговым добивался открытия при Чечено-Ингушском пединституте национального факультета, что позволило готовить педагогические кадры для республики.

С 1934 г. по 1937 г. Д.Д. Мальсагов руководил аспирантурой по ингушскому языку в Северокавказском Горском историко-лингвистическом научно-исследовательском институте г. Ростов-на-Дону. В эти годы печатаются его научные статьи о едином чечено-ингушском литературном языке, о проблеме изучения чечено-ингушского фольклора и ингушской литературы. К 1940-1941 учебному году Д.Д. Мальсагов имел 8-летний стаж работы в высшей школе. А в ЧИГПИ (Чечено-Ингушский государственный педагогический институт – *авт.*) был принят на работу 24 апреля 1940 г. – старшим преподавателем на кафедру русского языка. В объяснительной записке к годовому отчету ЧИГПИ сообщается, что из четырех предусмотренных к выполнению по тематическому плану научно-исследовательской работы в 1940 г. кандидатских диссертаций фактически выполнена и направлена к защите только одна диссертация Д.Д. Мальсагова по теме: «Чечено-Ингушская диалектология и пути развития чечено-ингушского литературного (письменного) языка». С 1940 по 1944 г. Д.Д. Мальсагов заведовал лингви-

стическим сектором Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, вел научную и организационную работу; параллельно читал лекции по языкознанию, диалектологии русского и ингушского языков в ЧИГПИ [7, с. 53].

Дошлуко Дохович занимался исследованием проблем языка и сыграл видную роль в процессе становления и развития ингушской литературы. Его перу принадлежат серьезные научные труды по литературе, языку и т.д. Он является автором ряда учебников, терминологических словарей, разработчиком программ по грамматике, выступал с докладами об ингушском стихосложении и о состоянии ингушского искусства. Учебники Д.Д. Мальсагова, изданные на русском языке, оказывали большую помощь в борьбе с неграмотностью. Во время депортации (в Киргизии) писал статьи и пособия по методике преподавания русского языка в киргизской школе. Все его работы имели большое практическое значение и носили высокий научный характер.

Д.Д. Мальсагов обнаружил на материальных памятниках и в первобытной религии северокавказских народностей следы «древнерусского влияния». Он отметил также, что множество национальных языков по форме и содержанию совпадают с русским; кроме того, он высказал предположение, что один из героев «Слова о полку Игореве» по имени Овлур был представителем кавказских вайнахов (см.: Мальсагов Д.Д. О некоторых непонятых местах в «Слове о полку Игореве» // Известия ЧИНИИИЯЛ. Т.1. Вып. 3. Грозный, 1959). Д.С. Лихачев считал эти наблюдения важными [4, с. 33].

Большое значение придавал Д.Д. Мальсагов вопросам изучения фольклора – произведения фольклора могут пролить яркий свет на различные моменты истории. Сопоставляя произведения устного творчества ингушей с творчеством других народов, устанавливая между ними связь, прослеживая пути и этапы распространения «странствующих сюжетов», мы можем выяснить очень многое из неизвестного прошлого [9].

Много усилий Д.Д. Мальсагов приложил для формирования слоя ингушской интеллигенции, он всячески поддерживал талантливых и перспективных представителей ингушского народа. Он, возглавляя филиал Ингушского НИИ в 1934 г., дал блестящую характеристику И.М. Базоркину: «при соответствующей подготовке в аспирантуре из т. Базоркина выработается квалифицированный научный работник. Все выступления товарища Базоркина свидетельствовали не толь-

ко о глубоком интересе к вопросам литературы и языкознания, но и знание ингушской литературы, языка и всех вопросов культуростроительства, а также и способность к самостоятельному исследованию» [8, с. 27].

В годы депортации Дошлуко Мальсагов работал в Киргизском педагогическом институте, а потом и в университете доцентом кафедры русско-

го языка. Он оказывал всю возможную помощь своим соотечественникам. Прозаик Гайсултанов Умар рукописи своих первых произведений давал вычитывать Д.Д. Мальсагову [1]. Находясь долгие годы на педагогической работе, он воспитал талантливых педагогов, ученых, писателей – И.А. Дахкильгова, С.И. Озиева, Д.Х. Яндиева и многих других.

Список литературы

1. Арсанукаев А.А. Изучение произведений Умара Гайсултанова в школе // Таллам, Грозный: Академия наук Чеченской Республики (Грозный), 2015.
2. Джамбулатова З.К. Из истории научно-исследовательской работы в Чечено-Ингушетии (1920-1941 гг.) // Сборник статей ЧИНИИЯЛ. Труды. Т.Х. 1964.
3. Евлоева А.М. Ингушская драматургия: национальные истоки, эволюция, жанровая специфика. Дисс. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2006.
4. Котовчихина Н.Д. Русская и Северокавказская культуры в межнациональном взаимодействии // Текст: структура, семантика, стилистика. Сборник статей по итогам Международной конференции памяти доктора филологических наук, профессора Е. И. Дибровой: в 2 частях. 2015. С. 30-35.
5. Мальсагов Д.Д. Ghalghaj govzamen Olimpiada // Сердало. 1931. 6 декабря, №132.
6. Мальсагов Д.Д. О некоторых непонятых местах в «Слове о полку Игореве» // Известия ЧНИИ. Т.1. Вып. 3. Грозный, 1959.
7. Магагова Х.А. Преподаватели Чечено-Ингушского государственного педагогического / учительского института из числа чеченцев и ингушей в годы выселения (1944-1957) // Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. №1. 2016.
8. Патиев Я.С. И. Базоркин. Жизнь и творчество. Южный издательский дом. Ростов-на-Дону. 2010.
9. Семенов Л.П., Мальсагов З.К. Биографическая справка. Литературная энциклопедия. Москва, 1932; Т. VI: 747-748.
10. Сердало, 1928, 24 мая, №34.
11. Эльбуздукаева Т.У. Развитие литературы и просветительской работы в Чечне и Ингушетии в 20-30-е гг. XX века // Научные проблемы гуманитарных исследований. №10. 2011.

Евлоева Аза Мухтаровна, канд. филол. наук
Ингушский государственный университет

Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева

Муталиев Аслан Мухмедович, аспирант
Ингушский государственный университет
г. Магас, Республика Ингушетия

ХАРАКТЕР И СТРУКТУРА ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНФЛИКТА В ПЬЕСЕ «ПЕРЕЛОМ» ОРЦХО И ДОШЛУКО МАЛЬСАГОВЫХ

Аннотация. *Исследуются особенности художественного конфликта в пьесе «Перелом» Орцхо и Дошлуко Мальсаговых. Рассматривается проблема кровной мести и игнорирования прав женщины.*

Ключевые слова: *пьеса, Мальсагов Дошлуко, Аминат, Юнус, Сальмурза, «Перелом», монолог, диалог.*

В 30-е годы XX-го столетия, когда в Ингушетии не было не только драматического театра, но и постоянно действующего театрального круж-

ка, в городе Ростов-на-Дону была запланирована Олимпиада искусств народов Северного Кавказа, где должны были принять участие представители

всех горских народов. Тогда в Ингушетии работали и постепенно набирались сил только самостоятельные кружки при предприятиях, учреждениях, учебных заведениях. В сентябре 1931 года с помощью общественности и областного ОНО Мальсагов О.А. создаёт Ингушскую театральную студию, куда был приглашён режиссёр А. Софронов.

В том же году Дошлуко и Орцхо Мальсаговы пишут пьесу «Перелом» с предисловием П. Милославского. Она выпущена на русском языке издательством «Северный Кавказ» в городе Ростов-на-Дону, и на ингушском языке в городе Орджоникидзе Ингушским облиздатом.

До выхода в свет пьеса была представлена на обсуждение Ингушскому Литературному Обществу и прошла через цензуру. За небольшой срок её ставили в городе Орджоникидзе и в Назрани на русском и ингушском языках четыре раза. Также она ставилась в городе Ростов-на-Дону во время краевой Олимпиады искусств горских народов – в первый раз перед рабочим зрителем в ленинском дворце в Ленгородке; во второй раз – для учащихся Ростовских высших и средних специальных заведений; прошла удачно в стенах Ростовского рабфака для горцев-учащихся. В итоге пьеса была отмечена краевой печатью как серьёзный вклад в национальную литературу.

В тот период как перед ингушской литературой в целом, так и перед драматургией стояла цель – утвердить новое в сознании людей. То, что тогда содержание пьесы было ценно и своевременно, отмечали многие исследователи. В предисловии к ней пишет и П. Милославский: «... Ценность пьесы огромна. Она написана писателями-ингушами, хорошо знающими жизнь своей страны. Она является показателем роста ингушской литературы. Таких произведений у нас пока нет. Пьеса нужна широким трудящимся массам наших читателей, она во многом поможет наглядно представить особенности такой страны, как Ингушетия, она найдёт много читателей не только в русской части Северного Кавказа, но и в самой Ингушетии, в её школах и техникумах» [4, с. 481].

Орцхо и Дошлуко Мальсаговы в своём драматургическом произведении стремились показать через судьбы и характеры героев обычаи, которые несут с собой вред, это, в данном случае, игнорирование прав женщины и кровная месть.

Итак, время, описываемое в пьесе «Перелом» – с 1920-го по 1930 годы. Главные действующие лица:

- Гайрбек – отец семьи;
- Сону – жена Гайрбека;

- Сальмурза и Юнус – сыновья Гайрбека;
- Аминат, возлюбленная Юнуса, которая впоследствии становится женой Сальмурзы;
- Осман – друг Юнуса;
- Лоли – девушка, похищенная Сальмурзой, и т. д.

Так, у Гайрбека и Сону два сына, Сальмурза и Юнус. Младший – Юнус, он равнодушен к девушке Аминат, которая тоже отвечает ему взаимностью. О душевном состоянии Юнуса знает друг Осман, который впоследствии почему-то ничего не предпринимает, чтобы сбылось счастье молодых. Юнус по обычаю не может привести невесту в дом, пока не женится старший брат. Гайрбек, не зная о взаимных чувствах сына Юнуса и дочери Таусултана Аминат, сватает её за старшего сына Сальмурзу. Юнус пытается оказать противодействие этому браку, но всё безуспешно. Вопрос, почему ничего не предпринимает Осман, который был в курсе всего, остаётся открытым.

Юнусу, как младшему брату Сальмурзы, приходится принимать участие в сватовстве, он испытывает глубокие переживания. Кроме разговора, чтоб Аминат с ним убежала, опозорив тем самым отцовский дом, он ничего не смог предпринять. Ещё в отцовском доме Юнус уговаривает Аминат бежать с ним в Россию. Приведём диалог героев:

Юнус: Пока они сватали, я добивался тебя похитить. До сих пор это не удавалось. Но помни же, Аминат, что ещё не поздно! Всё готово к отъезду, согласишься только.

Аминат: Ты, мужчина, не мог помещать сватовству, а как же я, девушка засватанная, выйду за тебя замуж и тем покрою стыдом себя и свой дом? Этого не будет, пока я жива.

Из разговора молодых видно, что Аминат умна и честолюбива, иначе и не могло быть, так как она воспитана в хорошей семье. О том, что она дочь хорошего отца, слышим от Гайрбека: «...Видно, по отцу и дочь. Кто породнится с Таусултаном – не раскается». Таким образом, отец семьи уверен в том, что родство будет удачным.

Хотя в те годы образ Юнуса авторами создан как положительный, современному читателю видна его вина в судьбе Аминат и Сальмурзы. И вина Османа, друга Юнуса, здесь не меньше. Он мог рассказать о чувствах Юнуса к Аминат Гайрбеку и Сальмурзе. Если бы они догадывались об этом, не стали бы сватать Аминат за старшего сына, нашли бы ему другую невесту. Но Осман не только не помог другу, а наоборот, отговаривает Юнуса, когда тот сам решается рассказать отцу о своих чувствах к Аминат. «Ни твой отец, ни твои родственники тебя не послушаются, – говорит

Осман. – Ты ведь знаешь, пока не женятся старшие – младшие не имеют права даже заикнуться о своей любви». «В таком случае, – отвечает Юнус, – грош цена этим традициям и обычаям». «Если ты совершишь этот поступок, – не перестаёт говорить своё Осман, – ты опозоришь себя. – Потом и Аминат не будет тебя любить».

В следующем акте мы видим Аминат в доме мужа. Она несчастна, её жизнь превратилась в ад. «...Лучше бы было мне сгореть в синем пламени, чем попасть сюда! За что мне суждена такая жизнь? Юнус уедет, с мужем я не могу жить, и отец не примет меня, если я вздумаю уйти к нему. Суждено мне, видно, жить в аду и, умерев, попасть туда же». Из этого внутреннего монолога Аминат видно, что наша героиня, как и другие девушки, подобным образом вышедшие замуж, не живёт полной жизнью, а исполняет только обязанности.

Живя в одном доме, приходится страдать и Юнусу, и Аминат. Она – умная девушка, читатели и зрители все свои симпатии отдают не Юнусу, а ей, потому что в ней есть характер, совесть. Хотя в те годы авторами Юнус создан как положительный герой, сегодняшний читатель может смело обвинить его. У него не хватает сил взять себя в руки, делает всё, чтоб сбить с правильного пути Аминат, настаивает на бегстве. Она только просит его, не задерживаясь, уехать из дома:

Аминат: Уезжай ради меня. Я буду работать как раба. Пока ты здесь, я не могу не думать о тебе, я боюсь греха.

Юнус: Давай уедем вместе в Россию. Я знаю русский язык. Немного читаю и пишу. Буду слушать.

Аминат: Я не покрою таким позором твой и свой дом. Тебе не надо было бы ехать, если бы я смела уйти к отцу, но он меня не примет; я теперь не его. Уезжай один.

Юнус: Хорошо, я уеду, но когда-нибудь я должен буду вернуться. Ведь не смогу же я тебя забыть. Так зачем же уезжать? Я не могу ехать без тебя. Довольно я работал для Сальмурзы; не хочу оставлять ему своё счастье.

Сальмурза случайно слышит этот разговор, он удивлён, не может найти себе место. Стал сомневаться, думает: «Что же это такое? Почему жена гонит Юнуса из дому? Что мог Юнус предлагать Аминат? Неужели у них нечистая связь?.. Теперь понятно, почему она со мной всегда так холодна, никогда ничего не говорит, отвечает только на вопросы, а с Юнусом она бывает иной. Ужасно! Недаром, оказывается, ругалась Кейпа нехорошими словами. Это она про них говорила? Я опозо-

рен! Но как же это может быть? Забыть и честь, и долг?.. А отец и мать, как могли они допустить? Нет, нет! Это невозможно! Это мне просто показалось! Но всё же надо проверить. О, если моё сомнение оправдается, то я покажу себя!»

Таким образом, действие стремительно нарастает, накаляясь, приобретает силу трагических событий. Сальмурза, заподозрив Аминат в измене, решает, если сомнение оправдается, по обычаю восстановить свою честь и убить брата и молодую жену. Отправившись к родственникам, он с полпути возвращается домой... Юнус с Аминат вместе в одной комнате... Значит, сомнений быть не может. Убивает Аминат... Юнус успевает убежать.

После случившегося Юнус убегает и из Родины, поступает на рабфак в городе Ростов-на-Дону. Сальмурза делает всё, чтоб покончить и с братом, едет туда, но, арестованный властями, высылаётся обратно в Ингушетию.

Братья Аминат становятся кровниками по отношению к семье Гайрбека. Таусултан, отец Аминат, согласен на кровопрощение только в том случае, если Сальмурза поступит так же и с Юнусом, как он поступил с его дочерью, как подобает правильному горцу. Подавленный горем, Гайрбек соглашается с Таусултаном. Он клянётся Меккой, где был его отец, что Юнус отныне ему не сын, всех своих родственников призывает убить его. Даёт слово, что он примет ответственность за весь вред, который может лечь на своих родственников при его убийстве.

Сальмурза, преследуемый братьями Аминат и лишённый возможности заниматься честным трудом, становится беглецом-абреком. Потом, решив жениться во второй раз на девушке Лоли и получив отказ и оскорбление, он похищает её, и во время преследования братьями похищенной гибнет в ходе перестрелки. Теперь родственники и друзья должны отомстить за кровь Сальмурзы.

Герои Сальмурза и Юнус в конце пьесы становятся на правильный путь. Перед смертью Сальмурза понял, что жил неправильно, произносит слова против кровной мести: «...Скажите отцу ... пусть за меня не мстят ... иначе я проклял того, кто будет мстить».

Юнус, окончив рабфак, заканчивает сельскохозяйственную академию и становится агрономом. Спустя девять лет, возвращается в родное село и пытается помириться с родителями, но отец непреклонен и, несмотря на слёзы и просьбы матери, не прощает сына. Он говорит, что у него нет сына, а есть враг, которому должен был отомстить Сальмурза. Так как тот убит, теперь это

дело его родственников оправдать клятву и отомстить ему за позор семьи и фамилии. По обычаю ингушей Юнус должен отомстить за смерть Сальмурзы, но, тот тоже выступает против обычая кровной мести, как и Сальмурза перед смертью. Кроме этого, он пытается ещё убедить и своих родственников прекратить кровную месть. Таким образом, Юнус становится «идейным руководителем и вдохновителем для малограмотной массы».

Как отмечает исследователь И.А. Дахкильгов, «пьеса «Перелом» Орцхо и Дошлуко Мальсаговых стала новым этапом в развитии драматургии. Она глубоко анализирует ингушскую действительность 20-х – начала 30-х годов, выявляет и показывает пути социалистических преобразований в Ингушетии» [2, с. 54]. В те годы её читали трудящиеся Ингушетии, она пробралась в самые глухие сёла и отдалённые школы, стала книгой, которую прочтут все народы, населявшие тогда Северный Кавказ.

На Олимпиаде искусств горских народов в городе Ростов-на-Дону пьеса «Перелом», будучи поставлена силами ингушского самодеятельного искусства, получила краевую премию. По этому поводу имеется ряд печатных отзывов.

«...Пьеса с успехом игралась самими ингушами на русском и ингушском языках артистами и артистками ингушского самодеятельного театра... Пьеса удостоилась похвальной оценки рабочего и вообще советского зрителя...» [5, с. 448].

Исследователь В. Васильев писал в статье «Современная ингушская драматургия. Творчество Д. и О. Мальсаговых»: «Крепнет драматическое искусство. С 1933 г. организуется постоянный драматический театр. На Олимпиаде искусств народов Северного Кавказа, проходившей в декабре 1931 г. в г. Ростове, ингушская драматическая труппа, поставившая пьесу Д. и О. Мальсаговых «Перелом», получила краевую премию...» [1, с. 460]. В 1933 году, отмечая успехи и неудачи ингушской драматургии, в Известиях Северо-Кавказского педагогического института В. Васильев также отмечал: «Ингушская драматургия родилась вместе с национальной письменностью всего 10 лет тому назад. К числу драматических писателей Ингушетии мы должны отнести товарищей Гойгова, Заурбека Мальсагова, Муталиева, Дахкильгова, Гайсанова, Шадиева, Орцхо и Дашлуко Мальсаговых... Все их пьесы написаны и изданы на ингушском языке, за весьма редким исключением (пьеса О. и Д. Мальсаговых «Перелом» – на русском)» [1, с. 461-462].

Особенности историко-политических и общественных противоречий определили характер и структуру художественного конфликта в пьесе «Перелом» Дошлуко и Орцхо Мальсаговых. Это изображение борьбы противоположных идейных начал и взаимосвязь характеров со временем. Таким образом, драматургам удалось передать национальный колорит и дух времени в конфликтах и образах произведения.

Список литературы

1. Васильев В. Современная ингушская драматургия (Творчество Д. и О. Мальсаговых). В кн.: Мальсагов Д.Д. Избранное. Составитель, автор предисловия и примечаний Абу Мальсагов. Нальчик, 1998. С. 457-480.
 2. Дахкильгов И.А. Ингушская литература (Период развития до 40-х годов). Грозный, 1975.
 3. Мальсагов Д. и О. «Перелом» (Драма в четырёх действиях). В кн.: Мальсагов О.А. Избранное. Составитель, автор предисловия и примечаний Абу Мальсагов. Нальчик, 1998. С. 226-275.
 4. Милославский П. Предисловие к драме «Перелом». В кн.: Мальсагов Д.Д. Избранное. Составитель, автор предисловия и примечаний Абу Мальсагов. Нальчик, 1998. С. 480-482.
 5. Хаджи-Мурат. Перелом Д. и О. Мальсаговых – зеркало революционных сдвигов в Ингушетии. В кн.: Мальсагов Д.Д. Избранное. Составитель, автор предисловия и примечаний Абу Мальсагов. Нальчик, 1998. С. 448-457.
-

Илиева Фариза Магомедовна, ст. научный сотрудник
Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева
Ингушский государственный университет
г. Магас, Республика Ингушетия

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АТРИБУТИВНЫХ СЛОВ В ПОЭМЕ Д.Д. МАЛЬСАГОВА «ЛАРАМХИ»

Аннотация. Статья посвящена функциональным и стилистическим особенностям имени прилагательного ингушского языка в конкретно взятом произведении, в частности, в поэме Д.Д. Мальсагова «Ларамхи».

Имя прилагательное как часть речи обладает богатыми изобразительно-выразительными возможностями, которые реализуются эстетической и информативной функцией данной части речи. Поэтому адъективные слова являются незаменимыми при необходимости конкретизации значения, выраженного предметным словом.

Ключевые слова: Дошлуко Мальсагов, поэма, эпитет, прилагательное, атрибутивные слова, функционально-стилистический, эмоционально-экспрессивный.

В системе морфологических ресурсов ингушского языка имя прилагательное занимает видное место. Атрибутивная лексика создает разноплановые изобразительно-выразительные возможности, реализующие ее эстетическую функцию. В то же время нельзя не отметить информативную функцию прилагательных, которые используются для сужения объема понятия, выражаемого предметным словом. Все это делает прилагательное незаменимым во всех стилях, при возникновении необходимости в конкретизации значения, выраженного именем существительным.

В функционально-стилистическом аспекте прилагательные призваны решать коммуникативную и экспрессивную задачи. Эмоционально-экспрессивный аспект высказывания направлен и на говорящего, и на слушающего. В первом случае он дает возможность выразить своё отношение к событию, во втором способствует убеждению, влиянию на волю слушающего. Непосредственную роль в этом играют атрибутивные слова.

Прилагательные справедливо считаются самой живописной частью речи. Отсюда истекает то, что писатели придают большое значение точному употреблению прилагательных-определений; в этом усматривается проявление профессионализма и мастерства. Стилистические возможности имени прилагательного в системе выразительности речи ставят этот разряд слов в особое положение в сравнении с иными частями речи. Мастерство автора заключается в умении найти меткое художественное определение, что является критерием хорошего слога. Употребление имен прилагательных диктуется необходимостью в точности обрисовать и внешность героя, и пейзаж, и в создании психологического портрета

персонажа и т.д. Стилистические возможности прилагательных различных разрядов не одинаковы, что обусловлено самой природой этих семантических разрядов слов, которые используются в речи по-разному.

Дошлуко Дохович Мальсагов в своей поэме «Ларамхи» использовал как качественные, так и относительные прилагательные: *шийла шовда* «холодная река», *абхаза аьла* «абхазский князь».

Качественные прилагательные обладают наиболее яркими экспрессивно-эмоциональными особенностями, поскольку в семантике прилагательных этого разряда заключены разнообразные оценочные значения: *бирса лом* «свирепый лев», *мукъа лаьча* «свободный сокол», *шийла шовда* «холодная река». Переносное употребление качественных прилагательных способствует усилению их образной энергии: *цлимхарча глалашка* «в суровых башнях», *глийлача юрта* «в бедном селе», *букв.*: «в худом селе».

Относительным прилагательным более свойственна информативная функция: *лоаман цлена лоа* «горный чистый снег», *алмаза клугаш* «алмазные бусы», *гуйран дохк* «осенний туман». Д. Мальсагов не часто обращается к относительным прилагательным, возможно это связано с их основным, необразным значением: *лоаман чхараи* «горные глыбы», *блаьстанна лоам тла* «на весенней горе». Поэма «Ларамхи» писателем построена на экспрессии, категории не свойственной относительным прилагательным.

Стилистическая семантика слова зависит от того, как оно воспринимается говорящим. Тематическая отнесенность слова также способствует его стилистической закреплённости. В наиболее общих чертах функционально-стилистическое расслоение

ние прилагательных можно изобразить следующим образом.

Прилагательные с эмоционально-экспрессивной окраской. Многие слова обладают возможностью не только называть понятия, но и отражать отношение к ним говорящего. Большой стилистический интерес представляют сравнительные обороты с элементами *санна, мо* «словно, будто, как», *сов* «очень, слишком». Сама их грамматическая природа уже предопределяет большую экспрессию, так как эти формы называют качество, признак, заключенный в другом предмете, лице: *лоа санна клай* «белый как снег», *лаьржа хий санна* «подобно черной воде», *сов кьиза еций* «не слишком жестока», *клай дак мо йола* «подобно белой иве».

Экспрессия – это основная стилистическая категория. В стилистике ей отводится центральное место, поскольку поэтический язык характеризуется образно-экспрессивными свойствами. Экспрессия объединяет в себе и разнообразные оценочно-характеристические оттенки, которые делают язык более выразительным [3].

Эмоционально-экспрессивная окраска слов в контексте художественных произведений отличается от экспрессии тех же слов в необразной речи, поскольку лексика в условиях художественного оформления приобретает дополнительные, побочные семантические оттенки, обогащающие ее экспрессию. Ср.: *нийса* «прямой, ровный»; *нийса-ча топо* «меткое ружье».

Книжная лексика включает в себя высокие слова, придающие речи торжественность, а также дающую положительную и отрицательную оценку, называемых понятиями: *лакха лоам* «высокая гора», *мукья лаьча* «свободный сокол». Как известно, книжный стиль включает и стиль художественных произведений.

Атрибутивная лексика совмещает в себе функциональные, эмоционально-экспрессивные и другие стилистические оттенки. Разнообразие стилистических оттенков ингушской лексики требует особенно внимательного отношения к слову.

Как известно, функционирование имени прилагательного в качестве эпитета является наиболее характерной его особенностью. Эпитет был

и остается часто используемым стилистическим приемом, который предоставляет автору широкий круг возможностей для выражения своего восприятия определяемого предмета, без чего, как мы знаем, немислима и сама художественная литература, и устная речь.

Поэма Д.Д. Мальсагова «Iарамхи» изобилует эпитетами: *лаьржа боадо* «черная тьма», *даькьаза шовда* «несчастливая река», *низ бола гIалаш* «сильные башни», *кура лаьча* «гордый сокол».

Благодаря эпитетам создается эмоциональный тон в пейзажных зарисовках, в описании быта, в портретных характеристиках и др. Имена прилагательные используются автором в эпитетах как характерологическое средство: *кьиза низ* «жестокая сила», *сийрда ираз* «светлое счастье», *лирача тIем тIа* «на беспощадной войне».

Характерной особенностью поэмы «Iарамхи» Д.Д. Мальсагова является то, что автор в эпической форме стилизует ингушский фольклор: чтение поэмы оставляет ощущение исторической народной песни. Писатель часто использует постоянные эпитеты, являющиеся регулярным элементом фольклорных эпических произведений: *дошо малх* «золотое солнце», *кьяьна борз* «старый волк», *дог-майра кIантий* «сердцем храбрые юноши», *сийна форд* «синее море». Д.Д. Мальсагов использует и аллитерацию, литературный прием, часто используемый в фольклорных текстах: *Цу кIантий кьага Терсмайла товраш... Цу маьлхе кьагаиш чхараиш... «То, как клинок дамаский ... То сверкающие на солнце глыбы».*

Текст поэмы отличается максимальной индивидуальностью. Личностные черты писателя проявляются в такого рода текстах различным образом. Автор поэмы искусно пользуясь средствами родного языка, их большими сочетаемостными возможностями наглядно описывает исторические события.

На наш взгляд, проблема стилистики имен прилагательных в текстах художественных произведений ожидает своего дальнейшего изучения. Функционально-стилистический анализ атрибутивных слов в поэме Д.Д. Мальсагова «Iарамхи» открывает простор для изучения этого вопроса в ингушской филологии.

Список литературы

1. Мальсагов Д.Д. Избранное. Нальчик.: Эль-Фа, 1998. 502 с.
2. Барахоева Н.М., Илиева Ф.М., Киева З.Х. Современный ингушский язык. Морфология. Нальчик.: Тетраграф, 2012. 557 с.
3. Шегедин Н.Н. Функционально-стилистические особенности прилагательных цвета в латинском языке // *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. 2014, № 7-8, С. 61-65.
4. Интернет-сайт: <http://www.hi-edu.ru/>

Исламова Любовь Яхияевна, аспирант
Ингушский государственный университет
г. Магас, Республика Ингушетия

МАЛЬСАГОВ ДОШАЛКЪИЙ «ІАРАМХА» ЯХАЧА ПОЭМАХ ЛАЪЦА

Аннотация. *Мальсагов Дошлакъас «Іарамхи» яха поэма кхоллаш лелаю метта кечалаш, багахбу-цамцара бувзам гойташ я статья.*

Ключевые слова: *литература, поэма, Мальсагов Дошлакъа, «Іарамхи», мотт, жанр.*

ГІалгІай литературе дахача бІаьшерий 20-30-ча шерашка йоазонхоша язъь произведе-неш вІалла дийца а варгвоацаш кІоаргга чуло-ацам болаши, дешачар безам тІабодаш говза вІашагІехкаи я. Цу ханара моллагІйола жанр вай хъаййчача – дувцар, пьеса, байт е поэма – цар дукхагІча дакъе дІаяха паччахъа къиза зама мел зуламе хиннай а, керда эттача замано наха малагІа паргІато еннай а гойт. Ишттачарех я Мальсагов Дахий Дошалкъас 1933-ча шера язъь «Іарамха» яха поэма а. Керттера турпалхо а хинна дІаэттар да гІалгІай лоамара доагІаш дола Іарамхи цІи йола шовда.

Произведени дІайолалу цу хин а Іалама а хозал ма ярра гучаяккхарца. Берий дог-уйла санна, цІена безаме да гонахъара Іалам: сийна бай, бІарг дІа ма кхоачча лакха лоамий чхараш, ЖІайрахъера Іарамхен чІоже, дай баъха гІалаш, цу гІалашта юхе гІолла дода бІа сийна хий. «КІай кхоллар кхелла, сийнача бІаргех шийла хий лешаш» ше даьхача, хъалкхийнача коара дІадаха ца ловш долча нуска-ла тара ба, дошоча малхо доахача «цу бартех бо-агаш, ше сийрда белхаш» латта Бешлоам. ХІаьта, «цу дошоча малхо доахача бартех», цун керта гІа уллача лоаман цІенача лайх хулаш Іодолалуш да, йоах автора, цІена, шийла шовдаш [2, с. 137].

Поэтически мотт хозбеш, тайп – тайпара мет-та кечалаш юкъе кхувл йоазонхочо: эпитеташ «*шийла хий*», «*дошоча малхо*», «*цІена лоа*», «*КІай чопаш*»; дийндараш «*ше сийрда белхаш, латташ ба Бешлоам*», «*дошоча малхо доахача бартех*»; дустараш «*нускал санна*», «*саь Іаьса санна*», «*лом санна*». Цъхабакъда, дІахододар вІалла товш дац цу хозача суртаца:

Феса гІахъувза
Бирса лом санна,
Унзара увгІаш,
Лоаман бердаш дуаш,
Лоаман чхараш йохош,
Дег чура бала
Фордага белхабе,
Бирса хъед из хий.

Исторца дувзаденна бакъдараш да автора гой-тар, цъхацадола оаламаш юкъе а кхувлаш. Цох

лаьца яздаьд Іилманхочо Дахкильгов ИбрахІима: «Поэт волалу цу меттига истори ювца, йоккха-ча контрастах пайда эцаш, вешта аьлча, хозача Іаламца товш яц дІахо ювцаш йола боадон, къиза хъалхара зама» [1, с. 435]. Шира заманца къовсам лоаттабеш, паччахъа Іаьдалах ГІалгІайче мукъа-яккхарах йола тема йоккха моттиг дІалоацаш я эзари ийс бІаь ткъоалагІча – ткъаь иттлагІча ше-рашка язъьча вай литературе.

Дукха ба цу хана из тема шоай произведе-нешка хъоахаяь бола йоазонхой. Царех ба Беков Тембот, Мальсагов Зоврбик, Гойгов Іаддал – Хъамид, Мальсагов Оарцхо, иштта кхы дукха а. Мальсагов Дошалкъас а дика къоагаяь хъахьокк из ший поэма гІа. ХІаьта, «Іарамха» яха цун цІи ювца велча, Іилманца а йоацаш, этимологе ла-рах ювцаш я. «Наха «Іарамха» яхача деша эти-мологи еш, дувц «хъарама хий» яхача дешашка-ра из хъайоагІаш я, яхаш. Амма, «Іарамха» яха дош «Іам», «хий» яха шин овла тІара доагІаш да. Іарамха яхача хина керте я «Сийна Іамарч» яха лакхе лоам улла моттиг, цудухъа «Іарамха» яхача деша бокъонцара маІан «Іамара хъадоагІа хий» яхаш да. Из шийна ховшеххъа Дошалкъас, поэме пайда эц халкъа этимологех: цъхан хана вошас ший йиша цу хила яхийта йийнна хила-рах из хий хъарама лаьрхІа да, яхача хабарех» [1, с. 435].

Керттера Мальсаговс хъагойтар да Октябрь-ски революци ялалехъа халкъа вахар баьде хила-ри, дале а шоай са ца кходеш гІалгІаша майрра цу боадонца къовсам лоаттабари. Лоаман лаьчашца буст цо, из хий санна, мукъа а кура а бола лоаман-хой. Шоай Даьймохк, шоай къам, кортамукъале бахъан бала кийча бола кІантий – лоаман лаьчаш, балийна кІал совца лаьрхІа ца хилар, хоарцонна уж духъала хилар шаьрра хъахьекхад йоазонхо-чо. ТІаккха моастагІашца къовсам лоаттабеш, цар дег чура бала, ший болаш санна, хиво гІаьцар белгалдаьккхад укх мугІарашца:

Лаьчай балийна
БІаргех доагІа хий
КІай цхаралашта
Юкъера кхувса

Алмазаш долаш
Гайгане делх из.

Дахо, цу лирача тѐм тѐа лоаманхоша гѐахраошта ка ца ялийтарах гѐадаха «чхарашта лоамий бахъара дувлаш, дода хьо делаш, шал шийла шовда», – йоах поэта. Дийна долаш санна, ший хъамсара нах гѐагане хилча, маълхара хулаш а, уж гѐадабахача, дегагѐоз хулаш а да тарамха. Мальсаговс, ше доккха начѐал долаш хиларга а багахбувцам дика бовзаш хиларга а хъежжа, тайп-тайпара ооламашкара пайда а эцаш, хоза вѐашагѐеллай ший поэма. «Укхаза юкѐейоолаю Дошалкъас гѐалгѐай къаьнара тарамхех йола легенда а, белгалду хѐана аьнна хиннад цу хих хъарама хий» [2, с. 136]:

Бѐаьстанна лоам тѐа
Бѐаьцар гѐа дийха,
Кѐай дак мо, йола
Ший йиша йийна,
Хъа хи чу кхесса,
Из шийла шовда
Хъараме дувцар.

Цул тѐехъагѐа, нах есарал кхухъаш хинна ха ювцаш, фольклора тѐа гѐалгѐай къам хѐалакде аьнна венача Дудар яхача аьлах дола шира дувцар дооладу. Лоаман наха шоашта оолал дайтаргдоацаш хинналга хойт, деррига дуне ший кара хеташ, шийх бѐубеннача Дудара бекхам барца. Къахетам фуй ца ховча цун къонгий кортош а даьха, шовдала кхайсар наха. «Тийшаболх баьчох бода» ма аллара, «есараш каракхачар» догдаохача аьла хьалхашка, «лоам-чхарех» лорадаь, хица лувчадаь, хьалхашка денад цун къонгий кортош шийлача шовдано. Из оолам боолабарца, дика хоалуча исбахъален аматашца хъахьокх поэта баьде селхане – къызача заман теш. Тѐехъара Мальсагов Дошалкъас дооладаьча ооламо а къаьгга гучайоаккх из уйла, нах вѐаши довнаш леладеш а, цѐий юмехкадеш а хиннача къаьнарча заманца.

Укх поэма мугѐарашка, говзача дешашца гучадоаккх йоозонхочо ѐаьдал лаьттача хана хинна ѐазапера вахар. Къаьстта гучадоалл из генерал Абхазов вувцача мугѐарашка. Дахкильгов Ибрахѐима яздаьд: «Паччахъа ѐаьдало вай къаманна еш хинна карательни экспедицеш ювц поэта генерал Абхазов (поэме Абхаз-аьла цѐи йоаккхаш вар) хьалха а волаш, вай лоаман юрташ хѐалакъеш хинна ха. Истореца бокъонца хинна хѐамаш да уж» [1, с. 436]. Вай лоамашка уж моастагѐий кхачар иштта гойт поэта:

Кѐилбаседера ѐаьржа
Ва морхаш санна,
Дукха шоаш болаш,
Сигалара детта

Ди санна, шоашка
Низ бола йоккха
Уж топаш йолаш,
Хъакхачар дена
Абхаз-аьлан эскар.

Дийца варгвоацаш боккха хиннаб паччахъа ѐаьдало наха лоаттабеш хинна ѐоткъам, цъабакъда, цѐаккха а цъанна аьла лоолал ца даь гѐалгѐай къам ший низ дѐа ма кхоачча духъала эттар цу халонашта. Поэма тѐа моастагѐий тхъамада деррига дуне ший кара долча паччахъо «сий дукхагѐдола лай хургва хьох, хъакара вола» аьлча, лоамароша шоай мукъал цъанна хѐамах йохкаргѐйоацилга тешшаме гойтад укх мугѐарашка:

Лоамашка мукъа
Хьалкхийна лаьча
Ший мукъал ехка,
Кардаха дийна
Паччахъа лаьшта
Хургдац юкѐе.

«Зовзал котъаьннача, къизал совъаьннай», – хозахета яхадац хъаькъалерча даьша. Лоаманхой шоашта караберзабе ца мегача, геттара къызабѐлар йокъ-йост санна дукха бола моастагѐий. «Гуйран дохк санна», кѐур эттар лоаман чѐоже цар еттача топех. Бѐаьшерашка лаьтта даьй гѐалаш лелхийташ, зѐамигавар-воккхавар ца къооставеш, лира тѐом болабир «Кхерий тѐа даьннача ялатех» кхоачам бе гѐертгаш, хъацарца кхийнача лоаманхошца. Иштта, къызача гѐахраошта, ка ца агаш майрра духъаллаьттача дог-майрача лаьчай сийна, уж иллеца хестабеш, цар хъамара доагѐа йоах автора тарамхи:

Чѐоагѐаца низа
Ца болхаш кара,
Ца эцаш лаь цѐи
Иштта майра бенна
Лоамарой кѐантий
Иллеца хоастош,
Доагѐа из шовда.

Юоххера а, кѐоаргга тохкам беш дѐаяхача ийрчача заман халонаш белгалъаьхачул тѐехъагѐа, поэма чакхѐоалаш ший керттера уйла гучайоаккх яздархочо. Из я лоаман чѐоже этта керда зама а, Сийлахъ-йоккхача Октябрьски социалистически революцес енна бокъо а йовзийтар. Кѐилбаседа Кавказе баьнна революцен ала лотабелча, гѐайттача болхлоша паччахъ вохаварца доггѐоздаьнна хъайзар йоах поэта майра кѐантий. Серго Орджоникидзе хьалха а волаш, цу тѐем тѐа сийдола дакъа лаьцар йоах автора лоаман лаьчаша. Поэман чулоацам гучабоаккхаш Мальсагов Абос яздаьд: «Укх поэман керттера маѐан да вай мехка хѐанз паргѐато оттар – «дарбана гѐалаш

хьалйогIар», белггала аьлча, Советий Iаьдало 1926 шера «Iарамхи» яха курорт хьаеллар» [2, с. 138]. Укх мугIарашка шаьра гу из:

Революцена
Сийдолаш волча
Орджоникидзе
Тема кийчо еш
Хиннача метте
Дарбане гIалаш
ХьальегIай хIанз.

Кердача Iаьдало боадонца кьувсаш, паргIатоннай наха, хIаьта Iаьржача бус сийрдаьнна седкый санна йоаг баьччас сега лампаш.

«Вежарий вIаши цIена цIий кьыза» мийннача чIоже кьахьегамхой шоашта дарбаш де а салаIа а ухаш, моаршалца бах йоах автора произведени чакхйоалаш. Ала деза, мотт цIена бувцаш, багахбувцам а халкьа истори а шаьра ховш, гIалгIай кьаман хьаькьал, маькарал, оамал, денал гучадоаккхаш язъяь я ер поэма. «Цхьанна хIаманца а нийсье йиш йоацаш хоза я Кавказа лоаманхой поэзи», – яздаьд эрсий цIихезача Илманхочо П.К. Услара [2, с. 5]. Iалаьмате нийса да уж дешаш. Укх вай лакхе йийцача Мальсагова язъяьча поэмах шеко йоацаш ала йиш я уж.

Пайда ийца литература

1. Дахкильгов И.А. ГIалгIай говзае литература. Нальчик, 2009. С. 436-438.
2. ГIалгIай литература. 9 класса учебник. Грозный, 1990. С. 5; 137-138.

Исламова Макка Яхияевна, аспирант
Ингушский государственный университет
г. Магас, Республика Ингушетия

ДОТТАГIАЛ ХЕСТАДУ АЛБАКОВ ДЖАБРАЬИЛА ПОЭЗИ

Аннотация. *Статья тIа, тохкам беш, гойтад Албаков Джабраьила доттагIала теманна хетадаь поэтически мугIараш. Белгалдаьккхад лирически турпалхочун амат.*

Ключевые слова: *Албаков Джабраьил, поэт, стихаш, доттагIал, поэзи, тема.*

Дукхача кьонача поэташта юкье белгала я Албаков Джабраьила поэзи. Сурт кхоллара говзал лакха я цун. Дай-ноаной сий деш, доттагIий безаш, уж хьамсара лоархIаш ва поэт. Вайна ма харра, гIалгIай кьам массаза хиннад, хьаьша-да, доттагIий лоархIаш. Уж оамалаш йоахкаш хиннав Джабраьил а. ДоттагIала теманна хетаяь я стихаш: «ДоттагIашка», «Цхьа вежарий хила вай», «Кулг да сога», «Со кхер». ТIеххьараяр хетаяь я ший доттагIашта. Албаков дог цIена долаш, нахаца доттагIал леладеш, нах дукхабезаш, доттагIий сий деш саг хиннав. Цох дола тешал да поэта новкьост хиннача Хазнаькьан ТIахьира аьнна дешаш: «Джабраьил эхь-эздел долаш, нахаца безаме Имерза вар. Цхьаннена а дагавагIац из сихвенна, эгIазваха, даим сабаре, наьха юхь еш, цар сий деш вар из».

Ше халача лазаро лаьца метта уллаш, доттагIий ца бахкар дег чу чIоагIа Iаткьаш, из халахеташ язъяь я «Со кхер» яха стихотворени. Цох лаьца язду филологически Илман кандидат йолча Евлой Мухтара Азас: «Ше дунен чура дIаваьнначул тIехьагIа доттагIий ца боагIаш коа

бай балар кхераш ва «Со кхер» яхача стихотворене лирически турпалхо» [3, оагI. 264]. Цо кьаьнга гучадоаккх ше е лазарах а е халача балхах а кхераш воацалга. Кьелах а кхераш вац поэт. Из деррига лайна чакхваьннава из. Алхха из кхераш вар доттагIашта ше вицвалар, уж ше дунен чура дIаваьнначул тIехьагIа ший коа ца бахкар. Цо йоах:

Со валарах кхерац – массанега
Хана йIоахала кхоачаргда из цкьа,
Кьелах кхераш вац со – цIаккха чIега
Боллал дIаьхий хиннадац са цIа.
Укх дунен тIа со кхер эггара чIоагIагIа
Кагьяларах сай вахара соа –
Се вицвенна, доттагIий ца боагIаш,
Бай баларах со вахача коа.

Ер дешаш аргдац боккхача безамо дог хьалдиза воацача саго, укх мугIарашца вайна дика гойт автора ший дег чу лаьтта уйлаш, нахаца а доттагIашца а ший хинна цIена безам. Албаков Джабраьил эггара чIоагIагIа кхийра, цун вахара соа каг ца ялар вайна хьагойт Сипсой-ГIалий тIара № 5 йолча школе гIалгIай мотти литерату-

реи хъехаш йолча Булгучнаькъан Дугурхана «Со кхер» яхача байта жоп луш яздаь мугIараша:

Кхаьлача сигала сега тIоа санна,
Хьо къаьгга укх дунен тIа ваьлар.
Iаьржача бус сийрда сийг санна,
ЙовргIоаца лар йита дIавахар.

Дунен тIа валар, сигала сега тIоа санна, къаьга хилар а, хIаьта дIавахар, Iаьржача бус сийрдача седкъо санна, лар йита из вахар а гойт автора:

Доккха дуне цу хьа дег чу хошар,
БIарга оамалца мархIабехкар юртахой.
Наьнацара безам – хьа вахара къулба,
Даьхенцара безам – сий дола юртахой.

Поэт доккха цIена дог долаш хилар, цун дег чу Даьхенцара, наьнацара, нахацара безам чухошар хьагойт вайна автора. «Даьхеннеи ше Iоваьча наннеи юкьера юкъ яккхацар поэтa, вIашагIдоаллаш дола бIарчча цхьа хIама лоархIар цо царех» [2, оагI. 204]. Дунен тIа дикагIа мел дар цу шиннеца дувзадenna хилар вайна гойт укх байта тIа. ДIахо цу тайпара сийлахьа вола воI, цун гIулакхаш, цун цIи халкъа цIаккха а йицлург ца хилар тешал деш йоах:

Кхера везац, Джабраьил, хьа вIалла,
Кагьяларах хьай вахара соа.
ГIалгIай къама вицлургвац хьо цIаккха,
Бай баргбац хьо ваьхача коа.

Иштта доттагIал цо мел лакха лоархI гойташ да «ДоттагIашка» яха стихотворене тIара мугIараш а:

БIарга езаш санна сердало,
Пхьаьнашта цIий дезаш мо,
Лер хазар дезаш мо лерга,
Кхача кера безаш мо.

Ший новкъосташца бола безам гучабоаккх дукхача дистарий новкъосталца: «*бIарга езаи санна сердало*», «*пхьаьнашта цIий дезаш мо*», «*болх кулгаишта безаш мо*», «*керта хьаькъал дезаш санна*», «*пехка дезаш санна фо*». Ший дего уж мишта къоабалбу гойт укх тIехьарча мугIарашца:

Дезаш къоабал даь дего,
Сона деза шо, доттагIий.
Аз шо доацаш йоаккха ха,
Йоаккх дуне фуьал готталий,
Вахар долаш сим мо къахьа [1, оагI. 65].

ДоттагIала хетаяь стихаш дукха я вай гIалгIай а кхыча къамашта а юкъе, хIана аьлча боарамга диллача зIамига дале а, доккха маIан долаш да из дош. Говзамеча йоазонхоша шоай поэзена юкъе кхийлай доттагIалах лаьца стихаш. Царна юкъе цIераш яха йиш йолаш ба дуккхача вай мехкарча а доазал дехьарча а къамий гIорбаьнна йоазонхой. Царна юкъе ба эрсий халкъа цIихеза бола поэтaш. Масала: А.С. Пушкин, С.А. Есенин, С.Я.

Маршак, Н.А. Некрасов, М.Ю. Лермонтов, иштта кхы бараш а. Эрсий а кхыча къамай а йоазонхоша санна, лакха лоаттаю из тема Албаков Джабраьила а, ший поэзеца гойт доттагIал лакхача моттиге латтар. КIоарга маIан долаш я «Бийса» яха стихотворени а. Цо из язъяьй ше геттара лазаро кIалвита уллача хана. ЧIоагIа ваха безам болаш ха йоагIаш хиннай цунна, цу хана кхоллаш хинай цо ший дикагIа йола произведенеш. ДоттагIашта вицвенна, бийсаца ше цхьаь висар дувцаш, яздаьча укх мугIараша дог тохадолийт:

Тура, шалта ирал,
Топа тепча пхо
Дицдаь унзара йоагIа,
Iаьржа бийса хьо,
Сатувс сахиларга, хьагуш чаккхе яц,
Дег тIара бала бувца уллув новкъост вац.

«Хьаьра кхеро» санна, теIаду ший дог, кулгаш-когаш хьоаде магац шийна, вийхка Iовиллача сагах бIехал хьерчаш санна, хьерч шийх лазар йоах Джабраьила тIехьарча мугIарашка. Мерза наб еш ухкача ший доттагIех хьогаш ва поэт:

Бийса, хьоца къовса
Висав со се цхьаь,
Набаро новкъостий
Мерза Iехабаь.

Поэта мотт бIаьхий а хоза а хилар цунна юкъе лелаш йолча метта кечалаша дика гойт. Масала: «Iаьржа бийса», «къиза бийса» яха эпитеташ йоалаьй укх стихотворене тIа автора.

Ший доттагIашцара безам гучабоаккх Албакова «Цхьа вежарий хила вай» яхача стихотворене тIа. Из стихотворени йийшача, дика гучадоал мел хьамсара ба цун нах:

Iаьржа нана – нана я,
Бос кIайбар а нана я,
Лайтта бераш деш мел яьха
Массе кхалсаг нана я.

Массадолча адамашка кхайк поэт, КIоаргга дуненах а, нанах а, цар вахарах-леларах а уйла яйтача дешашца:

Вай дерригаш нанас даьд,
Вай лорадеш леладаьд.
Вайх цхьа тIехьале хийла яхаш,
Шоай дог доахаш хьалкхедаьд.

Стихотворени чакхийоалаш, поэтa тIахьехам бу массанега, машар лоаттабе, дог-цIена цхьа вежарий хила вай, яхаш. Из ший уйла гучайоаккхаш цо йоах:

Iаьржадараш, дараш кIай,
Вайх боккхийбу ноаной, даьй,
Ва дунен тIара деррига бераш,
Цхьа вежарий хила вай!

Дог-цIена а, ший къам дезаш а, из сийрдача

новкъа даларга сатувсаш а хиннав Албаков Джабраил. Цу тIара хьадоагIа цун стихаш духьал дешаш вIашагIдохка говзал йоаллаш хиларах язъях а йоацаш, цIенача дег чура йоагIаш йола уйлаш юкъе йолаш хилар. Цудухьа дукхаезаеннай уж дуккхача наха, цар дегашка йийшай. Иштта «Кулг да сога» яхача стихотворене тIа а, «Цхьа вежарий хила вай» яхачун тIа санна, ше оалаш дола хIара дош лакхача художественни говзалца, ала ховш хоза, ийрчадар дIадоаккхаш, машар, доттагIал кхайкадеш оал:

Кулг да сога, новкъост, кулг да,
Ког когаца оттабе,
Машар лорош ха тIа отта,
ТIом хьебераш готтабе.

Автора укх тIа бIубенна дувц халкъий доттагIалах, машар лорабара нах тIабех. Цунах дола дика тешал да ер дешаш:

Кулг да сога дог мел долчо,
Iаьржа, цIе, кIай, – башха вац,
Машар лоатто уйла йолчо
Ала «ТIом хулийтаргбац!»
Ала, дунен хозал ала:
– Тахан тIом хулийтаргбац,
Лавгтах баргбац цIера ала,
Къонгех ноаной белхаргбац!

Иштта цIена дола доттагIал леладе, нах беза, машар лоаттабе Iомаву поэта хIара ший стихотворени ешаш вар. Из бакъдеш да поэтаца кхоачарло лелаяь, дика-во дийкъа, цунца цхьана институте

деша ваьгIа Хазнаькъан ТIахира дешаш: «Из нахаца тамашийна догцIена саг вар, безаме, доккхача эздеда да вар, наха ше везийта ховш, нах безаш, цар оамалашцара дикадар мара ца зувш эздий доттагIа а вар».

ХIара ший произведени язъеш, кIаьдвалар фуд ца ховш, дукха къахьег поэта. Ше кхоачашдаьчох дог ца Iабаш, кхай тIа вода ахархо санна, сихлуш хиннав из ший балха истола тIа керд-керда стихотворени язъе Iохара. ХIаьта оалаш ма дий, вIалла кIаьд ца луш водашвар гаьнавоал, аьнна.

Ший лакхача маьхе йола, дикагIа йола байташ лазаро лаьца, метта уллаш язъаьй цо. Цул совгIа, «цу шерашка поэта шаьрьеш тоаяьй ше хьалха язъях стихотворенеш, хIаьта дукха кердаяраш а язъаьй» [3, оагI. 256-257]. Шийна дикахетар хилча, из дувцар ший стихашка, халоно, моарзагIо санна, дог лаьцача из мехкайора. Цхьа ший тайпара хоза, моллагIчунна безам тIаотташ болча меттаца язъаьй я цун хIара произведени. Албаков Джабраила кхолламах цун вахарах лаьца ший язъаьча статья тIа Иилманхочо Малсагнаькъан Абос йоах: «Кхыболча йоазонхошка йоаца оаз хозар сона къаьстта цун мугIарашкара» [1, оагI. 9].

Дукха я Албаков Джабраила доттагIашта хетаяь стихаш. Ший поэтически мугIарашца автора къаьстта гойт ший дег чура цIена уйлаш, доттагIашцара боккха безам, ше нахаца леладу хьоашал. Ший стихаш ешашвар а Iомаву Джабраила тешаме, цIена доттагIал леладе, цун хам бе.

Пайда ийца литература

1. Албаков Дж. «ГIалгIайче, хьо еза сона», Назрань. 2002.
2. ГIалгIай литература. 9 класса учебник. Грозный, 1990. ОагI. 202-206.
3. Евлоева А.М. Албаков МурцаIалий Джабраил. Кн.: ХIанзара гIалгIай литература. В 4-х т. Т. 2. Нальчик, 2011. ОагI. 254-272.

Исмаилова Раисат Тагировна, соискатель

*Дагестанский государственный педагогический университет
г. Махачкала, Республика Дагестан*

ОБ ОСНОВНОМ СЛОВАРНОМ ФОНДЕ И СЛОВАРНОМ СОСТАВЕ КУБАЧИНСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье отмечается, что изучение таких идиом, как кубачинский и кайтагский, считающихся в современной лингвистической науке языками даргинской группы, представляет особый научный интерес. Здесь, помимо общих процессов, отражаются также такие специфические особенности, накладывающие свой отпечаток на характер проявления отдельных явлений. В кубачинском языке имеются множество таких слов, которые отсутствуют в даргинском литературном языке. Они могли бы служить базой для образования новых слов в даргинском языке.

Ключевые слова: кубачинский язык, даргинский язык, словарный фонд, словарный состав, языковая общность.

Исследование говоров и диалектов, изучение их современного состояния является главной задачей диалектологии, т.к. в последнее время особенно интенсивно протекают процессы перестройки различных звеньев языковой системы. Это объясняется различными причинами, среди которых главным является влияние литературного языка, а также внутренние законы, по которым развивается диалектная речь. В этом отношении изучение таких идиом, как кубачинский и кайтагский, считающихся в современной лингвистической науке языками даргинской группы, представляет особый научный интерес. Здесь, помимо общих процессов, отражаются также такие специфические особенности, накладывающие свой отпечаток на характер проявления отдельных явлений.

Выделение какой-либо лингвистической единицы, будь то диалект, или язык в любой форме его существования, требует научного обоснования, т.к. даргинский язык располагает большим количеством диалектов и, как показывают исследования последних лет, расхождения между ними значительнее, чем различия между отдельными родственными дагестанскими языками. Вызывает разногласия и расчлененность самого даргинского языка, и недостаточная его исследованность.

В «Атласе кавказских языков» Ю.Б. Коряковой (2006) выделены 17 самостоятельных языков даргинской группы, кубачинский в нем также указан как отдельный самостоятельный язык.

М.Е. Алексеев отмечает, что «согласно представлениям многих лингвистов, даргинский язык – это довольно условное понятие для группы идиом с неопределенным статусом в отношении дихотомии «язык/диалект». При этом применение глоттохронологической методики к даргинским материалам показывает, что первоначальное дробление даргинской языковой общности, давшее четыре самостоятельных ответвления (в т.ч. собственно даргинское; южнодаргинское; амукское или чирагское, и кубачинское) произошло еще в 3 в. до н.э. Подобная хронологическая глубина дает право говорить о самостоятельности кубачинского (и не только его) в составе даргинской подгруппы» [1, с. 106].

Исследователь кубачинского языка А.А. Магомедов пишет: «Лингвистические данные не позволяют отрывать кубачинцев от других даргинцев. Кубачинцы по языку – это даргинцы (но никак не «франки» или «генуэзцы») и вместе с ними составляют одну народность в общей семье генетически родственных дагестанских народностей» [3, с. 14].

Как показывают материалы, кубачинский язык имеет свой словарный состав и его основу – основной словарный фонд. Достаточно большое количество архаизмов, омонимов, синонимов и других языковых явлений, наличие большого количества специфических терминов, профессиональной лексики отсутствующих в даргинском литературном языке, не говоря уже об отдельных выражениях и их стилистических оттенках, красноречиво доказывает существование в кубачинском языке не только своего словарного состава, но также и основного словарного фонда. Отметим, что значительная часть основного словарного фонда кубачинского языка совпадает с соответствующей частью основного словарного фонда даргинского литературного языка и других дагестанских языков, но вместе с тем в кубачинском языке имеется большое количество слов профессиональной лексики, которые вполне можно назвать словами, входящими в состав основного словарного фонда кубачинского языка и которые не входят в состав основного словарного фонда даргинского литературного языка. Такие слова встречаются во всех областях жизни носителей данного языка. Примеры:

Термины животноводства: *кIяише* ‘бык’, *хъятя* ‘жеребенок’, *туж* ‘барсук’, *хIумIя* ‘лягушка’, *къидхъа* ‘ежик’ и т.д.

В качестве фразового примера приведем небольшой рассказ с терминами животноводства на кубачинском языке:

Гъямгъяйя уучийя кIвийал саннид дидагул дужиблисад са гъиннизил. Гъямгъязиб хвалазиб дих ччибле бужиблисаб, уучIа бахле. Гъямгъяйя баацул гъаибли саб уучице:

– *Са бутIа дихла чийбиталччин дизил, гъакал бахъвейдан букул.*

– *Мабидулчад букул чийбиталччиннасаб уучидил саку бутIа. Гъямгъяйя бааквел гъакал, кабчиб бибчIиблисаб. Гъямгъяйя бибчIибмале, гъямгъяйя дихйя, илла циле гъямгъяйя кабчийя юццизе чидишеблисад.*

«Осел и лошадь шли по одной дороге вместе. На осле был большой вьюк, а на лошади ничего. Осел устал и сказал лошади:

– Возьми с меня один кусок вьюка, я сильно устал.

– Не возьму, – сказала лошадь и не взяла с осла ни одного куска. Усталый осел упал и умер. Как только осел умер, весь вьюк осла, сверх того и шкуру осла, нагрузили на лошадь».

Термины, обозначающие женские украшения: *садал* ‘пуговица’, *асла* или *мутила чибдулкIан* ‘серебряная нить’, *хъулихъала* ‘браслет для не-

весты', *аргъамчи* 'приспособление для ношения воды невестой', *баче* 'бусы', *бимха* 'золотая, серебряная цепь' и т.д.

Термины, обозначающие одежду, ткани: *авва* 'платье невесты', *ккатле* 'платок', *хлялламелла* *клатле* 'шелковый платок', *табдухала* 'кайма на шали', *вачаг* 'штаны', *виттахле низ* 'нить, которой вышивают шаль'; *вачмаг* 'манжеты на штанах', *клиз* 'шаль', *масс* 'ткань', *хьябяхъ* 'ситец', *хлялале* 'разновидность шелковой ткани' и т.д.

Фразовые примеры:

Къабтаннизий авакан тала бихвай. «Рубаха ближе к телу, чем кафтан». *Либакква рахамматлий ваате чакмахат.* «Не надевай бурку, когда нет дождя». *Цлутте пала иссаханнийя цлуб ди-хахва.* «Черная шерсть от мытья не белеет». *Улла вахла агага, мигъве шинне бицлэцлу.* «Чужое не становится своим, плетеная корзина не наполняется водой».

Приведенные нами в качестве примеров пословицы и небольшой текст на кубачинском языке точно отображают фонемную действительность речи кубачинцев и представляют самостоятельный научный интерес.

Считаем, что многие слова из профессиональной лексики кубачинского языка могли быть использованы близкородственным современным даргинским литературным языком при условии детального изучения всех возможностей кубачинского языка с целью обогащения даргинского литературного языка новыми словами.

В кубачинском языке имеются множество таких слов, которые отсутствуют в даргинском литературном языке. Они могли бы служить базой для образования новых слов в даргинском языке.

Таким образом, кубачинский язык, как и все остальные дагестанские языки, наряду с грамматическим строем имеет свой основной словарный фонд и обслуживает говорящих на нем людей.

Список литературы

1. Алексеев М.Е. Кубачинский язык // Языки народов России. Красная книга. М., 2002.
2. Кубачинско-русский словарь (авт. А.Дж. Магомедов, Н.И. Саидов-Аккута). М., Наука, 2017.
3. Магомедов А.А. Кубачинский язык. Тифлис, 1963.

Киева Зуфира Хаджибикаровна, д. филол. наук
Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева
Ингушский государственный университет
г. Магас, Республика Ингушетия

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В ПЬЕСЕ Д.Д. МАЛЬСАГОВА «КЕРДАЧА НАБКЪА ТІА»

Аннотация. В статье исследована фразеологическая лексика в произведении Д.Д. Мальсагова «Кердача наבקъа тІа», использованная для выражения и передачи эмоционального отношения персонажей к происходящему с целью создания определенного прагматического эффекта. Проведенное исследование позволяет прийти к выводу, что в силу своих особых свойств фразеологические единицы, введенные автором в язык художественного произведения для наиболее полного раскрытия характеров персонажей, неизбежно оказывают на текст определенное влияние. В статье выделены разновидности подобного влияния, охарактеризованы их особенности.

Ключевые слова: Дошлуко Мальсагов, фразеологическая лексика, фразеологизм, фразеологическая единица, художественный текст, язык и стиль, экспрессивность.

Язык произведений всегда отражает индивидуальный стиль и неповторимое своеобразие творческой манеры писателя. В создании индивидуального стиля писателя особое место занимает фразеологическая лексика, которая является не только средством художественной выразительности, но и способствует воплоще-

нию авторского замысла. Как отмечается в исследовании, в наиболее полной форме «идиоматический арсенал языковой личности раскрывается в живой эмоционально окрашенной литературной речи или литературном просторечии, а также в образцовом художественном тексте» [1, с. 107].

Язык художественных произведений Д.Д. Мальсагова очень ярок и показателен в отношении изображения фразеологической лексики. Фразеологические единицы как особые единицы языка являются естественными элементами художественного текста Д.Д. Мальсагова, через которых автору удается наглядно изобразить самобытность и неповторимость характера ингушского народа.

Функции фразеологической единицы в художественном тексте обусловлены системными свойствами фразеологизмов: структурной раздельнооформленностью, асимметрией формы и семантики как результата метафоризации и абстрагирования от значения деривационной базы, образностью, семантической емкостью, коннотацией, а также способностью к окказиональным структурно-семантическим модификациям [6, с. 83].

Системные свойства фразеологической лексики обусловили широкое употребление их в пьесе Д.Д. Мальсагова «Кердача наькъа тIа» (написана в соавторстве с Мальсаговым Орцхо Артагановичем), вошедшей в сборник «Избранное» (1998). Источником абсолютного большинства фразеологизмов является живой язык ингушского народа. Под художественным пером Д.Д. Мальсагова они становились фактом ингушского литературного языка.

Использование в пьесе фразеологических единиц, которые имеют разговорную стилистическую окраску, подчеркивает истинную народность творчества писателя, отразившего особенности национального ингушского языка в различных его проявлениях.

В своем произведении автор создает речевые характеристики с учетом социальной принадлежности героев пьесы. В тех эпизодах, когда писатель комментирует диалоги героев, он включает в свое повествование различные элементы речи персонажей, оформляя их в содержательные реплики. Основу речи персонажей составляют фразеологические единицы: *мотт во болаш* (букв. 'язык плохой имея') 'злой на язык', *эхь доацаиш* (букв. 'стыда не имея') 'без зазрения совести', *есараиш мо бохкаш-эцаиш* (букв. 'пленников словно продавая-покупая') 'на правах собственности', *цIа дохордолаиш* (букв. 'дом способен разрушить') 'способен на многое', *ше долчча беса* (букв. 'само как есть') 'как есть', *дош а дохадаь* (букв. 'слово сломав') 'не выполнив обещание', *тIатесса гIод* (букв. 'наброшенный штраф') 'обуза', *цIийца мара нийса ца лулга* (букв. 'кровью только способно выровняться') 'искупить це-

ной жизни; кровь за кровь', *дуненахьа а къемат дийнахьа а* (букв. 'и в жизни и в судный день') 'всегда', *кортош Iодохкаргда* (букв. 'головы положит') 'расправится, отомстит', *из дош дахьаиш* (букв. 'это слово неся') 'с известием', *сий доацаиш* (букв. 'чести не имея') 'без чести'; пословицы и поговорки: *бертех кхере – хьунагла ма аха* (букв. 'если волка бояться – в лес не ходить') 'не стоит бояться опасностей и последствий происходящего', *да хьалха ца ваьлча* (букв. 'отец впереди если не пойдет') 'если не будет главы, проводника', *ворххIе даь хана денз* (букв. 'с седьмого поколения времен отцов') 'с незапамятных времен', *низ болчо низ бар леладу* (букв. 'силу имеющий силой берет') 'все на стороне силы'.

Значительное место во фразеоматике драматического произведения занимают фразеологизмы, связанные с религией ингушей: *сона бIаргадайнача Хьажий цIенора* (букв. 'клянусь увиденным мною домом Хаджи') 'клятва священной Меккой и Мединой', *Даьла наIалт хилда* (букв. 'пусть Божье проклятие осуществится') 'недоброе пожелание кому-либо', *Дала яьздаьр хиланза даргдац* (букв. 'Богом написанное не сбыться не может') 'все предначертано Богом', *Даьла раьза хилва хьона* (букв. 'пусть Бог будет доволен тобой') 'Божьей благодати вам', *Дала низ лолба хьона* (букв. 'пусть Бог тебе силы даст') 'Да сделает тебя Бог сильным', *Даьла кхел я* (букв. 'Божий суд есть') 'Божья воля', *Дала ший лаьна* (букв. 'Бог своему рабу') 'Бог милостив', *жайно йоах* (букв. 'в религиозном писании говорится') 'священное писание гласит' [4, с. 276-309].

Д.Д. Мальсагов активно употребляет фразеологические единицы как в авторской речи, так и в речи всех персонажей пьесы. «*Вийста валарг*», – кратко характеризует Сальмарзу соседка Кайпа [4, с. 286]. Фразеологизм *вийста валарг* (букв. 'опухнув умри') имеет значение 'недоброе пожелание тому, кто делает то, что не следует'. Автор употребляет общеязыковой устойчивый оборот в неизменном виде и сохраняет его значение – 'умереть с голоду'. То же самое наблюдается и в предложении *Даьла наIалт хьона, жIали* [4, с. 288]. / '**Божье проклятие** тебе, собака', в котором фразеологическое выражение *Даьла наIалт* 'Божье проклятие' используется как 'недоброе пожелание тому, кто говорит или же делает не то, что следует'. В обоих контекстуальных предложениях фразеологические единицы имеют разговорную экспрессивную стилистическую окраску.

Особой экспрессией отличается и фразеологический оборот *ши кепиг мах бац* 'гроша цены нет', встречающийся в речи другого героя пьесы.

сы, Юнуса: «*Цу тIа даьлча, цу Iаьдала мах ши кепиг даьра бацар*» [4, с. 279]. / «Если на то пошло, то **грош цена** этой власти». В другом предложении устойчивое выражение также отличается экспрессивностью: «*Иштта, кхора гьна тIара чужжача санна, ягIа зIамига яц хьо*» [4, с. 282]. / «Не такая ты уж и маленькая, чтобы сидеть так, **будто с грушевого дерева рухнула**». Устойчивым выражением *кхора тIара чужжача санна* ‘будто с грушевого дерева рухнула’ автор описывает драматическую ситуацию, в которой оказалась героиня произведения Аминат. Фразеологический оборот сохраняет общеязыковое значение ‘совсем неожиданно’. Так, другая героиня драмы горестно восклицает: «*Цхьаккха хIаман бехк боацаш ва са клаьнк*» [4, с. 302]. / «Ни в чем **не виноват** мой сын». Фразеологический оборот *бехк боацаш* (букв. ‘вины не имея’) употреблен в общеязыковом значении – ‘не виновен’.

Зачастую автор пьесы вкладывает в уста своих персонажей фразеологические обороты, указывающие на их простонародное происхождение. Однако они встречаются и в авторской речи: «*Кхалнах, цхьабараш хьалха а белхаш, хьал а детташ, Сону йолча цIагIа ух*» [4, с. 281]. / «Женщины, некоторые **плача и причитая**, проходили в дом Сону». Фразеологический оборот *хьалха а белхаш, хьал а детташ* (букв. ‘причитая, бия себя в грудь’ характеризует психологическое состояние героя, свидетельствуя о состоянии внутренней тревоги, печали, горечи.

Фразеологические единицы в произведении нередко встречаются в авторском повествовании и при описании внутреннего состояния героев, их судьбы. Рассказывая о жизни своей героини, Д.Д. Мальсагов пишет: «*Лоли лоацелча санна латт*» [4, с. 298]. / «Лоли стоит как вкопанная». Фразеологическое выражение *лоацелча санна* (букв. ‘будто застыла’), имеющее значение ‘состояние оцепенения’ (‘впасть в ступор’), подчеркивает трагизм всего положения, в котором оказалась главная героиня пьесы.

Нередко фразеологические обороты в пьесе используются и для описания внешнего состояния персонажей. Так, героиня драмы горестно восклицает: «*Сай мел венначох ма кхетийла со, аз из дерг-м деце*» [4, с. 284]. / «Пусть я **не встречу ни с одним из моих умерших**, если я этого не осуществляю». Фразеологический оборот *сай мел венначох ма кхетийла со* (букв. ‘ни с одним из моих умерших пусть я не встречу’) употреблен в общеязыковом значении – ‘не увидеть мне моих умерших в ином (загробном) мире’.

Устойчивые обороты разговорного характера у Д.Д. Мальсагова отражают специфику народного языка, дают характеристику своим героям. Сам автор подчеркивает это: «*Хьалдетташ нана-цIагIа дIачуйода Сону*» [4, с. 290]. / «Сону заходит в комнату, **бия себя в грудь**». Устойчивое выражение *хьалдетташ* (букв. ‘ударяя себя’) используется в общеязыковом значении ‘бия себя в грудь (проявлять скорбь)’.

Фразеологические единицы используются в художественном тексте автора не только для описания персонажей, но и с целью усиления образности языка произведения, то есть функционируют как средство художественной выразительности. «*Са маьрцIаьшкахьара а даьцIенгахьара а венна а дийна мел вар хьоавир*», – говорит одна из героинь пьесы [4, с. 285]. / «Упомянула всех живых и мертвых как со стороны отца, так и со стороны мужа». Номинативный оборот *венна а дийна мел вар*, имеющий значение ‘и живых и мертвых’, наряду с инверсией придает художественной речи особое высокое звучание. То же наблюдается и в предложении «*Сийнача цIерах яьгаялар со укхаз а йоагIачул*» [4, с. 284]. / «**Сгореть бы мне синим пламенем**, чем оказаться здесь», в котором выражение *сийнача цIерах* (букв. ‘синим пламенем’) подчеркивает весь трагизм ее положения, когда она терпеливо и последовательно вынуждена переносить испытания, страдания, превратности судьбы, которые связаны с непростыми житейскими обстоятельствами.

Приведенные выше контекстуальные примеры показывают, что Д.Д. Мальсагов в основном использует общеязыковые устойчивые обороты без изменения их структуры и семантики. Однако в некоторых случаях автор преобразует фразеологические единицы, придавая им новую экспрессивную окраску и выразительность: (1) *Дукха эзад аз паччахьа набахта Iазан* [4, с. 308]. / «**Много мучений я терпел** в царских тюрьмах». (2) *Кхы а дукхагIа гIайгIеи балеи леладаьд аз вай даьх диса Iаьдал бахьан долаш* [4, с. 308]. / «И еще больше **горя и печали я испытал** от предрассудков наших предков». Автор на базе двух узуальных фразеологизмов – *эзад Iазан* ‘мучений претерпел’ и *гIайгIеи балеи леладаьд* ‘горе и печаль испытал’ создает окказиональное выражение *испытал немало горя*: «*Хийла лийннай са букьа тIа гIолла полицейски шод*» [4, с. 308]. / «Довольно часто **отбивала мою спину плеть** полицейского». В этих предложениях Д.Д. Мальсагов использует сразу несколько приемов преобразования фразеологических единиц, контаминируя два синонимичных выражения ‘эзад’ ‘претерпел’ – ‘леладаьд’

‘перенес’ и параллельно используя выражение ‘лийннай’ ‘неоднократно прошлась’. В результате таких преобразований возникает авторский оборот, в котором происходит соединение смысловых значений обоих исходных фразеологических единиц и возникают новые элементы значения. При этом стилистическая окраска образованного нового оборота по сравнению с общеязыковыми является сниженной.

Д.Д. Мальсагов нередко использует и такой прием преобразования фразеологических выражений, как изменение грамматической формы составляющих фразеологизм компонентов. Так, в предложении «*Со кьонах воацандаь, кьонах хила венна элар Ia вай тайпанна кIудж?*» [4, с. 294]. / «Не считая меня мужчиной, представив себя таковым, **повесил ты чуб** на наш род» автор заменяет второй компонент фразеологиче-

ского оборота *кIудж Иоолла* ‘повесить чуб’ компонентом спрягаемой глагольной формой: *элар кIудж* ‘повесил чуб’. При этом происходит перестановка компонентов фразеологического оборота: *кIудж Иоолла* – *элар кIудж*. Получая новое грамматическое оформление, фразеологизм сохраняет общеязыковое значение ‘опозорить всенародно’.

В целом, фразеологическая лексика, складывавшаяся в драматическом произведении Д.Д. Мальсагова, имеет ряд общеязыковых черт. Примененные в тексте фразеологические единицы почти всегда используются в их обычной языковой форме с сохранением значения. Функционирование подобных фразеологизмов в пьесе позволяет сделать вывод о том, что они являются значимыми элементами в построении особого художественного мира писателя.

Список литературы

1. Жуков В.П. Русская фразеология. М.: Высшая школа, 2006. 408 с.
2. Киева З.Х., Султыгова М.М. Современный ингушский язык. Лексикология и фразеология. Магас: ООО «Кеп», 2017. 234 с.
3. Киева З.Х. Семантические особенности функционирования адвербиальных фразеологизмов ингушского языка // Вестник ИнГНИИ ГН им. Ч.Э. Ахриева. Магас, 2018 (1). С. 64-69.
4. Мальсагов Д.Д. Кердача наькъа тIа. В кн.: Избранное. Нальчик: Эль-Фа, 1998. С. 276-309.
5. Оздоева Ф.Г. Ингушско-русский фразеологический словарь. Нальчик: Эль-Фа, 2003. 132 с.
6. Федоров А.И. Семантическая основа образных средств языка. М., 1986. С. 83.

Костоева Айшат Магомедовна, научный сотрудник

*Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева
г. Магас, Республика Ингушетия*

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Д.Д. МАЛЬСАГОВА

Аннотация. В статье анализируется влияние фольклорных традиций, а также использование форм народной словесности в творчестве ингушских писателей и поэтов на примере произведения Д.Д. Мальсагова «Поток Арамхи».

Ключевые слова: фольклор, Д.Д. Мальсагов, писатель, предания, Арамхи, сюжет, горцы, ингуши, иноземные князья.

В творчестве многих ингушских писателей и поэтов наблюдается влияние фольклорных традиций, искусное сочетание мотивов фольклорных произведений, народной мудрости с жизненными реалиями. Не является исключением и творчество Д.Д. Мальсагова. Надо сказать, что Д.Д. Мальсагов был одним из тех, кто стоял у истоков зарождения ингушской фольклористики. Его многолетний труд по изучению и записи ингушского фольклора, конечно же, является неопределимым по-

мощником для исследователей устного народного творчества ингушей.

В одной из своих статей Д.Д. Мальсагов отметил важную роль фольклора при изучении языка. «Если же нужно изучать и развивать язык, то как можно при этом проходить мимо фольклора, т.е. суммы языковых богатств, накопленных устным народным творчеством во всей его истории? Ведь фольклор есть все, что имеется наиболее красочного, картинного и богатого в языке. Фольклор

– поэзия и проза народного языка. И, конечно, тот, кто захочет овладеть языком, понять его богатство и структуру, все законы, все особенности его, должен изучить фольклор» [3, с. 31].

Д.Д. Мальсагов, помимо того, что сам прекрасно знал и использовал в своем творчестве ингушский фольклор, призывал еще и других ингушских писателей шире использовать формы народной словесности.

Также Д.Д. Мальсагов понимал значение фольклора в деле изучения истории народа. «Для истории бесписьменных народов, или бывших таковыми в недавно прошедшее время, язык народа и его фольклор являются часто главным источником освещения его прошлого» [3, с. 33]

Ярким примером того, что Д.Д. Мальсагов был отличным знатоком ингушского языка, истории и, конечно же, фольклора, является его творчество. К примеру, возьмем поэму «Поток Арамхи». В произведении, где основной идеей является прославление революции и новой власти, автор сумел ярко показать и историю, и богатую культуру, и храбрость ингушского народа посредством древних легенд и преданий. Данное произведение написано очень богатым языком, где присутствуют различного рода метафоры, олицетворения, сравнительные обороты, эпитеты. Очень красочным языком описывается природа горной Ингушетии, где протекает река Арамхи. Помимо всего прочего, произведение богато сюжетами из народного творчества, много устаревших слов, выражений, оборотов, которые сегодня в речи не используются. В начале поэмы автор приводит старинное ингушское предание, объясняющее название реки. По сюжету предания, брат, убив свою сестру, бросил ее тело в воды бурной реки Арамхи, за что и называют эту реку в народе «Хьарамахий» (запретная вода) [3, с. 490]. Автор, как бы ставит Арамхи очевидцем, свидетелем тех давних событий, которые отражают прошлое народа и сожалеет о том, что столь печальные события связаны с этой чистой водой.

Далее в произведении упоминаются события из исторического прошлого ингушей, связанные с борьбой ингушского народа с феодалами [2, с. 378-379]. Все тем же красочным языком передает автор поэмы суть всех преданий об иноземных князьях. Как ингуши убили и бросили в реку Арамхи головы врагов в отместку за то, что они, задумав стать их князьями, стали подстергать и похищать джигитов:

Стал они с сыновьями
Рыскать, как стая волчья,
Подстергать джигитов,
Поодиночке хватать их,
Словно коней ретивых
Из табуна чужого,
И уводить их в плен.

И опять-таки автор обращается к Арамхи, как к свидетелю храбрости и мужества горцев, боровшихся за свободу. Здесь Арамхи становится еще и помощником горцев против несправедливости и произвола иноземных князей, ведь именно быстрые воды Арамхи вышвырнули головы сыновей к ногам врагов. Здесь, несомненно, прославляется свободолюбие и храбрость ингушского народа. Данный мотив широко известен в ингушском фольклоре и Д.Д. Мальсагов очень ярко и образно показал его в своем творчестве.

Следующий сюжет, встречающийся в произведении Д.Д. Мальсагова, – сюжет предания о происхождении рода Цицкиевых. По народному преданию, род Цицкиевых произошел от одного мальчика, который остался в живых после того, как враги перебили всех, кто находился в башне. Его бросили с высокого берега в Арамхи, но он не погиб, хоть и получил девять ран. И прозвали его Циск за то, что живуч как кошка [1, с. 105]. Воды Арамхи омыли, исцелили бедного малыша и бережно вынесли на берег. Здесь Арамхи сочувствует несчастью горцев.

Упоминаются Д.Д. Мальсаговым и всевозможные набеги на горные аулы иноземными князьями. И персидское и абхазское войско, которое не смогло сломить храбрый дух горцев. В ингушском фольклоре много произведений, повествующих о том, как ингушский народ столетиями сохраняет свою незыблемость, не склоняя головы ни перед какими силами. Это особенно ярко подчеркнул и Д.Д. Мальсагов.

Приведенные выше примеры показали, что в одном только произведении встречается несколько сюжетов ингушских преданий. Данное произведение является ярким примером того, что Д.Д. Мальсагов был прекрасным знатоком ингушского фольклора и очень широко использовал в своем творчестве различные фольклорные традиции. Несомненно, достижения этого выдающегося ученого помогают в изучении ингушской фольклористики по сей день.

Список литературы

1. Антология ингушского фольклора // Сост. Дахкильгов И.А. Нальчик: Эль-фа, 2010. т. 7, вып. 1.
2. Ингушские сказки, сказания и предания // Сост. Дахкильгов И.А. Нальчик: Эль-фа, 2002 г.
3. Мальсагов Д.Д. Избранное // Сост. А.У. Мальсагов. Нальчик: Эль-фа, 1998.

Кук Асфар Сагидович, канд. филол. наук
 Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева
 г. Майкоп, Республика Адыгея

ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТА КОНЯ В АДЫГСКОМ НАРТСКОМ ЭПОСЕ

Аннотация. В статье рассматривается мифологема коня в адыгском мифопоэтическом сознании. Показано, что кони играли большую роль в жизни нарттов, на них они совершали все свои подвиги. Отмечается, что кони в нартском эпосе наделены чудесными свойствами: они летают, уходят вглубь моря, передвигаются по поверхности воды, наконец, обладают даром человеческой речи. Установлено, что культовое почитание коня превратилось в глубокую привязанность людей к этому животному, что выразилось даже в установлении на их могилах кэгэсэй (насыпных курганов), как и доблестным нарттам.

Ключевые слова: мифопоэтическое сознание, нартты, кони, чынт, иныж, курган, Нэгучица, Саусэррук, Емынэж.

Богатырские кони в нартском эпосе играют важную роль, в чем, несомненно, надо видеть отражение культа коня. Как правило, нартские кони наделены чудесными свойствами: они летают, уходят вглубь моря, передвигаются по поверхности воды, наконец, обладают даром человеческой речи. В трудную минуту герои советуются с ними, и они их выручают, в удачных походах вitezей немалая заслуга их верных коней.

Благодаря смекалке своего коня Тхожий (*Тхъожъый*), нарт Саусэррук смог принести нарттам огонь, затем вернуть семена проса, украденные чудовищем Емынэжэм. В сказании «Саусэррук и Емынэж» отважный нарт Саусэррук отправляется к чудовищу, укравшему семена проса. Но что бы он ни делал, каждый раз его настигал Емынэж и отбирал кожаный мешок с семенами. Тогда через пленницу Емынэжа – нартскую девушку, он узнает, что душа чудовища связана с его Карэ тлэкуш (*Къарэ лъэкъуиш* – букв. «трехкопытный конь»). Пока на земле не отыщется конь, способный победить Карэ тлэкуш, Емынэж будет неуязвим. Своего коня он получил у Нэгучицы. Тот, кто сумеет попасть три дня и три ночи волшебных коней Нэгучицы, получал чудесного коня. Но это было очень сложно, весь табун прячется на дне моря, уходит в небеса или вглубь дремучего леса.

Саусэррук при помощи сокола, волка и рыбы выполнил условия и получил «жеребенка, родившегося в море от кобылицы по имени Тхож (*Тхъожъ*)».

Примечательно, что Саусэррук выбирает самого невзрачного жеребенка, который позже становится красивым и могучим конем. «... Саусэррук взял поводья в руки и повел жеребенка. Когда они прошли часть пути, жеребенок спросил:

– Кто ты?

– Я Саусэррук!

– Тогда, Саусэррук, я для тебя стану достойным конем, но лишь три раза я попил молоко своей матери. Отпусти меня, чтобы еще раз я напился молока своей матери. Я второй жеребенок у нее. Первого забрал Емынэж, он три раза пил молоко матери, сейчас мы равны по силе с ним, но если хочешь, чтобы он меня не одолел, дай мне попить еще раз молоко матери.

– Иди, возвращайся. Я подожду тебя здесь! – сказал Саусэррук.

Жеребенок повернул назад. Саусэррук направил коня, на котором сидел, в сторону огромного дерева. Лишь он высвободил ногу из стремени, чтобы спешиться, жеребенок вернулся. Увидев это, Саусэррук спросил его:

– Что же ты не вернулся назад?

– Был, я уже попил молока! – ответил жеребенок.

– Как это быстро? – удивился Саусэррук.

– Туда я отправился шагом, а вернулся малой рысью.

– Нет, кажется мне, что будешь достойным конем! – обрадовался Саусэррук.

– Буду достойным или не достойным узнаешь, садись на меня.

Саусэррук переложил седло с коня на жеребенка. Сел и повел за поводья коня, на котором он приезжал. Когда жеребенок, родившийся от Тхожа, шел шагом, первый конь мчался галопом. Когда жеребенок, родившийся от Тхожа, переходил на рысь, тот не успевал за ним и жеребенок тащил его по земле.

– Какой ты молодец, маленький Тхожий! – сказал Саусэррук.

Начиная с этого времени жеребенка, родившегося от Тхожа, начали называть Тхожием...».

Верный конь помог Саусэрруку не только забрать семена проса у Емынэжа, но через своего

брата Карэ тлэкуша погубить вечного врага нартов Емынэжа [7. Т.7, с. 253-268].

В отдельных сказаниях говорится, что Тхожий достался Саусэруку после противостояния с чынтэм. Так, в сказании «Как Саусэрук нашел своего Тхожия» повествуется, как в чылэ Саусэрука заехал грозный чынт, сын князя Бэратга (Бэрат). Не менее грозным был и его конь, «глина из-под копыт его коня взлетала до облаков, воздух из ноздрей коня сжигал все вдоль дороги...». Саусэрук был в отъезде. Нарты испугались всадника, встретили как дорогого гостя, кормили, поили его, пока он был у них. Уезжая из села, чынт забрал добро, накопленное нартами.

Когда вернулся, Саусэрук догадался, что его село было опозорено, и начал спрашивать нартов, кто к ним заезжал, но те боялись и молчали. Тогда он спросил одну женщину: «Как всадник заезжал к нам, достойно ли его встретили?». И она рассказала, что был во время его отъезда.

Чынт опять заехал в село и, узнав, что Саусэрук здесь, позвал его. Саусэрук своей силой, мужеством, храбростью превосходил чынта, но тот вызвал его на поединок, выехал из села и там его ждал.

Саусэрук, выйдя из дома, поскользнулся и чуть не упал в яму, образовавшейся в том месте, где помочился конь чынта. А когда он встряхнулся, дом Саусэрука пошатнулся (гиперболизированный образ коня – А.К.). Саусэрук сел на своего коня и отправился к высокому холму, где его ожидал всадник. Когда чынт увидел Саусэрука, он съехал с холма и два коня сшиблись грудью. Сильнее оказался конь чынта и конь Саусэрука, испугавшись, повернул назад, но нарт так потянул поводья, что он порвал челюсть коня, так сдавил его ребра, что поломал их. Конь стал, тогда чынт сказал: «Теперь получилось, как надо», налетел на него с мечом. Тут Саусэрук одной рукой схватил коня, другой чынта и снес его с коня. Саусэрук отрезал чынту нос и уши, снял с убитого своего коня шкуру и положил его на плечи чынту, отпустил его со словами: «Возвращайся к своему пщы Бэрату!». Саусэрук назвал коня, которого он отобрал у чынта Тхожием» [7. Т. 2, с. 50-51]. Однако практически все нартские сказания указывают, что Тхожий достался Саусэруку из табуна Нэгучицы.

Кроме информации о том, как Саусэрук нашел Тхожия, в данном сказании есть и другие интересные сведения. Например, в ответах жителей села на вопрос чынта: «Где нартский дом?». «Белых нартских домов много и много перед ними белых собак», – отвечают селяне. Это отчасти

рисует внешний облик нартского села. Впрочем, этот светлый цвет адыгских домов и наличие в каждом дворе собаки – неременный атрибут черкесского села в последующие времена.

Все свои победы Саусэрук одержал на Тхожие. Это с его помощью нарт узнает, как украсть головешку из огня иныжа. А когда Саусэрук отправился за мечом великана, Тхожий предупреждает, что меч иныжа можно взять лишь клещами Тлепша, иначе оружие погубит нарта. Как и хозяин, Тхожий умело использует хитрость в борьбе с врагом. Он притворяется то умершим, то, словно лисица, бесшумно подкрадывается к сопернику. Когда Саусэрук отказывается поведать матери, почему он печальный вернулся домой из похода, Сэтэнай гуащ отправляется к его коню. Тхожий рассказал о том, что случилось с Саусэруком и подсказывает ей, как победить нарта Тотреша.

Мотив проигрыша в противостоянии из-за потери коня наблюдается в поединке Саусэрука и Тотреша. В подобной ситуации раньше оказался сам Саусэрук, когда его вызвал на поединок грозный чынт. Когда их кони сшиблись грудью, сильнее оказался конь чынта, и согласно мотиву проигрыша противостояния из-за потери коня, чынт должен был победить. Однако здесь нужно учесть, что, хотя конь Саусэрука испугался, оказался побежденным и повернул назад, но усилиями Саусэрука устоял, и всадник остался на коне, развернул его, а это уже было не окончательная потеря коня. Есть и другое понятие победы Саусэрука над чынтэм – «если не наступило время...», время Саусэрука еще не наступило, и он сам сносит с коня чынта и побеждает его. А «когда наступило время...» для Тотреша, «Саусэрук на увешанном колокольчиками коне, выскочил из тумана и напугал коня Тотреша. Тотреш, разгневанный на своего коня за бегство, калечит его и, оставшись без коня, погибает». Позже и Саусэрук погибает, потому что не послушался Тхожия и раскрыл тайну своего уязвимого места – бедра, а у Тхожия – подошву копыт. Так погибли нарт и его верный конь Тхожий.

Другим популярным персонажем нартского эпоса является конь нарта Шэуая Чэмыдэж (*Чэмыдэжъ*). Так же, как и Тхожий, он сначала кажется невзрачным. Когда Шэуай подошел к табуну и крикнул: «Эгей, мой будущий конь!», к нему прискакал тощий жеребец и сунул голову в уздечку. Но нарту не понравился его вид и снова позвал своего будущего коня. Жеребенок еще раз сунул голову в уздечку. Тогда Шэуай понял, что это именно тот, который будет его конем.

Когда Шэуай и Чэмыдэж отправились впер- вые на скачки нартов, Шэуай не счел нужным сказать коню, куда они едут. Когда они дошли до реки, конь остановился и что бы ни делал Шэуай, как бы ни бил его, не сдвинулся с места. До крови избил нарт коня. Тогда Чэмыдэж спросил:

« – Зачем избиваешь меня?»

– За то, что не хочешь переправиться на тот берег. До сих пор ты так не делал, что с тобой?

– Что со мной? – ответил Чэмыдэж, – я не знаю, куда идешь. Пока не скажешь, не сдвинусь с места. Скажешь, понесу куда угодно, не скажешь, разойдутся наши пути.

– Я не привык докладывать коню, что я намерен делать! – крикнул Шэуай на Чэмыдэжа. – Ты еще не знаешь, кто такой Шэуай, сын Канжа!

– Не хочешь говорить, не говори. Но я тоже не тронусь с места. Делай со мной что хочешь, бей меня, но не сможешь убить. Если желаешь испугать меня, я не испугаюсь. Шэуая, сына Канжа, хорошо знаю, если что-то можешь, делай.

Еще сильнее рассердился Шэуай и исхлестал коня, но тот не сдвинулся с места.

– О, мой Чэмыдэж, мой хороший конь, нет у меня тайны от тебя. Едем на скачки...

– Я об этом знаю, поэтому и не двигаюсь с места. Если мы едем на скачки, то вернись, и закажи кузнецу Дабэчу специальные железные подпруги, ими и прикрепи ко мне седло. Иначе, когда я поскачу и прыгну, подпруги лопнут, и ветер тебя снесет. Подпруги, которые сделает Дабэч, закали молоком Сэтэнай или своей матери, а то ветер порвет их... [7. Т.5, с. 108]. Примечательно, что обычно в поход Шэуай и Чэмыдэж отправлялись, приняв невзрачный вид, а за селом, когда их никто не видел, обретали прекрасный вид.

Для характеристики достоинств коня в эпо- се используются чаще всего диалог, гиперболы и эпитеты. Когда Чэмыдэж Шэуая отправлялся в дальний путь, «из его ноздрей валил огонь, который сжигал подорожную траву». А кони в сказании «Шэбатынук и Шыужий» «обладают способностью переправляться через море легко, словно шагают по мосту». Конь Пэтэрэза Дульдуй (иногда его называют еще Кэрапц) относится к алпам (*альп*) – волшебным коням, способным летать. В очном споре коня и его хозяина (например, диалог Шэуая и Чэмыдэжа) победителем выходит конь, который знает наперед что будет. Это свидетельствует о том, что и нартские кони владе- ли магией предсказания.

Во время поединков нартов с иныжами, их доблестные кони тоже сражаются с конями вели- канов. Так, когда гость нарта Шэуая отправился

к иныжам, первый соперник перед боем пустил коня на поединок с конем нарта. Зная, что подоб- ная схватка состоится, гость Шауая густо покрыл бока своего коня песком, и он стал неуязвимым для соперника. В некоторых сказаниях прослежи- вается типичный образ вороного коня, которого обычно нарты никак не могут удержать. Такой во- роной стережет обычно табун коней иныжей, ино- гда другого постоянного соперника нартов Тлегуц жачэ. Когда нарты угонят табун, Джындыф, так часто зовут вороного, вырывается, скачет домой и извещает хозяина о случившемся.

Коням эпоса свойственны чувства мужества, храбрости, преданности, стремление сделать все для достижения цели, но для этого они должны знать намерения своих хозяев. Взаимосвязь нарт- ского героя и коня часто выражается в преданно- сти друг другу, взаимовыручке. Так, Пэспыт сам несет обессилевшего коня, а нарт Жэмадыу наот- рез отказывается зарезать коня, чтобы накормить голодных нартов. Он говорит, что «конь не овца». Позже его конь находит соль, о которой нарты раньше не знали.

О бытовании среди древних адыгов культа коня свидетельствует и нартское сказание «Колэ- сэж и Чэмыдэж». Здесь повествуется о том, как у Колэсэжа украли дочь, и он пустился вдогонку. В поединке с похитителем он убил его, но и сам скончался от ран. Когда погиб хозяин, «конь на- чал бегать вокруг тела и сделал место круглым». Преданный конь показал нартам, где надо похоронить погибшего Колэсэжа. Каждый нарт на- сыпал на могилу землю, и это место преврати- лось в большой курган. Конь тоже вскоре умер вслед за Колэсэжем и его похоронили рядом. Его могилу тоже насыпали, и он тоже стал кур- ганом. Их теперь называют «Курган Колэсэжа» и «Курган Чэмыдэжа» [7. Т. 5, с. 215]. Смерть коня вслед за хозяином и превращение его могилы в «священный курган» – явные атрибуты «культа коня».

Со временем культовое почитание коня пре- вратилось в глубокую привязанность людей к этому животному, и коневодство стало отчасти излюбленным национальным занятием, и оно имело древние традиции. В археологических рас- копках Елизаветинского (IV в. до н.э.), Семибрат- ного (IV-V в. до н.э.) городищ и Усть-Лабинского могильника были найдены кости домашних ло- шадей. В те времена адыги уже разводили тонко- ногую верховую лошадь. К XIX веку коневодство приобрело важное хозяйственное значение, бо- гатство семьи определялось наличием лошадей и поголовьем скота.

В.П. Пожидаев отмечал, что адыги создали целую науку о коне и его воспитании [10, с. 79]. Адыги вывели прекрасные породы лошадей: шоолох (*шьэулэху*), бэчкан (*бэчкъан*), куденет (*къудайнэт*), абыку (*абыкӀу*) и др. Самыми лучшими из них считались шоолох и бэчкан.

Копыто шоолоха «...представляет почти сросшееся кольцо (стаканчик), это являлось одним из высоких качеств породы лошади шоолоха» [Там же, с. 78]. Адыгскую лошадь не подковывали, т.к. ее копыта были чрезвычайно крепкими.

М. Пейсонель писал, что «черкесские лошади высоко ценятся: они рослые, хорошо сложены, сильны, быстрые на бегу и выносливы. Голова у них напоминает немного клюв ворона и, вообще, сами лошади походят на английских» [9, с. 27].

Ж. Тавернье сравнивал черкесских коней с испанскими [11]. И. Клинген, характеризуя особенности черкесской лошади, отмечал, что «она без особого труда покрывала большие расстояния, передвигалась по страшным кручам, переходила через самые бурные потоки (здесь надо вспомнить коня Саусэрука Тхожия, который переправлялся через Индыдж – *А.К.*). Когда во время засухи выгорала трава, она без разбора ела все, что попадалось: чертополох, татарник» [5, с. 60]. А зимой она выбивала копытами коренья трав и питалась ими. По этому поводу Н.Ф. Дубровин писал, что «кабардинская лошадь не требует особого ухода, пасется круглый год в поле и питается зимою кореньями трав, вырываемых ею из-под снега копытами. Лошади кабардинские не знают ковки, но в течение целого месяца легко делают переходы от 60 до 100 верст в день, без дневок» [3, с. 6].

А теперь рассмотрим, как адыги давали характеристики коню по его масти. «Когда всадник нартов садился на коня и выходил, выбора больше не было: или ты его убьешь, или он тебя, – рассказал нам столетний черкес из Кфар-Камы в Израиле Исмаил Тэш.

– Такими они были храбрыми. Нарт тоже черкес! Когда говорили, что идет нартский всадник, спрашивали:

– На каком коне он сидит?

– На вороном, – отвечали.

– У вороного коня глаза плохо видят, поэтому уходи в темноту. В отличие от других коней, у него слабое зрение, поэтому, если хочешь уйти от него – найди темное место.

– Нарт едет на сивом коне.

– Уходи в колючие кустарники. У сивого коня шкура тонкая, и он не сможет ехать через колючки.

– Нартский всадник едет.

– На каком коне сидит?

– На рыжем.

– Уходи в большое чистое поле. Рыжий конь бежит очень резво, но, когда находится в чистом большом поле, он видит далеко и падает духом, поэтому не может больше бегать.

– Нартский всадник едет.

– На каком коне сидит?

– На чалом.

– Уходи в каменистое место. У чалого коня копыта слабые, поэтому не может скакать на камнях. Тогда подков еще не было.

– Нартский всадник едет.

– На каком коне?

– На темно-гнедом.

– Устремись в гору. Темно-гнедой конь силен, вынослив, но корпус, передние ноги и задние у него не одинаковы. Задние ноги слабее, поэтому не сможет долго подниматься в гору.

– Нартский всадник едет.

– На каком коне сидит?

– На пестром.

– Уходи в горы. Пестрый конь труслив и не может ехать через теснины.

Так делились кони нартов по масти. Знание их особенностей помогало уйти от всадника» [10].

Был еще и саврасый конь, но адыги редко пользовались такой мастью, она была слишком заметной. Такая масть коня была у казаков.

Сочинители песен, которые уходили на войну вместе с воинами, всегда сидели на серых конях, в этом была их особенность. Они становились перед войском, пели или читали свои стихи, рассказывали о неустрашимости предков и их доблестных подвигах, тем самым они поддерживали боевой дух воинов.

Следует отметить, еще одну особенность подготовки скакунов, издревле известную адыгам. «Одну из трех больших вен на каждой задней конечности коня перерезали и завязывали, чтобы кровь больше не шла по ней, – сообщил А. Берсиров, услышанный рассказ от своего отца Махмуда, знатока лошадей и хорошего наездника. – В течение года коня кормили особым рационом, держали на деревянном настиле. Поэтапно конь восстанавливался, и его начинали готовить к нагрузкам. Со временем конь приобретал такую физическую форму, что мог часами бегать и не уставать (в нартском эпосе упоминается, что конь нарта Шэуая мог бегать от зари до зари, при этом не уставал и даже не потел – *А.К.*). Американские ученые пришли к выводу, что конь по своему физиологическому строению способен бегать часа-

ми без устали, его могут подвести только задние конечности, которые забиваются от длительной перегрузки» [1].

Почитание коня было и у многих других народов. «Конь считался одним из наиболее близких к человеку животным, – отмечают С.Д. Зухба и Т.Н. Чамоков. – Он играл важную роль в быту и выполнял различные функции. В среде абхазского народа до сих пор говорят, что в жилах коня течет человеческая кровь. Поэтому ни в коем случае мясо коня не употреблялось (и, конечно, и поныне не употребляется) в пищу» [4, с. 98-101].

В абхазской мифологии *Ачышьашьан* (Ачышашан) считается божеством лошади. С особым почтением к нему относились пастухи, которые приносили ему в жертву «молочную кашу, обыкновенно в субботу, – только не во время поста, раз в году – летом. «В свадебной поэзии адыгов этот мотив присутствует в качестве благопожелания невесте» [2, с. 120]. Из черкесских покровителей домашних животных наибольшее функциональное сходство с *Ачышьашьан* имеет Пшишан. По утверждению Л.И. Лаврова «название Пшишан является разновидностью имени абхазского бо-

жества – покровителя коневодства Ашашана» [6, с. 282].

В.Б. Тугов отмечает, что в абазинском фольклоре незаменимым помощником героя «является верный крылатый конь дурдуль, необыкновенно выносливый, резвый, понимающий человеческую речь и говорящий на человеческом языке, обладающий даром провидения и перевоплощения. Порою без коня герой практически беспомощен... В обрисовке героя и коня существует определенный параллелизм: в начале они оба ничем не выделяются среди себе подобных, нередко бывают предметом насмешек, но затем оказываются необыкновенно мужественными и сильными [10].

«Важную роль в совершении героических подвигов богатыря выполняет богатырский конь, – пишет Н.А. Оросина о необыкновенных способностях коня в эпосе «Олонхо». – Помимо того, что он обладает волшебными свойствами, он является близким другом, соратником и советником героя. Недаром наряду с именем богатыря обязательно упоминается его конь, без него он не способен совершать свои подвиги и достичь поставленных целей [8].

Список литературы

1. Берсиров А. М., 1947 г.р. Записано Куеком А.С. Майкоп, 15.05.2012 г.
2. Джанашиа Н.С. Статьи по этнографии Абхазии. Сухуми, 1960.
3. Дубровин Н.Ф. Черкесы (Адыге) // Материалы для истории Черкесского народа. Издание общества изучения Адыгейской автономной области. Краснодар, 1927. Вып. 1.
4. Зухба С.Л., Т.Н. Чамоков. Божество коня в мифологии абхазов и адыгов. Вестник АГУ. Серия «филология и искусство», вып. 2 (99), 2012.
5. Клинген И.К. Основы хозяйства в Сочинском округе. СПб., 1867.
6. Лавров Л.И. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев // Религиозные верования адыгов. Майкоп. 2001. 46 с.
7. Нартхэр = Нарты: Адыгэ эпос: томибл хьурэ текст угъоигъэхэр / зэфэзыхьысыжькьыхи зэхэзгъэу-цуагъэхэр, ублэл 1э очеркымрэ комментариэхэмрэ зытхыгъэр А. Хьэдэгъэл 1э. Мыекъуапэ, 1968. – Т. 1; 1969. – Т. 2; 1970. – Т. 3; 1970. – Т. 4; 1970. – Т. 5; 1971. – Т. 6; 1971. – Т. 7.
8. Оросина Н.А. Таттинская локальная традиция якутского эпоса «Олонхо»: формы бытования, основные образы и мотивы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Якутск, 2015. 24 с.
9. Пейсонель М.П. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750–1762 г. в изложении Е. Фелицина. Краснодар: Изд. Общества изучения Адыгейской автономной области, 1927. 35 с.
10. Пожидаев В.П. Кабардино-черкесская тамга и кавказский орнамент // Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института. Нальчик, 1946. Т. IV.
11. Тавернье Ж.Б. Шесть путешествий в Турцию, Персию и Индию в течение сорока лет // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях Европейских авторов XIII-XIX в.в. / сост., ред. пер., введение и вступ. ст. к текстам В.К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 73-82.
12. Тугов В.Б. Фольклор и литература абазин: динамика взаимодействия: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Майкоп, 2003. 47 с.
13. Тэш И., 1890 г.р., Кфар-кама, Израиль, 05.01.1991 г.

Кук Марьет Гиссовна, канд. искусствоведения
Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т. Керашева
г. Майкоп, Республика Адыгея

СЕМАНТИКА УКРАШЕНИЙ ЖЕНСКОГО КОМПЛЕКСА ОДЕЖДЫ ПО МАТЕРИАЛАМ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЕТАЛЛА АДЫГОВ

Аннотация. В статье рассматриваются образцы украшений женского комплекса одежды адыгов (черкесов) из археологических памятников Северо-Западного Кавказа эпохи средневековья и этнографического времени.

Ключевые слова: нашивные бляшки, ожерелья, височные подвески, головные уборы, туалетные наборы, зеркала, пояса, серьги, браслеты, нагрудные застежки.

Археологические памятники Северо-Западного Кавказа сохранили для цивилизованного мира удивительные по красоте и богатству ювелирные украшения женского комплекса одежды, семантику и эволюцию которых мы рассмотрим в этой статье.

Женские украшения сохраняют древние традиции в украшении одежды адыгов (черкесов). Все известные украшения можно разделить на две группы: нашивные и съемные. В первую группу входят прикрепляемые и нашиваемые на одежду застежки, подвески, бляхи, пуговицы, пластинки, накладки. Ко второй группе относятся надеваемые отдельно – пояса, кольца, браслеты, ожерелья, серьги, цепочки. Металлические бляшки и пластины в больших количествах найдены в Майкопском кургане IV тыс. до н. э., в кургане № 42 из курганной группы «Девять братьев» I-II вв. н.э., самый ранний образец женского ожерелья из Новосвободненского кургана 2 датируется III тыс. до н.э. Использование штампованных золотых пластинок, имеющих толщину папирусной бумаги, в украшении одежды, головных уборов, погребального покрова, тесно связано с верой в загробную жизнь. Цвет золота должен был отпугивать злых духов от человека, амулеты и украшения должны оберегать, придавать силу, мужество, ловкость и красоту.

В погребальном комплексе Колосовка №1 представлены разнообразные украшения. Это бусы, подвески, серьги, браслеты, височные кольца, гривна, перстни, нашивные украшения, колокольчики. В женских и детских погребениях встречается большое количество бус, из которых состояли ожерелья, и которыми украшались детали одежды. В основном, это были сердоликовые, халцедоновые, янтарные, гешировые, пастовые и стеклянные бусы. Форма бус самая разнообразная: круглая, биконическая, коническая, цилиндрическая, плоская и реберчатая. Подвески, колокольчики, розетки служили для украшения одеж-

ды или входили в состав ожерелий. Подвеска прорезная, бронзовая, литая, имеет грушевидную рамку, в центре которой имеется крестообразное переплетение с крупной зернью, а ложная зернь образует рельефный узор по форме подвески. В состав ожерелий входили и более мелкие сердцевидные подвески с петелькой наверху, сделанные в виде перекрученной веревки [2, с. 68].

Бронзовые колокольчики, иногда позолоченные, входили в состав ожерелий, и, видимо, их звучание имело магическое значение. Колокольчики украшены в нижней части вертикальным рифлением или прорезями, с обязательной петелькой для подвешивания. Розетки украшены радиальной резьбой. Этими розетками украшалась шапочка и одежда в области грудной клетки – нагрудник.

Браслеты круглопроволочные с орнаментированными или гладкими, разомкнутыми или заходящими концами. Браслеты носились на предплечье и запястье. Серебряный браслет из погребения № 1 представляет собой тугое и гибкое кольцо, сплетенное из тончайших нитей с закрепленными на концах серебряными колпачками с крючками и колечками для скрепления

Другой браслет круглопроволочный, с переплетенными концами, образующими декоративный элемент, и тремя нанизанными инкрустированными стеклянными бусинами.

Серьги представлены несколькими типами: проволочные, кольцевые и стержневые. Проволочные серьги состоят из двух частей: одна часть короткая и подвижная с вырезанными шипами, а вторая часть является основой, на которой прорезаны выемки, благодаря чему серьги закрываются. Вторая пара серег конструктивно решена в стержневом варианте: на проволочное кольцо с разъемными концами прикреплен ромбовидный щиток, к нему крепится стержень с нанизанными полыми шариками круглой и биконической формы. Шарик сделаны из половинок листовой

бронзы или литые, они украшены рельефным тиснением и поясками из зерни.

Третья пара серег представляет собой двухчастное кольцо с замыкающим замком, украшенное несколькими рядами рельефной зерни. Верхняя часть кольца украшена припаянным полым шариком с зернью, к которому, в свою очередь, напаян еще меньший шарик с эмалью. В нижней части кольца напаян ряд миниатюрных колечек с колокольчиками, издающими мелодичный звон. Все три пары серег сделаны из позолоченной бронзы.

Нашивные украшения обычно сделаны из бронзы, золоченой бронзы и серебра. Они представлены розетками, бляшками, пластинами с отверстиями для нашивания на одежду. Бронзовые пластинчатые розетки имеют многочисленные лучи, на каждом луче гнездо-оправа миндалевидной формы с эмалью, а на лучах – серебряные шарики. Розетки украшены рядами зерни.

Среди предметов туалета встречаются зеркала, туалетные наборы, бытовые изделия. Зеркала с петелькой на орнаментированной стороне встречаются с V-I в. н.э. в могильниках Северного Кавказа и Прикубанья, а в погребениях Колосовки найдены зеркала, изготовленные из сплава серебристого цвета. Все три зеркала орнаментированы с одной стороны: по внешней окружности проходит валик, в центре такой же валик образует круг с петелькой в центре, а между внешним и внутренним валиками радиально расходятся лучи. Изображения радиально расходящихся лучей и концентрических кругов являются, как известно, солярным символом.

Колосовский декоративный туалетный набор из позолоченной бронзы состоит из копоушки, пинцета, ногтечистки, зубочистки, обломка копоушки и игольника (Рис. XXVIII). Эти предметы представлены в виде бронзовых пластинок с бубенчиками, подвешенных на плетенных серебряных шнурах. Сверху каждой пластины находится высокая петля с пропущенным кольцом, к которой крепятся витые «елочкой» тончайшие серебряные шнуры со вторым колечком на конце. На пластинах имеются боковые отверстия с колечками для крепления колокольчиков. Ногтечистка имеет на конце узкий, длинный стержень с коготком, копоушка заканчивается стержнем в виде миниатюрной ложечки, а у пинцета на стержне есть две пружинящие «щечки». Такие конструктивно оправданные детали являются подтверждением их практического применения в жизни

Декор изделий очень разнообразен и показателен в стилевом решении: изображения объеди-

няются густой радиальной штриховкой, мотивом непрерывной плетенки с переплетениями медальонов. Пластины украшены повторяющимся декором с двух сторон. Декор на трех пластинах представлен тремя медальонами: в верхнем медальоне изображен трилистник, в центральном медальоне – розетка, а в нижнем медальоне – птица с распростертыми крыльями и распущенным хвостом. Фон на пластине заполнен мелкой зернью. На двух пластинах, пинцете и обломанном инструменте, состоящем из двух частей, на чистом фоне даны изображения двух птиц с поворотами головы вправо и влево, а также декоративного цветка. На второй части инструмента повторяется этот сюжет, а на «щечках» пинцета также изображен декоративный, более стилизованный, цветок.

Интересные детали женского костюма и украшения были найдены в погребальном комплексе №4 Псекупского могильника. Это два серебряных перстня с надписью на арабском языке; серебряный перстень со вставкой из белой пасты; золотая серьга в виде лепестка, украшенного вставкой из лазурита с подвешенными на спирально закрученных подвесках шестью гранеными камнями красно-розового цвета; золотой перстень в виде двухвиткового проволочного кольца со вставкой из стекла в бронзовом корпусе. Там же найдены бронзовый футлярчик прямоугольной формы на бронзовой цепочке с медным кольцом, туалетный набор из копоушки, ногтечистки и пинцета, подвешенные на бронзовой сердцевидной бляшке со стеклянным глазком; бронзовые позолоченные пуговицы; бронзовая заколка с позолоченной головкой в форме полумесяца. В погребении № 4 найдены фрагменты ткани с золотыми нитями, остатки кожаных перчаток. С XIV века у адыгов известны металлические навершия на женских шапочках, накладные пластинки с шариком для укрепления лунницы или птички, сделанные из серебра. Золотые пластины со временем были заменены имитацией золотым шитьем.

Археологические исследования Белореченских курганов XIV–XVI вв., Змейского могильника дали материал по одежде и головным уборам адыгов (черкесов). Исследователями адыгских женских головных уборов были Е.Н. Студенецкая [4], Л.М. Ашхамахова [1]. Многочисленные путешественники, миссионеры, исследователи писали о костюмах и головных уборах черкешенок, подчеркивая их умение вышивать золотом и серебром, плести галуны и украшать одежду.

В раскопках белореченских курганов были найдены женские головные уборы, которые имели вид шишака со стержнем на верхушке, увен-

чанным небольшим полумесяцем. Богатые головные уборы делались из серебра. Вместе с тем найдены экземпляры шапочек из войлока с лунницей из, расшитой шнуром шелка, другая шапочка была парчовая и имела наверху обкладку из тонкой серебряной пластины с шариком, на котором укреплялась серебряная позолоченная лунница. Шапочка была украшена грушевидными привесками на цепочках. В другом богатом погребении сохранилась верхушка головного убора, изготовленная из тонкого листового серебра, украшенная накладными узорными пластинками с гнездами для вставок камней или жемчуга.

В.П. Левашева пишет, что такого вида головные уборы обычны для памятников Кавказа позднего средневековья; они встречаются почти во всех курганных группах Прикубанья и в Пятигорском районе. В одном из погребений близ станции Андрюковской была найдена кожаная шапочка с накладками листового серебра, с навершием в виде луницы на низком стержне и тремя парами грушевидных привесок [3, с. 167].

Трансформация и стилизация стержней с лунницами со временем превратилась в характерную особенность адыгских шапочек – это наличие на шапочках верхушки в виде выпуклых или плоских круглых блях из серебра, иногда с позолотой, украшенных чернью, гравировкой, ложной зернью. В центре такой бляхи, прикреплявшейся на выпуклое или плоское дно шапочки, на шпильке укреплялся шарик или продолговатая серебряная бусина, часто завершавшаяся изображением птички или полумесяцем, иногда бляха украшалась мелкими серебряными подвесками.

Этнографические материалы были исследованы Л.М. Ашхамаховой, рассматривающей 8 разновидностей женских шапочек:

1. «Дышьэ паю хьурай» (круглая золотая шапочка) – изготовленная из галуна с выпуклым верхом, напоминающая по форме усеченный конус.

2. «Дышьэ паю шыгубгъу» (плоская золотая шапочка) – изготовленная из галуна с плоским верхом, напоминающая по форме усеченный цилиндр.

3. «Дышьэ паю тандж» (шлемовидная золотая шапочка) – конусообразная шапочка типа мужского шлема, изготовленная из галуна или украшенная золотым шитьем.

4. «Тыжьын паю» (серебряная шапочка) или «тыжьын тельэу дышьэ паю» (золотая шапочка с серебряным украшением).

5. «Дышьэ паю таркьу» (золотая раздвоенная шапочка) с золотой вышивкой «шыхьар идагъ» (городская вышивка).

6. «Дышьэ паю кьуанч» (кривая золотая шапочка), вышитая золотыми нитками способом «адыгэ идагъ» (вприкреп) или способом «шыхьар идагъ» (городская вышивка).

7. «Дышьэ паю» (золотая шапочка) конусообразной формы в виде колпака, вышитая способом «адыгэ идагъ» (вприкреп) и «шыхьар идагъ» (городская вышивка).

8. «Тэтэр паю» или «кьырым паю» (татарская или крымская шапочка), украшенная «адыгэ идагъ» (вприкреп) и «шыхьар идагъ» (городская вышивка).

Самой нарядной считалась «дышьэ паю» (золотая шапочка), целиком изготовленная из галуна, а прототипом этого вида были бытовавшие в древности высокие золотые шапочки, литые из золота или серебра.

Можно заметить взаимозаменяемость металлических украшений и золотого шитья в сочетании с басонными изделиями. На большинстве шапочек серебряные накладки отсутствовали. Вместо них была вышивка с шариком или продолговатой бусиной, сплетенной из золотых ниток.

К числу архаичных головных уборов относится накосник «шъхьацхэгъаш» – длинная полоска ткани шириной 20-30 см., концы которой украшены золотой вышивкой, басонными изделиями, бахромой или кружевами. Накосники имели длину платья и делались из дорогих тканей. Накосники вплетались в волосы, заворачивались, завязывались концы и опускались вниз до земли. По способу ношения косы с накосниками можно было отличить девушку от молодой женщины. На Кавказе накосники были только у адыгов.

Адыгские девушки носили интересный головной убор в виде футляра «шъхьацыль»: из бархата, шелка преимущественно темных цветов. Длина футляра вместе с бахромой достигала пояса. Футляры украшались золотым шитьем и бахромой из золотых ниток. Футляр имел трапециевидную форму основанием кверху, посередине шов разделял на два отделения, в которые укладывали по одной косе или части распущенных волос. Футляры носили как выходной головной убор вплоть до начала XX века, причем, с ним надевали шапочку «тэтэр паю», которая завершала праздничный наряд девушки. Интересны вплетенные в косы серебряные коробочки – амулеты с изречениями из корана, которые служили украшением волос и в качестве оберега.

Оригинальным головным убором необычного фасона является «раздвоенная золотая шапочка» типа пилотки, состоящая из двух боковых сторон

и донышка. Единственный экземпляр такой шапочки хранится в Национальном музее Республики Адыгея.

В качестве головного убора девушки носили также шарфы и платки: шелковый кружевной шарф «дэнэ хьэгъэ шарф»; кружевной шарф из шелка-сырца «щылэ хьэгъэ шарф»; плотный шелковый кружевной шарф «дэнэпцIэ шарф», кисейные и газовые шарфы.

Большим разнообразием отличались женские украшения, которые сохраняют древние традиции в украшении одежды. Все известные украшения можно разделить на две группы: нашивные и съемные. В первую группу входят прикрепляемые и нашиваемые на одежду застёжки, подвески, бляхи, пуговицы, пластинки, накладки. Ко второй группе относятся надеваемые отдельно – пояса, кольца, браслеты, ожерелья, серьги, цепочки.

Главным украшением женской одежды являются серебряные, позолоченные нагрудные застёжки, нашиваемые на кафтанчик или платье. Эволюцию кафтанчика к застёжкам можно проследить на материалах Белореченского кургана, где найден длинный, однобортный женский халат из золотого аксамитного бархата, на котором была застёжка, у которой «петли, расположенные на левой поле, образуются из сложенной вдвое тесьмы, сплетенной из шелкового шнура «в косичку», и положены горизонтальными рядами перпендикулярно к борту на расстоянии 3-4 см. друг от друга. Такие же нашивки имеются и по правой поле халата, а на концах у их борта были пришиты серебряные пуговицы» [3, с. 190]. Описанный способ застегивания встречается и на кафтанчиках из этого кургана. Эти находки датируются XV–XVI веками. Серебряные застёжки и украшения басонными пуговичками, золотое шитье на кафтанчике и платье стали со временем взаимозаменяемыми: золотое шитье имитировало серебряные застёжки, а серебряные накладки – вышивки на кафтанчике и платье. Нагрудные и плечевые бляхи нашивались спереди у ворота или на плечах. Это были круглые, слегка выпу-

клые серебряные бляхи с гравированным и черненым несложным рисунком, иногда украшенные подвесками из цепочек. Украшения на груди и на плечах служили оберегами, защитой человека. На груди платья или кафтанчика вдоль застёжек нашивали подвески в виде шариков на цепочках. На платьях нашивались металлические накладки по борту, подолу, на углах пол, которые имели петельки для нашивания.

Женские пояса отличаются большим разнообразием, поэтому делятся на четыре типа. Первый тип представлен поясами из ткани – кушаки, которые прикреплялись на талии и завязывались. Второй тип – пояса из кожи, галуна, ткани с галуном, с металлическими пряжками и украшениями из серебра. Пряжка на таком поясе застегивается при помощи стержня с круглой головкой, продеваемого в металлические петли с обратной стороны. На поясе ритмически располагались бляхи круглой или прямоугольной формы, украшенные гравированным орнаментом с чернью. Такой пояс был обнаружен в Белореченских курганах.

Ко второму типу относятся пояса из кожи или галуна с большой, охватывающей талию спереди до середины боков, пряжкой, состоящей из двух половин, застегивающихся при помощи стерженька. Пряжки имели различную модификацию.

К третьему типу отнесены пояса, состоящие из серебряных пластинок, нанизанных на узкий ремень с помощью петелек. Ремень в таком поясе служит для скрепления пластинок, а застегивается на крючок и петлю, закрытую пряжкой овальной, круглой, полуцилиндрической формы.

Четвертый тип представлен цельными металлическими поясами без применения ремня. Пояс может быть составлен из серебряных пластинок прямоугольной или фигурной формы, соединенных между собой шарнирами. Пряжка такого пояса состоит из трех частей. Пластинки украшаются одинаковым декором из накладной филигрании, цветных стекол, бирюзы, украшены растительным орнаментом и позолочены.

Список литературы

1. Ашхамахова Л.М. Адыгские женские головные уборы XIX-начала XX веков // Сборник статей по этнографии Адыгеи. Майкоп, 1975. С. 84-112.
2. Куек М.Г. Художественный металл адыгов. Историко-искусствоведческий дискурс. Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 2007. 196 с.
3. Левашова В.П. Белореченские курганы // Археологический сборник. ТГИМ. Вып. XXIII. М., 1953. С. 165-214.
4. Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа. XVIII -XX вв. М., 1989. 288 с.

Кук Асфар Сагидович, канд. филол. наук
 Кук Марьет Гиссовна, канд. искусствоведения
 Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева
 г. Майкоп, Республика Адыгея

О НЕКОТОРЫХ МОТИВАХ В АДЫГСКОЙ МИФОПОЭТИКЕ

Аннотация. Рассматривается наиболее распространенная мифологема в адыгском мифопоэтическом сознании – мотивы. Показано, что она сопровождает человека с древнейших времен. Установлено, что основных мотивов в адыгском нартском эпосе более тридцати. Из них мотив добывания / возвращения огня, мотив богоборчества, мотив уязвимого места на неуязвимом теле, мотив неперемного наказания за грехи, мотив умирающей и воскресающей природы (мотив единства и борьбы противоположностей в природе являются одними из главных в мифопоэтическом сознании адыгов.

Ключевые слова: нартский эпос, нарты, иньжи, испы, мифопоэтическое сознание, мотивы, богоборчество, волшебная свирель Ацэмэза.

В адыгской мифопоэтике наиболее распространенной мифологемой являются мотивы, сопровождающие человека с древнейших времен. «В ашельское время (150-100 тысяч лет тому назад – А.К.), – отмечают П.М. Кожин и Б.А. Фролов, – люди широко пользовались благодатным огнем, защищавшим их от холода, сырости и свирепых зверей. Следы костра обнаружены в Кударо 1, а отдельные угольки – в слое Среднеадажохского поселения. В связи с подобными фактами, ученые предполагают, что мифы о Прометее, доставившем человеку огонь (или Саусэрука, который принес нартам огонь – А.К.) «сложились задолго до возникновения людей современного типа (*homo sapiens*), на стадии неандертальца или питекантропа» [1, с. 39]. Это свидетельствует об архаизме мотивов и древности адыгского духовного наследия.

Каждое новое поколение вносило в него свои мотивы, которые отразили условия жизни и взаимоотношения в обществе. Основными мотивами адыгского нартского эпоса являются мотив добывания / возвращения огня; мотив богоборчества; мотив уязвимого места на неуязвимом теле; мотив неперемного наказания за грехи; мотив умирающей и воскресающей природы; мотив единства и борьбы противоположностей в природе; мотив наездничества; мотив борьбы за ореховое дерево как за сакральное место; мотив похищения огня, культурных благ; мотив возвращения огня; мотив изобретения первых орудий труда; мотив искусного изготовления оружия; мотив наездничества; мотив вызова противника на поединок; мотив пленения; мотив проигрыша в противостоянии из-за потери коня; мотив воскресения после второго удара; мотив предоставления предсмертного пожелания; мотив смерти от своего оружия; мотив угрозы после смерти; мотив связывания;

мотив изоляции; мотив выздоровления родителей после употребления крови убийцы сына; мотив сбрасывания немощных стариков со скалы; мотив тайной связи матери героя с его врагом; мотив подвергания остракизму; мотив борьбы героев с их врагами из подземного мира; мотив рождения умершим от живого или живым от умершего; мотив требования девушки в качестве дани; мотив борьбы героя с благо; мотив победы над благо; мотив охраны святого кургана благо и змеями; мотив борьбы орла со змеей; мотив борьбы героя над орлом; мотив поклонения горе; мотив видения прошлого и будущего и др.

Мотив добывания / возвращения огня

Нартских повествований о добывании огня нартом Саусэруком более двух десятков. Поводом для поиска огня для нартов стал лютый холод, который окутал землю. По одной версии, нарты возвращались из набега, где их застала пурга, и они попросили Саусэрука, которого они встретили в пути, достать им огонь. Саусэрук сбил стрелой звезду, но она рассыпалась и не согрела нартов. Другие сказания повествуют, что это сам Саусэрук наслал на нартов холод за то, что они не захотели поделиться с ним добычей. Нарты остались в поле, а он отправился на поиски огня.

Саусэрук не сразу нашел огонь. Наконец, увидев огонь, он намерился на коне подскочить и забрать его, но огонь находился в круге, что было символично. Иньж (*иньжъ* – великан) лежал вокруг костра кольцом, положив голову на ноги. Тогда Тхожий (*Тхъожьый*), конь Саусэрука, как лиса, незаметно подполз к огню, но, когда Саусэрук взял головешку, искры посыпались на иньжа, и он проснулся. Он был настолько велик, что, «не сходя с места, обшарил семь дорог, и поймал Саусэрука, похитившего огонь». Так нарт оказался в плену.

«Мотив пленения, временного содержания культурного героя-добытчика позволяет говорить о его родстве с солярной мифологией... Наступление холода (от чего нарты начали замерзать) первоначально могло быть связано с пленением Сосруко, как это бывает с солярными героями или божествами. Освобождение знаменует наступление теплой поры... Сказанное позволяет говорить о влиянии солярного культа на формирование образа Сосруко, что еще раз указывает на древность этого персонажа» [2, с. 137].

Иныж грозит нарту, что, если он не расскажет, какими играми тешится Саусэрук, он его убьет. Иныж не догадывается, что перед ним стоит сам Саусэрук. Великан стремится доказать, что он сильнее отважного нарта, о котором он слышал не раз, легко решает задачи, которые предлагает Саусэрук: сброшенную с горы каменную глыбу вновь загоняет наверх, купается в кипятке, пропускает через себя раскаленный лемех, забивает рот стрелами и пережевывает их. Лишь хитростью, приморозив иныжа, герой побеждает его. Когда он подбегает, чтобы снести голову врагу, тот дунул на него, и он «отлетел на расстояние одного дня». Но нарт Саусэрук «был быстр, как молния» и вновь возвращается и наносит удары мечом, но «даже маленькой царапины не смог ему сделать, ни один волосок не смог перерубить». Тогда Тхожий говорит ему, что так одолеть иныжа невозможно, его можно убить лишь его же оружием – мечом, которое обладает чудесным свойством – поражать тех, кто стремится взять его голыми руками. Тхожий подсказывает, что меч иныжа можно взять щипцами нарта Глепша. Так и сделал Саусэрук, он перехитрил его и взял его за рукоятку. Когда нарт вернулся к великану, тот перед смертью просит его:

«Я пропал, я это знаю,
Пусть тебе будет удачей моя смерть...
Когда отрубишь мою голову,
Вытащи большую жилу из шеи,
Сделай его себе ремнем.

В тебя перейдут мои силы...» [3. Т. 2, с. 28].

Когда Саусэрук вытащил жилу по совету Тхожия, он бросил ее на камень, и она перерубила его. Когда он хлестнул жилой огромное дерево, она и его перерубила. В отдельных сказаниях говорится, что из тела иныжа вышли три жилы, любая из которых была способна поразить того, кто прикоснется к ним. Мотив угрозы и после смерти в данном случае напоминает противостояние грузинского героя Амирани и Бак-Бак дэва. Амирани убивает грозное чудовище дэва, который перед смертью просит витязя не убивать трех червей,

которые вылезут из его отрубленной головы. Позже черви превратились в страшных драконов. Как видим, в адыгском и грузинском эпосах, побежденный великан может погубить неосторожного героя.

Надо отметить, что в нартских сказаниях есть варианты, где огонь не похищается нартом Саусэруком (мотив похищения огня у «культурного героя» иныжа, мифического владельца и хранителя огня является наиболее распространенным сюжетобразующим мотивом цикла, посвященном нарту Саусэруку), а иныж сам передает ему огонь. Ведь иныжи до нартов обладали «культурными благами», самое главное из них – это владение огнем, его хранение [4, с. 53].

«Я много слышал о подвигах Сосруко и считал его великаном, а не таким маленьким, как ты, – говорит иныж нарту. – Ну, бери огня, сколько хочешь» [Там же, с. 354]. Данный пример, как справедливо отмечает А. Ципинов, «...восполняет важное звено в эволюционном развитии представления адыгов о происхождении этого предмета культуры. Понятно, что мотив похищения культурных благ стадияльно более поздний, чем простое их добывание, так как само понятие хищения могло сложиться в период разложения общины...» [5, с. 106].

Когда Саусэрук вернулся к нартам, в живых остались те, кто были посередине: снаружи замерзли от холода, те, кто внутри, задохнулись. С этого времени у нартов появился огонь.

К более позднему периоду, несомненно, относится мотив возвращения огня, его вторичное добывание, как материального блага: похищение огня у нартов Пако (покровитель атмосферных явлений), приковывание предводителя и тамады нартов Насрэнжач к горе, и победа Пэтэрэза над злым божеством. Пако унес огонь нартов за то, что они его «перестали почитать, как бога». Изменения погоды во время похищения огня у нартов Пако, сопровождаются гротескным описанием: «Как молодую ветку сгибал ураган вековые дубы, до неба поднимал морские волны, до основания разрушал дома...» [3. Т. 4, с. 154].

Пако не только унес огонь нартов, но и напустил на них холод. Нарты попросили своего предводителя *НасрэнжакI* (Насырэн борода – букв. всегда доходит, достигает цели), вернуть огонь, и он отправился к горе Ошхэмаф (*Юшхэмаф* – Счастливая гора Эльбрус), где жил Пако. Насрэн отправился к нему и спросил его, почему он, Пако, «у которого, как считают люди, жалость бесконечна», отобрал огонь очага нартов, на что он в гневе отвечает:

охраняет собака, которая хочет освободить его и пытается перегрызть цепи.

«Говорят, что наты (нарты – А.К.) выступали против бога, – поведал сказитель. – Легенду о нате, который восстал против бога, слышал я часто. Он стал сквернословить на бога, этого не стерпел бог, и его ангелы приковали, наложив на него цепи... Около ната сидит собака, верная ему, охраняет. Она беспрестанно цепи грызет, бывает, почти перегрызет. Но слышатся удары о наковальню, и железная цепь вновь утолщается. Тогда с криком «ха-хай» нат начинает бушевать – дождь льет, гром гремит. Когда железными цепями о цепь бьет – и молнии блещут, когда с шумом «па-аф» изрыгает воздух – сильный ветер дует, резко встряхнув себя – заставляет гору вздрогнуть, с шумом «пхып-хыпх» камни большие спускает сверху. Люди не хотят, чтобы цепь, которая против тех, кто посмел восстать против Бога, была перегрызена собакой; они боятся и говорят, что, если перегрызет, как Телаль, он явится на землю, уничтожит благочестие Бога, мир перевернется и рухнет».

Делать трехкратные удары по наковальне, а также по лемеху осталось еще в традициях адыгов. При первом посещении кузни и перед уходом производили удары молотом по пустой наковальне. Адыги имели «*отэомаф*» (день удара молотом), при котором, поочередно произведя удары по наковальне, первый говорил: *лыгъэклуат* («подвинь дальше!»), а другой *еклотэх* (спусти ниже!). Всем этим люди хотели «отодвинуть от себя бедствие» [3. Т. 7, с. 14-15]. Еще до недавнего времени проводились чапщ (*чланы*), и непременно перед кроватью больного раскладывали лемех и молоток. При посещении больного, каждый подходил к лемеху, брал молоток и делал три удара по нему и желал благополучного выздоровления.

Причиной противления Тхэ не всегда была дерзость, попытка свергнуть владычество, скорее это были поиски справедливости и возможности подниматься на гору, как и патронам. Так, бесстрашный и храбрый герой сказания «Гнев Тхэ» решил подняться на Ошхамаф, узнать тайну Тхэ и скинуть его с вершины, потому что там «...жил Тхэ, который не имел никакой жалости к людям. Никто из людей, рожденных на земле, не имел права подняться на вершину горы, где жил Бог. Бог был жестокий и никогда не разговаривал с людьми...» [3. Т. 7, с. 16]. За свою дерзость герой был прикован к скале, его терзал орел, он так провел всю свою жизнь, не раз пытаясь освободиться от оков, но не смог, постарел, и, не выдержав на-

казание Бога, из его глаз брызнули обильные слезы, которые пробили подножие Ошхэмаф. Люди назвали его слезы нартсан.

В следующем сказании «О джигите, прикованном к горе», опубликованном в военном сборнике в 1880 году, Тхэ наказывает человека, который сделал для людей немало: научил их добывать огонь, железо. Но это его не спасло – за то, что он начал считать себя равным богу, тот его наказал. «Некогда в горах жил сильный человек, – повествуется в сказании. – Все ему удавалось: научил людей высекать огонь из кремня, добывать железо, забыл только Богу молиться, стал думать, что равен ему. За такое вольнодумие Бог приковал его к вершине скалы. Около него два орла летают, по очереди на него садятся и грудь ему клюют» [9, с. 307-309].

Надо отметить, что мотив приковывания титана-богоборца встречается не только в нартских сказаниях и пщынатлях, также и в других жанрах фольклора. Но прикованный уже не человек, а мифическое существо – Мэзитленук (*Мэзыллыныкъу* – букв. половина лесного мужчины) великан. Предания о прикованных титанах известны и другим народам Кавказа, они встречаются у абхазов, грузин, армян и это сходство свидетельствует о родстве кавказских народов, близости их культуры.

Мотив уязвимого места на неуязвимом теле

Мотив уязвимого места на неуязвимом теле в эпосе, прежде всего, увязывают с именем Саусэрука. Нарт Тлепш (кузнец нартов) взял пылающего жаром младенца Саусэрука щипцами и окунул его семикратно в кадку с водой. В стальном теле неуязвимого Саусэрука уязвимым стало место, которое держал щипцами кузнец. А какое это было именно место, в нартском эпосе нет единого мнения. В сказании «Рождение Саусэрука» повествуется, что Тлепш железными клещами схватил ребенка за оба бедра и семь раз окунул в воду... сделал семикратную закалку... Тело его стало крепким как сталь. Но его бедра, за которые (он) держал железными клещами, остались мягкими, как у обыкновенного человека» [3. Т. 2, с. 31-32].

В другом сказании по просьбе матери нарт Чэлэхсэт отнес родившегося Саусэрука нарту Тлепшу. Тот «оба колена схватив щипцами, семикратно закалил ребенка» [3. Т. 2, с. 33]. Представители сирийской черкесской диаспоры считают, что «кузнец закалил нарта Саусэрука, взяв его за левое колено» [10]. А в абхазском варианте сказания «Рождение Сасрыква», уязвимым местом неуязвимого тела нарта была правая нога.

Ж. Дюмезиль, побывавший среди черкесов Измита в Турции в 30-х годах прошлого века, и записавший сказание о рождении Саусэрука, тоже считает, что уязвимым местом на теле Саусэрука были колени. Сказители сообщили ему, что конь Саусэрука Тхожий, в тело которого не входили стрелы, имел одно уязвимое место – копыто. «Стрела... ударит лошадь Саусырыко под копыта и... лошадь упадет. Это и произошло» [11, с. 17-18].

Нартские сказания, записанные в Адыгее, подтверждают подобные детали и уточняют, кто предупредил нартов об уязвимом месте на теле Саусэрука и его коня. Это была женщина уд, которая притворившись золотым шлемом, сделала так, чтобы его подобрал Саусэрук, подслушала разговор коня и всадника и услышанное передала врагам Саусэрука.

Убых Тевфик Эсенч Зенфу из убыхского селения Хаджиякуб Турецкой Республики (убыхи один из субэтносов черкесов – А.К.) считал, что «Глепш кузнечными щипцами взял новорожденного за бедра и окунул три раза в воду» [12, с. 12].

Эпический мотив уязвимого места в неуязвимом теле имеет сходство с осетинским сказанием о Сосрыко. Уязвимым местом осетинского нарта Сосрыко были «колени, которые были согнуты у новорожденного Сосрыко во время его закаливания» [13, с. 28-35]. У греческого Ахилла, героя Троянской войны, уязвимым местом на теле была пятка, за которую его держала мать – морская богиня Фетида, когда она окунала его в подземную реку. Троянский царевич Парис пустил стрелу, а бог Апполон направил его в пятку Ахилла. Так был убит Ахилл. А на Саусэрука накатили острое железное колесо, и оно отрезало ему ноги, но он остался жив.

Тут нужно обратить внимание на одну важную деталь. Когда Саусэрук упал, к нему подскочил Тхожий и сказал: «Возьми отрезанные ноги, положи их за пазуху и садись на меня!». Саусэрук сел на коня, но, увидев, что конь мчится от врагов домой, крикнул: «Ты куда бежишь? Враги мои там, если мои ноги отрезало, руки остались, я могу держать свой меч!». А Тхожий знал, что Сэтэнайгуащ (мать героя) сможет прирасти ноги Саусэрука к телу, поэтому он хотел доставить нарта к матери. Если в египетской мифологии убитого Осириса собирает шакалоголовый дог Анубис, то в некоторых нартских сказаниях – это Сэтэнайгуащ: «... прослышав, что ее сын Сосруко убит, отправляется в путь на поиски сына и вскоре находит части его тела. Она собирает их

вместе и, обмыв утренней росой, оживляет сына» [14, с. 128].

Это еще раз подчеркивает чудесные способности Сэтэнайгуащ не только «прирастить» к туловищу отрезанные ноги Саусэрука, но даже оживлять умершего.

Но на этот раз Тхожий не смог спасти нарта Саусэрука. Враги уже знали об уязвимом месте Тхожия – они рассыпали острые камни, которые он не смог преодолеть. Тогда он сказал: «Я больше тебе не смогу пригодиться. Убей меня и прикройся моей шкурой, и ты будешь защищен от оружия твоих врагов». Саусэрук семь дней, прикрываясь шкурой Тхожия, оборонялся и никто из врагов не смог к нему подойти «на расстояние вытянутой руки с мечом». Тогда его закопали живым.

Мотив умирающей и воскресающей природы (мотив единства и борьбы противоположностей в природе)

Саусэрука закопали живым и отправили его в Хадрыхэ (*Хьадырых* – мир мертвых), но он там не умер. Он остался в зоне, где «прибывает», все «развивается», продолжается жизнь. И каждую весну, когда мир (*дунай*) одевается в зелень и оживляется пением перепелок, слышится голос из-под земли:

«Когда небо синее,
Когда земля зелена, –
Подняться бы на семь дней, –
Появиться бы на дунай,
Глаза моих недругов
Всем я вырвал бы,
На земле стоящий мрак
Я рассеял бы!» [3. Т. 1, с. 127].

Саусэрук может рассеять мрак, ведь он же имеет эпитеты «солнечный», «солярный», иногда «огненный», и его имя связано с Солнцем, со светом. Как «солнечный» нарт он способствует вызыванию дождя во время засухи. Его образ амбивалентен. Недруги боятся его воскрешения. Они говорят: «если нарт Саусэрук вернется на наш дунай, земля потеряет свой «жир» (плодородие) [15, с. 146-153].

Мотив умирающей и воскресающей природы наблюдается в сказаниях, где фигурируют нарт Ащэмэз, его невеста Афэмьид, бог плодородия Тхагэлэдж. Ащэмэз, хотя был еще совсем молод, смог отомстить за отца и победить грозного Глечуцжач. В поединке сначала сильнее оказался Глегуцжач. Он привязал к коню раненного и потерявшего сознание Ащэмэза, и приволок на коне домой. Жена Глегуцжач втайне от мужа вылечивает нарта. По одной версии, Ащэмэз даже умер,

и жена Тлегуцжач камнем-оселком воскрешает его [16, с. 27-34].

Ащэмэз был храбрым и отважным, не раз уходил в походы с нартами, но один случай изменил его жизнь – в пути его застала гроза, и он лег под деревом отдохнуть. Во сне он услышал чудные мелодии – то ветер, проходя сквозь отверстия, прогрызенные червяками на ветке, сбитой с дерева ветром, их создавал. Ащэмэз вырезал из ветки себе камыл (*къамыл* – своеобразная флейта, свирель) и начал наигрывать все мелодии, создаваемые природой. Он научился понимать язык зверей и птиц, разговаривал с ними, так он сблизился с окружающим миром.

Но не этим камылем он влиял на природу и погоду. У него был камыл, который он получил в дар от бога плодородия Тхагэлэджа. Камыл имел два разных конца – белый и черный. Когда Ащэмэз играл белой стороной, вся природа оживала: русло сухое наполняется рекою, море наполняется водою, травы и лозы, окованные морозом, оживают, распускаясь почки.

Когда враги нападали на страну нартов, Ащэмэз начинал играть черной стороной камыла и вся природа «умирала», мороз все сковывал, замерзали реки и моря, дул сильный ветер и врагам ничего не оставалось, как повернуть назад. Зная о волшебном свойстве камыла Ащэмэза, дракон из подземного царства (здесь налицо и мотив борьбы с врагами из подземного царства – *А.К.*), воспользовавшись тем, что мужчины нартов ушли в поход, украл невесту Ащэмэза и камыл. Поднявшись в небо, дракон начал дуть в камыл с черной стороны и на землю нартов пришли холод и голод, затем такой зной, что вся вода испарилась. Нартские витязи нашли и убили дракона (здесь наблюдаются мотивы борьбы с благо и мотивы неперенной победы над ним – *А.К.*), забрали Афэмыда и камыл. Ащэмэз своей игрой на камыле смог вернуть мир и гармонию нартской земле.

Мотив умирающей и воскресающей природы имел отношение и к Тхагэлэджу (покровитель растительного мира и изобилия). Его чудесная свирель, которая находилась у Ащэмэза, влияла на погоду, он покровительствовал растительному миру, в том числе и деревьям. Они «умирали» зимой и воскрешались весной.

Мотив умирающей и воскресающей природы наблюдается и в сказании о Самгуре – орле-титане. Самгур обладал способностью видеть прошлое и будущее. Когда он поднимался в небо, от взмахов его крыльев поднималась буря, волны моря закипали до самого дна и все звери и птицы в панике прятались, а цветы опускали свои

головки. Но по велению Тхэшхо (Великий Бог) природа вновь оживала: небо прояснялось, солнце выходило в зенит, лес наполнялся душистым дыханием оживших цветов.

Мотив неминуемого наказания за грехи

В адыгском мировосприятии прослеживается мотив вечной борьбы добра и зла, они всегда в бинарном противостоянии. Когда зло поднимается выше, добро опускается, а за этим следуют катаклизмы – это Тхэшхо наказывает виновных. В подтверждение рассмотрим предание об озере Хумэджий. «Как рассказывают, история Хумэджий (*Хьумэджий*) началась очень давно, – повествует предание. – На месте озера Хумэджий раньше располагалось чылэ (село). Оно отличалось трудолюбием, люди жили сытно, хорошо, в достатке, но как говорится, «когда человек переходит черту, он начинает выходить из своего обличия», они пресытились своей жизнью, зазнались, и начали совершать грехи. Когда сыр из коровьего молока сушили, его клали в сапетку с пшеницей и там он лежал два – три года и ничего с ним не случалось. А здесь его катали как колесо, кусками твердого сыра играли в ханак (*хьэнакъ* – национальная адыгская игра, где применяются палки, которыми обычно бьют кусок дерева – *А.К.*). «Достигай неба, пастэ!» – говорили они, подбрасывая куски круто сваренного проса в небо. Так они начали играть с едой и совершили большой грех.

А одна пожилая женщина не одобряла этого, укоряла жителей. Однажды вечером к ней пришел посланник Тхэ и сказал: «Сегодня ночью будет большое наводнение. Собаки будут выть, коровы мычать, их будет уносить ураган, будет казаться, что мир рушится. Чтобы ни случилось, что бы ты ни слышала, не открывай дверь и не выглядывай». Он предупредил ее и ушел. Кто знает вышедшего от нее – говорят хороший человек, святой. Долго ли всему случится – собаки начали выть, коровы мычать, люди кричать, мир начал рушиться. Не понимая, что происходит, женщина немного открыла дверь и выглянула одним глазом, но, как рассказывают, она ослепла на этот глаз. «Аллах, Аллах, все так, как он говорил!» – воскликнула она и закрыла дверь.

Долго ли это происходило, но чылэ ушло под землю, и на его месте стала вода. Посередине образовавшегося озера осталось два, три гектара суши, и от него была тропа, которую позже назвали «тропой хорошей женщины». Только по ней можно было проходить к суше посередине озера или выходить оттуда, по ней эта женщина вышла из озера, она потом жила в селе Шэбэнхабль еще много лет...» [17]. Озеро Хумэджий, как и сосед-

ние адыгские селения, были затоплено Кубанским водохранилищем.

На месте нынешнего Абрау-Дюрсо располагалось адыгское село Абраго (*Абрагъу*), который также ушел под воду за непослушание Тхэшхо [18, 244-255]. Предания о селах, ушедших под землю и превратившихся в озера, учат людей творить добро, быть сострадательными, что непременно будет отмечено Всевышним, если нет – жди возмездия, от которого нет спасения. Такова основа адыгского миропонимания, связанная с Тхэшхо.

Мотив неминуемого наказания за грехи широко распространен в нартском эпосе. Практически в каждом сказании встречаются эпизоды бинарного противостояния добра и зла, где последнее всегда наказывается. Так был наказан иныж Шхабго, который ограбил вдову нарта Хымышца Испгуаш. Он знал, что на нартском Хасэ (собрание) было принято решение охранять и заботиться о постаревшей Испгуаш, у которой никого не осталось, погибли и муж, и сын Пэтэрэз. Любой, кто обидит ее, будет непременно наказан, и данный грех будет приравняться к ста грехам. Так и получилось: когда нарты были в походе иныж Шхабго ограбил Испгуаш, за что сын Тлепша поймал его и привел к нартам, а те жестоко покарали злодея. Также был наказан и сын иныжа Шхабго, который, как и отец, постоянно досаждал нартам, особенно детям, когда они играли, кидал в них деревья, тем самым наносил увечья. Нарты Саусэрук и Шэбатынук поймали его, избили и он поклялся, что пока он жив, никогда не подойдет

к нартам [3. Т. 7. С. 105-106]. Мотив неперемогного наказания за грехи и мотив неперемогного наказания за клятвонарушение прослеживается в противостоянии нарта Ерыщэко и одноухого иныжа на длинном черном коне. Иныж нападает на нарта Ерыщэко с войском, но терпит поражение и погибает от руки героя. Перед смертью иныж говорит: «Кому желаешь добра, скажи, чтобы не причинял зла бедным и слабым. Пусть не делает другому то, что самому себе не желает. Мне эти слова говорил старый нарт и заставил поклясться в том, что никогда больше никого не обижу, но нарушил клятву и навлек на себя беду...» [3. Т. 1, с. 280]. «Старый нарт» – это отец Ерыщэко, который также победил иныжа, отрезал одно его ухо и, заставив поклясться, что больше никому не причинит вреда, отпустил.

В сказании «Как сын старика привез сестру нарта Нэджыко» повествуется о том, что сын Емынэжа (мифическое существо, своеобразный дуплет дракона) причинял людям страдания, как и отец. Так он, воспользовавшись тем, что Тлежуко был в отъезде, отправился к его деду, связал его и держал у себя в сарае и кормил, как скотину на привязи. Вернувшийся домой нарт Тлежуко освободил деда, связал сына Емынэжа, прибил его к земле семью цепями так, чтобы тот мог только наклоняться к пище. Перед тем как отпустить сына Емынэжа, нарт ему сказал, что и впредь на его злодеяние неминуемо последует наказание. Так нарт проучил и наказал сына Емынэжа, чтобы он впредь не причинял вред нартам.

Список литературы

1. Кожин П.М. Симпозиум по проблеме «Становление человеческого общества» / П.М. Кожин, Б.А. Фролов // Вестник древней истории. 1968 № 4.
2. Гутов А.М. Народный эпос: традиция и современность. Нальчик: Изд-тво КБГИ, 2009. 228 с.
3. Нартхэр = Нарты: Адыгэ эпос: томиблхурэ текст угъоигъэхэр / зэфэзы хысыжыыхизэхэзгъэу-цуагъэхэр, ублэп1э очеркы мрэ комментариех эмрэзы тхыгъэр А. Хьэдэгъэл1э. Мыекъуапэ, 1968. Т. 1; 1969. Т. 2; 1970. Т. 3; 1970. Т. 4; 1970. Т. 5; 1971. Т. 6; 1971. Т. 7.
4. Нарты. Адыгский героический эпос / сост. А.И. Алиева, А.М. Гутов, А.М. Гадагатль, З.П. Кардангушев; вступ. ст. А.Т. Шортанова. М.: Наука, 1974. 415 с.
5. Ципинов А.А. Мифопоэтическая традиция адыгов. Нальчик: Эль-Фа, 2004. 178 с.
6. Казиева А.М. Образ героя-похитителя во благо в героических эпосах народов Кавказа (или что похищает мифический герой? / А. Казиева, Б. Шевхелишвили // Фольклор и лингвокультурология народов Кавказа: материалы Международного симпозиума. Тбилиси, 2012. С. 174-178.
7. Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. Т. 1: А-К / гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Советская энциклопедия, 1987. 720 с.
8. Хан-Гирей С. Черкесские предания: избранные труды. Нальчик: Эльбрус, 1989. 285 с.
10. Дюмезиль Ж. Легенды о нартах, новые тексты, относящиеся к герою Сосырыко, опубликованные в журнале «Обзор истории религии» [на фр. яз.]. 1942-1943. Т. СХХV. С. 17-18.
11. Дюмезиль Ж. Убыхские сказки и легенды. Париж, 1957.

12. Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. Т. 1: А-К / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1987. 720 с.
14. Элиаде М. Священное и мирское; пер. с фр., предисл. и коммент. Н.К. Гарбовского. М.: Изд-во МГУ, 2000. 144 с.
15. Тхагапсоев Х.Г. Нартский эпос как логос кавказского культурогенеза (экзистенциальная реконструкция) // Истоки региональных культур России. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2000.
16. Дьячков-Тарасов А.Н. Абадзехские былины // Записки Кавказского отдела Императорского Русского Географического Общества (ЗКОИРГО). Тифлис, 1902. Кн. 22. С. 27-34.
17. Наток И. История о Хумаджие // Эхо. Майкоп, 1992. № 2.
18. Нэгъуцу Ю.-С. 1эсат 1ир: адыгэмитхыд // Псалъ. Мыекъуапэ, 2010. Вып. 6-7.

Кук Марьет Гиссовна, канд. искусствоведения

Кук Асфар Сагидович, канд. филол. наук

*Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева
г. Майкоп, Республика Адыгея*

КУЛЬТ КОНЯ И МОТИВ НАЕЗДНИЧЕСТВА В АДЫГСКОЙ МИФОПОЭТИКЕ

Аннотация. *Рассматривается культ коня и мифологема наезднической культуры адыгов. Установлено, что нартские кони играют важную роль для героев эпоса. Показано, что мифопоэтические кони наделены чудесными свойствами: они летают, уходят вглубь моря, передвигаются свободно по поверхности воды, обладают даром человеческой речи. Мотив наездничества неизменно связан с наличием в мифопоэтическом сознании адыгов культа коня.*

Ключевые слова: *мифопоэтическое сознание, культ коня, нартский эпос, нарты, Емынэж, мотив наездничества.*

Мифопоэтические кони адыгов наделены чудесными свойствами: они летают, уходят вглубь моря, передвигаются свободно по поверхности воды, обладают даром человеческой речи. В трудную минуту герои советуются с ними, и они их выручают, а в удачных походах витязей немалая заслуга их верных коней. Так, благодаря смекалке своего коня Тхожий (*Тхъожъый*), нарт Саусэрук смог принести нартам огонь, затем вернуть семена проса, украденные чудовищем Емынэжэм.

В сказании «Саусэрук и Емынэж» нарт Саусэрук отправляется к чудовищу, укравшему у нартов семена проса. Но что бы он ни делал, не мог вернуть семена, каждый раз его настигал Емынэж, таким быстрым был его конь Карэтлекуш (*Къарэлъэкъуиш* – букв: «трехкопытный конь»). Душа чудовища была связана с его конем, который родился в табуне мифической старухи Нэгучицы. Ее волшебные лошади могли прятаться на дне моря, уходит в небеса или вглубь дремучего леса. Саусэрук отправляется к ней, при помощи сокола, волка и рыбы сумел три дня и ночи пасти табун и получил в подарок жеребенка, родившегося в море от кобылицы по имени Тхож (*Тхъожъ*), который позже становится красивым

и могучим конем. «Начиная с этого времени жеребенка, родившегося от Тхожа, начали называть Тхожием...» [б. Т.7, с. 253-268]. Он был братом Карэтлекуша. Тхожий помог Саусэрuku не только забрать семена, но через своего брата Карэтлекуша погубить вечного врага нартов Емынэжа

Тхожий подсказывает, как погубить нарта Тотрэша, с которым предстояло Саусэрuku выехать на поединок. Саусэрук на увешанном колокольчиками коне выскочил из тумана и напугал коня Тотрэша. Тот, разгневанный на своего коня за бегство, калечит его и, оставшись без коня, погибает. Позже Саусэрuki Тхожий тоже погибает потому, что не послушался Тхожия и раскрыл тайну своего уязвимого места – бедра, а у Тхожия – подошвы копыт.

Другим популярным персонажем нартского эпоса является конь нарта Шэуая Чэмыдэж (*Чэмыдэжъ*). Так же, как и Тхожий, он сначала кажется невзрачным. Когда Шэуай подошел к табуну и крикнул: «Эгей, мой будущий конь!», к нему прискакал тощий жеребец и сунул голову в уздечку. Но нарту не понравился его вид и снова позвал будущего коня. Жеребенок еще раз сунул голову в уздечку. Тогда Шэуай понял, что это именно тот,

который будет его конем. Когда Шэуай и Чэмыдэж отправились впервые на скачки нартов, Шэуай не счел нужным сказать коню, куда они едут. Когда они дошли до реки, конь остановился и что бы ни делал Шэуай, пока он не сказал, куда они направляются, не сдвинулся с места.

– Я об этом знаю, – сказал конь, – поэтому и не двигаюсь с места. Если мы на скачки, то вернись, и закажи кузнецу Дабэчу специальные железные подпруги, ими и прикрепи ко мне седло. Иначе, когда я поскачу и прыгну, подпруги лопнут, и ветер тебя снесет с меня. Подпруги, которые сделает Дабэч, закали молоком Сэтэнай или своей матери, а то ветер порвет их...» [6. Т. 5, с. 108].

Примечательно, что обычно в поход Шэуай и Чэмыдэж отправлялись, приняв невзрачный вид, а за селом, когда их никто не видел, преображались. Для характеристики достоинств коня в эпосе используются чаще всего диалог, гипербола и эпитет. Когда Чэмыдэж Шэуая отправлялся в дальний путь, «из его ноздрей валил огонь, который сжигал подорожную траву». Таким был и конь чынта, которого победил Саусэрук. А грива вороного в табуне лошадей иныжей (великанов) волочилась по земле, и она сжигала траву вокруг и растапливала лед.

Нартские кони способны переправляться через море легко, «словно шагают по мосту». Конь нарта Пэтэрэза Дул-дул (иногда его называют еще Кэрапц) относится к алпам (альп) – волшебным коням, способным летать. Во время поединков нартов с иныжами, их доблестные кони тоже сражаются с конями великанов. В некоторых нартских сказаниях прослеживается типичный образ вороного коня, которого обычно нарты никак не могут удержать. Такой вороной стережет обычно табун коней иныжей, иногда другого постоянного соперника нартов Тлегуцжач. Когда нарты угонят табун, Джындыжыф, так часто зовут вороного, вырывается, скачет домой и извещает хозяина о случившемся.

Коням нартского эпоса свойственны чувство мужества, храбрости, преданности, стремление сделать все для достижения цели, но для этого они должны знать намерения своих хозяев, как в случае с Шэуаем. Нарт Псэпыт решает угнать из страны испов табун великолепных лошадей, но его конь не тронулся с места, пока хозяин не попросил его и не сказал, что дома их ждет Адыиф и что «ей надо погнать этих лошадей». Как только это услышал конь, «...он наострил уши вилкой, заржал и устремился вперед, как падающая звезда» [6. Т. 5, с. 181].

Взаимосвязь нартского героя и коня часто выражается в преданности друг другу, взаимовыручке. Когда конь Псэпыта совсем обессилел и уже не мог больше продолжить путь, нарт взвалил его на плечи и понес. Так он миновал пустыню и добрался до цветущей, весенней земли. А молодой нарт Жэмадыу наотрез отказывается резать коня, чтобы накормить голодных нартов. Он говорит, что «конь не овца». Позже его конь находит соль, о которой нарты раньше не знали.

«Конь считался одним из наиболее близких к человеку животным, – отмечают С.Д. Зухба и Т.Н. Чамоков. – Он играл важную роль в быту и выполнял различные функции. В среде абхазского народа до сих пор говорят, что в жилах коня течет человеческая кровь. Поэтому ни в коем случае мясо коня не употреблялось (и, конечно, и поныне не употребляется) в пищу» [117, с. 98].

В адыгской мифологии несколько богов покровителей скотоводства. Один из них Пшишан, который имеет сходные черты с абхазским Ачышашаном (*Ачышьашьан*), покровительствующим лошадям. С особым почтением к нему относились пастухи, которые приносили ему в жертву «молочную кашу, обыкновенно в субботу, – только не во время поста, раз в году – летом... В свадебной поэзии адыгов этот мотив присутствует в качестве благопожелания невесте» [14, с. 120].

Культовое почитание коня превратилось в глубокую привязанность адыгов к этому животному, а коневодство стало излюбленным национальным занятием, имевшим древние традиции. К XIX веку коневодство имело хозяйственное значение и богатство семьи определялось наличием лошадей. Адыги вывели прекрасные породы лошадей: шоолох (*шьэулэхъу*), бэчкан (*бэчкъан*), куденет (*къудайнэт*), абыку (*абыкIу*) и др. Из них шоолох и бэчкан считались самыми лучшими. Копыта шоолоха были особенными, оно представляло почти сросшееся кольцо (стаканчик), что свидетельствовало о высоких качествах данной породы лошадей. Такую лошадь не подковывали, т.к. ее копыта были чрезвычайно крепкими.

Сочинители песен вместе с всадниками «на войну ездили всегда на серых конях, они должны были сочинять стихи или держать речи для воодушевления воинов перед сражением. Становились перед войском, пели или читали свои стихи, в которых упоминали о неустрашимости предков и приводили для примера их доблестные подвиги» [8, с. 54].

Почитание лошадей было и у многих других народов. Важную роль в совершении героических

подвигов богатырей в якутском эпосе «Олонхо» выполняет богатырский конь. Н.А. Оросина, указывая на необыкновенные свойства коня пишет, что «... он обладает волшебными свойствами, является близким другом, соратником и советником героя. Недаром наряду с именем богатыря обязательно упоминается его конь, без него он не способен совершать свои подвиги и достичь поставленных целей [9].

В.Б. Тугов отмечает, что в абазинском фольклоре незаменимым помощником героя является «верный крылатый конь дурдуль, необыкновенно выносливый, резвый, понимающий человеческую речь и говорящий на человеческом языке, обладающий даром провидения и перевоплощения. Порою без коня герой практически беспомощен... В обрисовке героя и коня существует определенный параллелизм: в начале они оба ничем не выделяются среди себе подобных, нередко бывают предметом насмешек, но затем оказываются необыкновенно мужественными и сильными [12].

Наличие прекрасных коней способствовало появлению наезднической культуры у кавказских народов, в том числе и у адыгов. В адыгской мифопоэтике наличествуют два покровителя наездников – Шыузэрэщ (*Шыузэрэщ* – букв. ведущий наездников) и Зекуатх (*Зеклуатх* – бог наездников). Мотив наездничества, связанный с Шыузэрэщем и Зекуатх, является одним из основных компонентов адыгской культуры, базирующейся на элементах физического и духовного воспитания молодого поколения.

«Важное место в нартских сказаниях занимает поход, – отмечает А. Гутов. – Кавказские народы, в том числе и адыгские, на протяжении веков подвергались множеству неприятельских нашествий; несмотря на это, мотивы защиты родины в героических сказаниях не занимают большого места. Лишь в цикле Бадиноко сказание о рождении начинается с нашествия вражеского племени... Отсюда же, очевидно, и истоки мотивов о набегах, которые устраивались не только на дальние, неродственные племена. Основное содержание героических сюжетов (борьба и победа), как правило, находит свое решение в сцене сражения, которая является одной из форм конкретного выражения центрального сюжетобразующего мотива» [3, с. 59].

Адыги себя считают потомками легендарных нартов – отважных и храбрых рыцарей, чьи образы восходят к архетипам воинов-героев, проводивших жизнь в походах и набегах, в постоянном противостоянии с врагами. Нарты проводили жизнь в состязаниях, поединках, в стремлении

стать лучше, выше других, что нашло яркое отражение в нартских сказаниях. Саусэрук, Шэбатынук, Хымышц, его сын Пэтэрэз, Шэуай, Ащэмэз и другие нарты были искусными наездниками, доблестными воинами, любившими единоборства.

Главным критерием воспитания нартов, а затем их потомков адыгов, считалась подготовка мужественных, сильных телом и духом мужчин, способных безмолвно переносить любые испытания. Это называлось «испытание» (*шэтанкэ*) – испытание и радостью, и горем. Молодежь, воспитанная в традиционных гостиных (*хьакIэщ*), где она слышала рассказы и песни о подвигах нартов, народных героев, о преданности и любви к Отчизне, стремилась быть похожей на них.

Мурат Яган, представитель кавказской диаспоры в Турции, выходец из княжеского сословия, в своих воспоминаниях рассказывает, как в частности черкесы, учили его быть сильным и телом, и духом, и он обучался военному искусству: «Два с половиной месяца я провел в кабардинском поселке в Анатолии, – писал он. – Тамошние жители с давних времен отличаются благородством манер и в совершенстве владеют искусством верховой езды; в конце семнадцатого века они были учителями казаков, поселенных в районе Дона и Днепра русским царем Петром Великим. Кабардинцы обучали их ездить верхом и биться на саблях. Я тоже прошел у них курс обучения верховой езде и сабельному бою» [18].

Для молодых и сильных мужчин полем «битвы» становились спортивные игры, состязания на празднествах. Надо отметить, что верховая езда, являвшаяся основой наезднической культуры, занимала особое место в народной системе физического воспитания адыгов, и поэтому они имели большое количество конно-спортивных игр, которые сопровождали народные гуляния, значительные семейные праздники.

Обучение верховой езде начиналось с детства, и оно проходило в несколько этапов. «Сначала они упражнялись на вкопанном в землю столбе, наверху которого было утолщение с двумя выступами – сучьями, напоминавшее седло и две луки, – писал исследователь физической культуры и военной подготовки адыгов Г.Я. Гонежук. – Этот искусственный конь был в два человеческих роста, гладко обтесан и очень скользкий. Молодые джигиты должны были взбираться или слезать, не касаясь его туловищем, а лишь при помощи рук и ног. Кроме того, они должны были каждое утро бороться, расшатывая его. После соответствующей подготовки учили ездить на обьезженной лошади без вооружения, без седла, а затем в седле

и в полном вооружении. Главным упражнением для последующего обучения и тренировки были прыжки на лошадь и с лошади, перепрыгивание с одной лошади на другую, доставание с земли различных предметов. Обучали на полном скаку попадать в подвижные цели, прыгать через овраги, рытвины, ямы, бугры, поваленные деревья и другие преграды» [4, с. 55].

Черкесские всадники достигали высокого мастерства джигитовки, они умудрялись проехать по лабиринту, подбираться бесшумно к цели, на всем скаку останавливать коня перед обрывом. Обладали способностью не только быстро бегать, показывать отменную джигитовку, но они демонстрировали изысканную наездническую культуру, высшую школу верховой езды: Шыгэудж (*Шыгэудж* – заставляя коня плясать). Шыгэудж не простой, а «плясать» сакральный танец удж, круговой танец, посвященный Солнцу. Шыгэудж проходил под игру гармониста, который располагался на краю ровной просторной площадки, окруженной зрителями. Исполнялся наигрыш Шыгэудж и, сменяя друг друга, в круг выходили всадники и показывали свое мастерство – искусство коня «плясать» удж.

Надо отметить, что наездничество сформировалось у черкесов в самостоятельный институт со своей обрядовой системой и со своим этикетом. Быть под покровительством Шыузэреща для нартов означало быть достойным всадником, героем «не поворачивающим назад голову своего коня»:

... Шли на хасенартов речи
 О геройской сече грозной,
 О путях непроходимых,
 О конях неутомимых,
 О набегах знаменитых,
 О джигитах непоборных,
 Об убитых великанах,
 О туманах в высях горных,
 О свирепых ураганах
 В океанах беспредельных,
 О смертельных метких стрелах,
 О могучих, смелых людях,
 Что за подвиг величавый

Песню славы заслужили [7, с. 39-40].

С детства мальчиков учили сложной науке наездничества, которое требовало отменного здоровья, силы духа, характера, умения ориентироваться в пространстве по звездам, погоде. Умение и мастерство в верховой езде и культуре наездничества шлифовалось участием в народных играх, телесными упражнениями, и естественно, духовным воспитанием. Юноша, считавший себя готовым к испытаниям в пути, подвергался трудному

практическому испытанию: он уходил вместе с другими в зeko (*зекло* – наезднический поход), который предполагал длинный и долгий путь, полный опасностей и неожиданностей, чаще всего за пределами своей земли.

Всадник, физически совершенный и сильный, способный обеспечить в семье достаток, при необходимости с оружием в руках защищал свою землю. Он владел виртуозно конем и оружием, был готов к любым испытаниям в пути, даже смертельным. К сожалению, не все возвращались из похода живыми, они уходили, но не бесследно: их имена оставались в наезднических песнях. Когда песня доходила до самых известных предводителей, они снимали шапки (а черкесы практически не снимают головные уборы, даже за едой), и наклонялись к гриве коня.

Как указывал Н.Ф. Дубровин, «в жизни черкеса нельзя указать ни одного момента, чтобы он сидел смирно... Все существование черкеса сложилось так, что без хищничества не было для него жизни, не было удовольствий в настоящем, не было блаженства и в будущем мире. Выводив хорошего коня, выдержав его несколько часов без корма и призвав на помощь Зейкута (Зекуатха – *А.К.*) – божество, по понятию народа, покровительствующее наездникам – черкес отправляется на хищничество или один, чаще же в компании, состоявшей из нескольких человек...» [5, с. 92-93].

Далее автор описывает противостояние черкесов, уходящих в набег к казакам в Кубанской равнине и линейных казаков. Река Уруп и ее притоки, перерезанные глубокими рытвинами, оврагами и балками, служили удобным местом для укрыательства черкесов и казаков. Здесь уместно сообщить, что черкесские наездники при встрече с казаками часто вызывали их на поединок. Мотив вызова противника на поединок, и как следствие, пути разрешения возникающих противоречий между персонажами, относятся к важным структурообразующим элементам конфликтных ситуаций. Как верно отмечает А. Ципинов, в повествовательной ткани текстов вызовы противника на поединок «часто предстают в виде развернутых схем-ситуаций... Эпизоды, связанные с вызовом противника, затрагивают и поведенческий аспект персонажей, вскрывая один из существенных элементов образостроения» [15; 8; 4].

Перед набегами предводители всадников «прибегали» к магии предсказания и стремились предугадать исход похода. Обычно предводитель, обладавший способностью предсказывать будущее на блэбгу (*блэбгу*- бараньей лопатке) или

альчике (*к/эн*), после сытной еды начинал гадать. Он смотрел на лопатку и по тому рисунку, что он видел там, решал, будет поход или нет. Если подброшенный вверх альчик падал гладкой поверхностью вниз, то это было хорошее предзнаменование, и набег тотчас же предпринимался. Если альчик падал поверхностью кверху, то это предвещало неблагоприятный исход предприятию, и тогда набег откладывался.

Перед походом они приходили и к святым деревьям, исполняли вокруг них круговой танец, просили покровительства, затем устраивали пир. Вернувшись, они также возвращались к ним, приносили им в жертву коров, баранов, вешали на святые деревья мечи, кольчуги, шлемы, позже разноцветные тряпки. Приношения сопровождалась просьбами к божествам об удаче перед весенними походами, благодарностью за удачные свершения, молитвами о выздоровлении больных.

У черкесов маленькие междоусобные войны и столкновения племен между собою часто кончались поединком представителей обеих враждующих сторон. Но поединки происходили и по другим мотивам. «Единоборство было в большой моде и до такой степени усвоено народом, что черкесские наездники, получившие известность и славу, искали себе достойных соперников, при встрече с которыми находили предлог к ссоре и непременно вступали в единоборство, чтобы порешить вопрос: который из двух наездников должен пользоваться громкою славою и известностью. Предлог к состязанию бывал почти всегда самый ничтожный, например, кто для кого должен посторониться при проезде по горной тропе... Поединок всегда вызывал, по выражению черкесов, неминуемую смерть одного из противников, потому что победитель, во всяком случае, мог поступить с побежденным как с убитым, т.е. снять с него оружие, и обобрать до нитки. Подобное обстоятельство было для побежденного соединено с таким бесчестием, что он предпочитал верную смерть бесчестной жизни...» [5, с. 11].

Была еще одна немаловажная деталь в подготовке к набегу: походная одежда. «Весь костюм черкеса и его вооружение приспособлены были как нельзя лучше к наездничеству и к конной драке, – пишется в воспоминаниях кавказского офицера. Несмотря на то, что черкес был с ног до головы обвешан оружием, оно пригонялось так, что одно оружие не мешало другому, ничто на нем не брнчалось, не болталось, а это было весьма важно во время ночных набегов и засад.... Хорошо вы-

держанный конь его был отлично выезжен и повинивался уздечке в совершенстве, он не боялся ни огня, ни воды... Седло черкеса было легко и покойно, не портило лошади даже и тогда, когда по целым неделям оставалось на спине... за седлом висели небольшой запас продовольствия и тренога, без которой ни один наездник не выезжал из дому...» [1, с. 25].

Храбрые и решительные молодые наездники, удачно вернувшиеся из походов, получали свою долю, чаще всего не в форме материального благополучия, а в уважении и признании общества. Как повествуют фольклорные материалы, собранные нами среди адыгской диаспоры Иордании, «русский царь, услышав о черкесских наездниках, умудрившихся выкрасть из крепости дочь генерала Засса, пригласил их. Поехал один Хырцызыко Алэ (из рода Джэнчат), который продемонстрировал прекрасную джигитовку. Царь решил купить у него его коня, но черкес отказался.

– Я воспитал своего коня послушным мне, чтобы и в радости, и в трудностях, пока я жив, он был со мной, понимал меня, – ответил он. – Ни продать, ни подарить его не могу. Коня, ружье и жену не продают и не дарят. Это не в наших традициях.

Ночь прошла, а на следующий день царь обратился к нему:

– Хырцыз Алэ, у тебя есть свои друзья, расскажешь им про наш разговор, – попросил он. – Сколько вам нужно для жизни, я беру на себя, только вы перестаньте свои набеги, сделайте это ради меня и живите по-другому.

– С того времени, как мать меня родила, и я научился жить среди людей, я был вовлечен в походы и набеги, это стало делом моей жизни и не смогу его оставить, – ответил царю Хырцызыко Алэ. – Пока роковая пуля не достигнет меня, я буду жить своей жизнью, пока не умру, я буду ходить в набеги, так что, дело твое, дарить мне что-нибудь или не дарить, я об этом не спрашиваю, мне этого не нужно...» [11].

О черкесских наездниках написано немало, но история одной партии черкесов, отправившихся в набег за Дон, показывает, насколько это были рискованные для жизни походы, равные борьбе жизни и смерти. Иногда не сам поход, а возвращение домой с добычей представляло опасность. Но всадники выбирали храбрость и отвагу, пренебрежение смерти, лишь бы их имя оставалось в устах народа. В этом был отчасти и феномен адыгского наездничества. Для полного описания наездничества и связанных с ним опасностей,

более подробно остановимся на материале адыгского просветителя XIX века Хан-Гирея. Тем более, что он застал героев этого трагического похода.

«Необозримая степь между Кубанью и Доном... была опасной пустыней, – писал он. – Там не только не было дорог, но путник даже не находил тропинок, и в те времена наездники, прославившиеся отдаленными набегами, проезжали безграничную степь с отважностью, вполне достойною головорезов... Ночью руководителем были: Полярная звезда – Темир казек (*Темыркъэзэкъ* – букв. Северный казак – А.К.) и Млечный путь, называемый путем прогона табунов (*Шыфыльгагъу* – А.К.), днем, в ненастье, осеннею порой: направление трав, ветров, постоянно дующих в ту пору года, курганы, на южной стороне которых скорее тает снег, сохнет трава, и многие другие подобные приметы. Прославленные вожаки скрывали от толпы известные им признаки, и народ многих из них почитал людьми, имеющими связь с белыми и черными духами.

Однако же случалось, что и черные и белые духи не помогали, и отважные удалцы гибли в необозримой пустыне в самых ужасных страданиях. Один подобный случай ознаменовал последнее время наездничества. Партия хищников, предпринявших отважный наезд в позднюю осеннюю пору, долго рыскала по бесконечной степи между Кубанью и Доном. Наконец, захватив табун лошадей у донцов, возвращалась на родину... Вдруг настали сильные морозы, и наездники, одетые по обыкновению весьма легко, подверглись жестокому мукам...»

Далее автор описывает, как партия в минуты своей трагедии мужественно переносила лишения, но, когда поняли, что не спастись, решили увековечить свое имя в трагической песне. «Пока у черкесов были седла, они могли еще хоть раз в сутки согреть себя огнем от сжигаемых арчаков, – пишет Хан-Гирей. – Но, когда и это спасительное средство исчезло, когда мороз и метель увеличились и уже не одного товарища недосчитывались, или замерзшего, или бежавшего, в надежде на свою лошадь и теплую одежду, вопреки чести и общему мнению, повелевающему уступить последнее более нуждающемуся, – тогда остальные, числом до сорока, спешась, составили круг, взявшись за руки, стали плясать, как обыкновенно пляшут на свадебных пиршествах.

Черкесы имеют множество плясовых песен, но при этой трагической пляске погибающие наездники стали петь не из числа старых, известных этого рода песен, а новую, сложенную ими

в предсмертный час! В этой песне, которая начинается обращением к ветру и снегу – стихиям, угрожавшим им гибелью, изложены их страдания, бедствия, твердость и слабость товарищей, и в словах, сквозь завесу скромности, пробивается честолюбивое желание – передать имена свои потомству! Некоторые даже намекают на любовь свою и ее предметы, и в какое время!

Многие из певцов не дожили даже до конца слагаемой песни. Однако ж эта песня, показывающая характеристические черты черкесов, не погибла в пустыне, в завывании вьюги – семь человек спаслись и возвратились на родину, возвестили о гибели прочих и передали потомству песнь о страдальческой кончине своих товарищей.

Один из них Шебане-лаше (*Щэбэнэляш* – хромой Щэбан – А.К.) дожил до наших дней. Я хорошо помню этого высокого, худощавого старца. Мы, дети, бывало, украдкой смотрим на глубокие морщины его чела и потом, с каким-то неизъяснимым чувством, поем песню страдальческой смерти наездников, несмотря на то, что и старшему из нас было не более шести лет. Не знаю, чем мы были, если б нам суждено было расти на Родине, но помню, что вид этого старца, рассказы и песни о гибели его товарищей – воспламеняли ребяческое наше воображение искрами сильной страсти к промыслу разбойничества, потому что наездничество прежних черкесов в наше время превратилось в разбойничество. А между этими видами огромная нравственная разница. Наездничество покраснело бы от мысли уворовать у соседа лошадь, изменить своему слову, его цель была – слава, отвага; а теперешнее разбойничество, как развратница, не знает и тени стыда; его цель – корысть...» [13, с. 464-465].

В заключение нужно отметить, что мотивы преклонения перед Шыузэрэщэм, как предводителем путешественников, покровителем изобилия и благоденствия, свидетельствуют о большом почитании Шыузэрэща древними адыгами – вечными наездниками и воинами – защитниками нартской земли.

Также нужно сказать и о другом покровителе наездничества и всадников Зекуатх (*ЗекУатхъ*) – «походный бог». Самостоятельных мифов или преданий о нем не сохранилось, но как справедливо отмечает А.Т. Шортанов, «известно, что в его честь произносились дифирамбические хохи перед выступлением в поход: имя его упоминается также во время «первой посадки на лошадь младенца (3-5 лет)» [13, с. 146].

Считалось, что Зекуатх сопровождает наездников во время их походов и по возвращении

домой во время дележки *к/эн* в святилищах, у священных деревьев, святых рощ ему оставляли долю. Зекуатх не был обозначен идолом или определенным образом, представления о нем чаще всего формировались по рассказам сказителей. И сегодня у адыгов бытует традиционное благопожелание отправляющегося в путь челове-

ка: «Гъогумаф, Зекуатхь эруигъус!» (Счастливой дороги, с тобой Зекуатх!).

Предки адыгов не оставили памятников дворцовой культуры, но они создали нарт Хабзэ, который стал основой адыгэ Хабзэ (адыгский этикет, свод поведения), институт наезднической культуры, начиная с нартских времен.

Список литературы

1. Бларамберг И.Ф. Историческое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях Европейских авторов XIII-XIX в.в. / сост., ред. пер., введение и вступ. ст. к текстам В.К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 353-435.
2. Гергов Х.Х. Адыги (черкесы) чемпионы Европы, мира, Олимпийских игр / Х.Х. Гергов. Нальчик, 1998. 261 с.
3. Гутов А.М. Поэтика и типология адыгского нартского эпоса. М.: Наука, 1993. 234 с.
4. Гонежук Г.Я. Из истории физической культуры и военной подготовки адыгов в прошлом // Культура и быт адыгов. Майкоп, 1978.
5. Дубровин Н.Ф. Черкесы (Адыге) // Материалы для истории Черкесского народа. Издание общества изучения Адыгейской автономной области. Краснодар, 1927. Вып. 12.
6. Нартхэр = Нарты: Адыгэ эпос: томиблхурэ текст угъоигъэхэр / зэфэзыхь ысыжкыхизэхэгъэу-цагъэхэр, ублэп1э очеркы мрэ комментариехэмрэзы тхыгъэр А. Хьэдэгъэл1э. – Мыекьуапэ, 1968. – Т. 1; 1969. – Т. 2; 1970. – Т. 3; 1970. – Т. 4; 1970. – Т. 5; 1971. – Т. 6; 1971. Т. 7.
7. Нарты. Адыгский героический эпос / сост., коммент., общ. ред. А. М. Гугова; ил. Х.В. Савкуева. СПб.: Вита Нова, 2017. 632 с.
8. Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. Нальчик: Эльбрус, 1982. 232 с.
9. Оросина Н.А. Таттинская локальная традиция якутского эпоса «Олонхо»: формы бытования, основные образы и мотивы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Якутск, 2015. 24 с.
10. ПМА (полевой материал автора). Тэш Исмаил. 1890 г.р., Кфар-кама, Израиль, 05. 01. 1991 г.
11. ПМА. Мэджаджэко (Шапсыг) Индрыс, 1922 г.р. Уадсир, Иордания, 02.04.1993.
12. Тугов В.Б. Фольклор и литература абазин: динамика взаимодействия: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Майкоп, 2003. 47 с.
13. Хан-Гирей С. Избранные труды и документы; сост., подготовка текстов, науч. ред., коммент. М.Н. Губжокова. Майкоп: Полиграф-Юг, 2009. 672 с.
14. Хакунова Э.Х. Мотив величания невесты в свадебной поэзии адыгов // Вестник Адыгейского государственного университета (АГУ). Серия Филология и искусствоведение, 2008. Вып. 2. С.120-123.
15. Ципинов А.А. Мифопоэтическая традиция адыгов. Нальчик: Эль-Фа, 2004. 178 с.
16. Шортанов А.Т. Адыгская мифология. Нальчик: Эльбрус, 1982. 194 с.
17. Чамоков Т.Н. Божество коня в мифологии абхазов и адыгов // Вестник Адыгейского государственного университета (АГУ). Серия Филология и искусствоведение, 2012. Вып. 2. С. 98-101.
18. Яган М.Я пришел из-за гор Кавказа: духовная автобиография Мурата Ягана [Электронный ресурс] // Абхазская интернет-библиотека. Режим доступа: http://apsnyteka.org/92-yagan_ya_prishel_iz-za_gor_kavkaza.html

Льянова Аза Магомедовна, доцент кафедры немецкого языка
Ингушский государственный университет
 г. Магас, Республика Ингушетия

ZIELE DES ÜBERSETZUNGSPROZESSES DER WERBETEXTE

Heute fangen die Menschen an mehr zu reisen, sich für die Dienstleistungen und die Waren der Importproduktion zu interessieren. Das Problem der adäquaten Übersetzung der Werbetexte kostet genug scharf wie für die Touristen im Ausland, so auch für die einfachen Konsumenten, die sich für die Waren und für die Dienstleistungen interessieren. Wir haben Werbeslogans der bekannten Waren und der Dienstleistungen durchstudiert. In diesem Artikel werden wir auf einige Werbungen mit englischen Slogans Einkommen, die schon ins Deutsche übertragen worden sind.

Das Unternehmen Douglas ist eine deutsche Parfümeriekette, die Parfümerien in USA und auch in Europa hat. Im Jahre 2004 wurde der Slogan Douglas' von „Douglas – come in and find out“ zu „Douglas macht das Leben schöner“ umgeformt. Mit ihrem gegenwärtigen Slogan „Douglas macht das Leben schöner“ in Deutschland und Österreich hat «Douglas» sich entschieden an deutsche Auditorium zu wenden. Da Douglas auch Außenstellen in vielen Ländern hat, lautet der selbe Slogan in die Niederlande geradeso: „Douglas makes life beautiful“, wo das Unternehmen den Slogan direkt übersetzt hat. Den alten Slogan wurde von manchen Verbraucher so übersetzt „Kommen Sie rein und finden Sie wieder raus“, was die gesamthafte Meinung des Slogans „Come in and find out“ ändert. Die Ursache des Existenz des englischen Werbespruchs «Douglas» konnte man durch die Internationalität des Unternehmens erklären, weil «Douglas» sich auch an das Ausland wendet. Der Slogan von Douglas weckt mit Hilfe des deutschen Werbeschlagwörtern Aufmerksamkeit, denn man wird neugierig und möchte wissen, was sich hinter «Douglas macht das Leben schöner» steckt. Dieser Slogan wurde gewählt, um einen gemeinsamen Nenner für die Waren zu haben. Und zwar dieser Werbespruch wird als eine Visitenkarte des Unternehmens und der Produkte gebraucht. Es wird zugesichert, dass «Douglas» das Leben angenehmer und schöner macht und man sollte davon bewusst sein, dass das Douglasprodukt es erneuert. Noch einige Gründe an den Slogan zu erinnern, erstens ist es ein Unterscheidungsmerkmal des Unternehmens, also er bleibt lange im Gedächtnis. Zweitens zusichert Qualität der Produkte, was gut ist. Gebrauch des Komparativs im Slogan „Douglas macht das Leben schöner“ bedeutet, dass «Douglas»

zeigt, dass es gegenüber Konkurrenten besser ist. Die Kürze und Einfachheit des Slogans löst viele Auskünfte und Gefühle aus, was auch das Ziel von «Douglas» ist.

Die deutsche Fluggesellschaft «Lufthansa» gebraucht für ihre Werbung einen englischen Slogan: „There's no better way to fly“ «Lufthansa» ist eine Luftverkehrsgesellschaft, die an allen Zielgruppen weltweit wenden muss, so dass die vielen Verreisenden den Slogan begreifen. Mit dem Werbespruch verheißt die Kompanie eigentlich, dass man die beste Fahrt mit ihr bekommt. Man könnte den Slogan zu „Es gibt keine bessere Art zu fliegen“ andeuten. Lufthansa fesselt mit dem englischen Slogan „There's no better way to fly“ die Aufmerksamkeit, weil er Englisch ist – auch in Deutschland. Mit «Lufthansa» soll man sich ganz zuversichtlich fühlen. Unabhängig davon wo die Reise hingehet, ist «Lufthansa» die Antwort. Hier wird Komparativ „better“ ausgenutzt, um zu weisen, dass die Luftverkehrsgesellschaft weltmarktfähig ist.

„C&A“ ist ein Modeunternehmen, das in Deutschland entstanden worden ist und Kleidung für Erwachsene und Kleine, Männer und Frauen macht und zu ganz Europa exportiert. Seit 2004 hat die Firma Werbeslogan „Preise gut, alles gut“, wo sie ehemals den englischen Werbespruch „Fashion for living“ gebraucht hat. In dem Nachbarland Deutschlands Österreich wird der englische Slogan „Fashion for living“ von C&A ausgenutzt und nicht wie in Deutschland übersetzt worden. Dieser Fall ist interessant, weil die Österreichs Muttersprache Deutsch ist und man könnte dann glauben, dass der Slogan auch ins Deutsche übersetzt werden sollte. Der Slogan von dem deutschen Modeunternehmen, C&A, „Preise gut, alles gut« bleibt im Gedächtnis, weil die zwei selben Wörter („gut“) vorhanden sind. Die Preise sind gut und die meisten Familien können sich die Produkte von C&A leisten. Obwohl die Preise gut sind, heißt es nicht, dass die Kleidungen auch gut sind. Nein, der Slogan sagt, wenn die Preise gut sind, ist alles gut. Hier wird gemeint, dass die Kleidungen gute Qualität haben und nicht teuer sind. Es könnte bedeuten, dass C&A sich an den Kunden wenden, die nicht viel für Kleidung bezahlen möchten, aber sich Qualität der Produkte wünschen. Das Werbeschlagwort, das ins Deutsche vom Englischen übersetzt worden ist, hat eine ganz neue Bedeutung bekommen, denn der englische Slogan „Fashion

for living“ könnte man zu „Mode für das Leben“ definieren. Das ist nicht das Gleiche wie „Preise gut, alles gut“, aber das wesentlichste ist jedoch, dass die Bedürfnisse der Kunden zufriedengestellt werden und mit dem deutschen Slogan, ist dies der Fall. Mit „Fashion for living“ wird nichts von den Preisen der Waren angegeben, sondern die Mode. Mit „alles gut“ meint C&A nicht nur die Mode sondern die Kleidung daher, die gut ist.

Mit demselben Ziel wird die Werbung in Inguschetien auf Russisch verwandelt. z.B. Übersetzung des Werbetextes» der Mobile-Companie Beeline» aus Russischem: „Билайн-сийрача оа-г1орахъа ваха“ – Beeline-lebe auf der hellen Seite.

Ein Hauptziel der Sprache der Werbung ist die Möglichkeit, den Eindruck über den Text zu erzeugen. Gerade die Bildhaftigkeit ist eine Grundlage der Werbung. Wenn wir den Slogan für die Werbung der Schokolade «Bounty» nehmen «вкусная» wäre wörtlich – «der Geschmack des Paradieses », oder zum Beispiel« der Paradiesische Geschmack». Diese Varianten sind nicht so hell wie «der Paradiesische Genuss». Die Übersetzer haben das emotionale und ausdrucksvolle Wort “den Genuss”, anstelle allgemeingebäuchlich» den Geschmack «erfolgreich ausgewählt.

Meistens wird beim Übersetzen der Werbungen, insbesondere Slogans, die freie Übersetzung oder die Anpassung verwendet, da es wichtig ist, die nationalen und kulturellen Besonderheiten des Hörers zu berücksichtigen. Das Beispiel der Anpassung in der Werbung:

Der Slogan des Bieres Carlsberg tönt auf Russisch so: «Carlsberg – возможно лучшее пиво в мире»: «Carlsberg – ist wohl, das beste Bier in der Welt».

In einigen Fällen wird der Slogan ohne Übersetzung auf der Sprache des Originals wiedergegeben. Es ist notwendig das Ausländische in die Herkunft zu betonen, zum Beispiel: «Volkswagen. Das Auto» – «Volkswagen.Машина».

Oft wird in den Werbeslogans der Reim verwendet, und es kommt ziemlich schwer für die Übersetzung auch in der Versform wiederzugeben. Jedoch kann man die Beispiele solcher erfolgreichen Übersetzung immerhin bringen: «Gillette. Лучшее для мужчины нет» – «Gillette. Besser gibt es nicht für den Mann».

Die wörtliche Übersetzung der Slogans wird selten verwendet, aber immerhin gibt es erfolgreiche Beispiele: Der Slogan M&M’s “Таёт во рту, а не в руках» tönt auch bei uns: «Taut im Mund, und nicht in den Händen».

Noch einige Beispiele: Kit Kat: «Естьперерыв ... есть Kit Kat» – «Gibt es die Pause ... Es gibt

Kit Kat»; LG: «жизнь хороша » – «das Leben ist gut».

Ebenso treffen sich die Slogans, die nicht übersetzt werden. Der Werbeslogan Sprite im Original tönt «Obey your thirst», das ist kompliziert, buchstäblich zu übersetzen, deshalb ist uns solche Variante bekannt: «Sprite-gestatte sich nicht zu vertrocknen». «Sprite – Не дай себе засохнуть».

Die Übersetzung der Werbung des Waschpulvers Persil «Einmal Persil – immer Persil» kann man nicht ganz erfolgreich nennen, da die originale Bedeutung ganz verloren ist: «Persil WashesWhiter».

Die negativen Beispiele:

1. Der amerikanische Produzent des Bieres “Coors” hat die Losung «turn it” – “fühle dich frei” – auf Spanische übersetzt. Wegen der buchstäblichen Übersetzung wurde der nicht appetitliche Wunsch erhalten – “Leide am Durchfall!”.

2. Die amerikanische Firma «Clairol» wusste den Deutschen nicht. Sie hat auf den deutschen Markt die Zangen «Mist Stick” für die Haare ausgegeben. Die Übersetzung bedeutet «das Stäbchen um der Fähre». Und erst dann haben sie erkannt, dass “Mist” die Bedeutung wie «der Mist» übersetzt wird. Es ist klar, dass nicht alle Frauen Produktion unter dem Titel «Miststäbchen” kauften.

3. Die Gesellschaft «Gerber», hat begonnen, eine Kinderernährung in Afrika zu verkaufen, stellte auf dem Etikett das Originallogo – das lächelnde Kleinkind auf. Es war schon spät, als sie erkannt haben, dass es da der große Teil der afrikanischen Bevölkerung englisch nicht versteht. Auf allen Etiketten der Lebensmittel stand englisch.

4. Und die Gesellschaft «Pepsi» hat sich wörtlich entschieden, auf das Chinesische das Hauptwerbemotto zu übersetzen: “Lebe mit der Generation.Pepsi” (Живи здесь и сейчас. Pepsi), (Come Alive with the Pepsi Generation) die Chinesen hatten Schock. Dieser Slogan wird in China so übersetzt “Pepsi wird Ihre Vorfahren zwingen, aus den Gräbern hinaufzusteigen”.

5. Die Gesellschaft “General Motors”, der Riese der amerikanischen Autoindustrie, ist in die dumme Situation geraten, als aus Russland das neue Auto “Chevrolet No va” zu Lateinamerika exportierte, hat es sich herausgestellt, dass “Nova “auf Spanisch «kann sich nicht bewegen» bedeutet.

6. Die Fluggesellschaft “American Airlines” hat die Ledersessel in den Flugzeugen festgestellt, und wollte darüber den mexikanischen Konsumenten mitteilen. Auf der englischen Sprache tönte der Werbeauftrag sehr gut: Fly in Leather – “Fliege in der Haut!”, aber auf dem Spanischen wurde er etwa so gelesen: “Fliege nackt!»

Ein Hauptziel der Übersetzung ist die Errungenschaft der Angemessenheit. Die Hauptaufgabe des Übersetzers ist die Übergabe der ganzen Information, die im Text des Originals geschlossen ist. Damit der Text der Übersetzung wie möglich genauer wird, muss man verschiedene Übersetzungstransformationen erzeugen.

Literaturverzeichnis

1. Kirillow A.T., Maslow E. I. Die Werbung im Tourismus. – SPb., 2002. – 20.
2. I.L.Wikentjewa. Die Aufnahmen der Werbung. Die tris-Chance, 2005 – 227.
3. Imschinezki I. Die Kreativität in der Werbung.// - M – die rip-Holdinggesellschaft. – 2004.
4. Latyschew L.K. Der Kurs der Übersetzung: die Äquivalenz der Übersetzung und die Weisen ihrer Errungenschaft. – M: die internationalen Beziehungen, 2006 – 248с.
5. Komissarow W.N. Die Sprachwissenschaft der Übersetzung. M, 2009.c.59-100.

Elektronische ressourcen

6. Around the world in 105 tourism slogans. Das Regime des Zuganges: <http://www.youtube.com/watch>.

Магомедов Даниял Магомедович, научный сотрудник
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН
г. Махачкала, Республика Дагестан

ОСОБЕННОСТИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ МЕСТОИМЕНИЙ В АВАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы словообразования местоимений в аварском языке. Исследуются такие способы словообразования, как суффиксация и словосложение. Предлагается характеристика типов словообразования существительных и типов строения простых и сложных гнезд.

Ключевые слова: словообразование, число, местоимение, семантика, суффикс, морфология.

По своим грамматическим функциям местоимение в разных языках мира сближается с именными частями речи. Например, в аварском языке все разряды местоимений (личные, указательные, вопросительные, неопределенные и др.) употребляются в тех же функциях, что и имена существительные. Местоимения могут употребляться в функции подлежащего, например: *Инсуца цIалулеб буго тIехь.* «Отец читает книгу».

Некоторые исследователи относят к местоимениям слова, относящиеся к разряду заместителей имен существительных. При таком подходе к местоимениям не относятся такие разряды, как определительные, неопределенные, указательные.

Ведущим критерием выделения местоимений как самостоятельной части речи является семантическое значение. Для местоимения характерно как отсутствие постоянной предметной отнесенности, так и высокая степень обобщенности. По такому принципу определяется местоимение, например, в русском

языке: «К разряду местоимений относятся такие слова, которые указывают на предметы и на их признаки, но не называют их и не определяют их содержания» [3, с. 387].

В аварском языке в основу определения местоимений может быть положен семантический критерий, так как местоимение отличается от имени по семантике.

Как правило, семантическая структура местоимений может включать ряд дополнительных смыслов: «Кроме собственно местоименного компонента в значение местоимения входят другие смысловые компоненты – обычно абстрактного типа (тематические компоненты), например, «одушевленность», «мужской пол» «предметность» и др.» [5, с. 294]. В семантической структуре местоимений указанные компоненты могут варьироваться как в разных местоимениях, так и в различных языках. Некоторые из них могут вообще не иметь тематического компонента.

В аварском языке выделяются следующие семантические группы местоимений: лично-возвратные, личные, вопросительные,

определительные, отрицательные, указательные.

В роли личных местоимений третьего лица ед. и мн. числа в аварском языке могут использоваться указательные местоимения: *гъев* «тот» (рядом сослушающим), *дов* «он, тот» (на далеком расстоянии), *дол* (мн. число) «те, они», *гъав (-й, -б)* «этот» (рядом с говорящим). Отличительной особенностью личных местоимений 1 и 2 лица является то, что они не имеют в своем составе показателей грамматических классов. При согласовании глагола с личными местоимениями грамматический класс субъекта действия зависит от реального пола лица, на которое указывает местоимение, например: *Васвекерана* (I гр. кл.) «мальчик побежал». *Ясийекерана* (II гр. кл.) «девочка побежала». *Чу бекерана* (III гр. кл.) «лошадь побежала». *Лъимал рекерана* (мн. ч.) «дети побежали».

Личные местоимения склоняются так же, как и имена существительные. В косвенных падежах ед. и мн. числа личные местоимения имеют основу, которая отличается от основы именительного падежа ед. числа: *мун* (им.п., ед. ч.) при формах косвенных падежей *ду-р* «твой», *ду-е* «тебе», *ду-ца* «тобой»; *ниж* (им. п., мн. ч.) при формах косвенных падежей *ниж-е-р* «наш», *ниж-е-е* «нам», *ниж-е-ца* «нами» и т. д.

При образовании местных падежей от личных местоимений к косвенной основе прибавляются сериальные показатели *-д, -хъ, -лъ, -къ*, например: *дида* (лок. I), *дихъ* (лок. II), *дилъ* (лок. III), *дикъ* (лок. IV) (отдун «я») и суффиксы местных падежей *-а, -е, -са, -н*: *досда* (локатив), *досде* (аллатив), *досдаса* (элатив), *досдасан* (транслатив) (от *дов* «он») и т. д.

При образовании лично-возвратных местоимений множественного числа с помощью показателя *-л* изменяется основа именительного падежа, например: *жив* «сам» – *жал* «сами». Местоимение *жив* «сам» в аварском языке используется лишь по отношению к третьему лицу.

При образовании форм местных падежей от лично-возвратного местоимения *жив* «сам» в I, II, III гр. кл. во множественном числе к основе местоимения присоединяются суффиксы местных падежей *-а, -е, -са, -н* и сериальные показатели *-д, -хъ, -лъ, -къ*, например: *жинда, жинде, жиндаса, жиндасан, жиндихъ, жиндилъ, жиндикъ*.

Для усиления значения возвратности к лично-возвратному местоимению *жив* «сам» иногда прибавляется усилительно-выделительная частица *-го*, которая усиливает значение возвратности, например: *Дов живго ваячлана*

рокъове «Он сам (один) пришел домой». Указательные местоимения выполняют те же синтаксические функции, что и прилагательные. Они имеют классно-числовые показатели, склоняются: *гъав вас* «этот мальчик» – *гъал васал* «эти мальчики» (мн. ч.), *гъай яс* «эта девочка» – *гъал ясал* «эти девочки» (мн. ч.), *гъаб чу* «эта лошадь» – *гъал чуял* «эти лошади» (мн. ч.) и т. д.

Вопросительные местоимения содержат в своем составе классные показатели: *цив, ций, циб, цал* «кто», *циб* «что». Исключение составляет местоимение *чан* «сколько». Местоимения *цив, ций* «кто», *кинав, кинай* «какой», «какая» относятся к I и II грамматическому классу, местоимения *кинаб* «какой», *циб* «кто», относятся к III грамматическому классу.

Вопросительные местоимения *цив, ций, циб, цал* в косвенных падежах имеют измененную основу, которая отличается от прямой основы: *цив* «кто» – *лъица* (эргативный падеж).

Вопросительные местоимения *кинав* «какой», *кинай* «какая», *кинаб* «какой», *кинал* «какие» склоняются так же, как и как полные прилагательные I, II, III грамматических классов: *кинав* (им. п.), *кинас* (эрг. п.), *кинасул* (род. п.), *кинасе* (дат. п.).

В аварском языке неопределенные местоимения *цивалиго* (I гр. кл.) «кто-то», *циялго* (II гр. кл.) «кто-то», *цибалиго* (III гр. кл.) «что-то», *цалалиго* (мн. ч.) «кто-то», *кинавалиго* (I кл.) «какой-то», *киналалиго* (мн. ч.) «какие-то», *чаналиго* «сколько-то» образуются путем присоединения суффикса *-алиго* к вопросительным местоимениям *цив, ций, циб, цал*.

Отрицательные местоимения *цивниги* (I гр. кл.), *цийниги* (II гр. кл.) «никто», *цибниги* (III гр. кл.) «никто», «ничто», *цалниги* «никто» (мн. ч.) как и неопределенные, образуются от вопросительных местоимений при помощи форманта *-ниги*.

Определительные местоимения *цибав* «каждый», *цибай* «каждая», *цибаб* «каждый», *цибал* «каждые» образованы от вопросительного местоимения *циб* «что».

Подобные лексемы обозначаются в современной лингвистике термином «детерминативы», именны́е актуализаторы. В зависимости от квалификации данных слов по признаку «знаменательный» / «служебный» они могут рассматриваться как местоимения либо как артикли.

Благодаря специфической семантике местоименной лексики ее можно

классифицировать с логико-семантической точки зрения. При этом выделяются следующие разряды местоимений: дейктические, анафорические и кванторные.

Дейктические местоимения, в число которых включаются обычно личные и указательные местоимения на основе наличия в их семантике отсылки к речевому акту или к его участникам, характеризуются как определенные.

При квалификации местоимений аварского и других дагестанских языков словоизменительные признаки могут иметь определяющее значение. Так, в качестве одного из словоизменительных признаков, маркирующих местоимения в общей схеме формообразования дагестанских языков, О.А. Гулыга выдвигает следующий: «В ряде языков личные местоимения обладают особой словоизменительной характеристикой, отличающей их от других субстантивов. Речь идет о способе противопоставления в местоименных парадигмах немаркированного, прямого падежа и падежей косвенных. Этот особый способ может заключаться либо в супплетивизме местоименных парадигм, как в индоевропейских и дагестанских языках, либо, к примеру, в морфологическом статусе соответствующих форм, как в семитских языках» [4, с. 5].

Как отмечает О.А. Гулыга, это явление обусловлено следующим фактором: «... прямой падеж личных местоимений служит не только для указания семантической и синтаксической роли местоименной лексемы в предложении, но и для называния объекта (участника речевого акта), находящегося в момент речи перед глазами собеседников. С другой стороны, косвенные падежи передают преимущественно семантическую и синтаксическую информацию» [4, с. 6].

Как отмечает Г.И. Мадиева, «при образовании местных падежей от личных местоимений изменяется основа косвенных падежей и уже от последней с помощью серийных показателей *-д*, *-хь*, *-ль*, *-кь* и окончаний местных падежей *-а*, *-е*, *-аса(н)* образуются формы всех четырех серий» [10, с. 76].

В отличие от некоторых других дагестанских языков, аварские местоимения не имеют совпадающих форм абсолютного и эргативного падежей, о чем писал в свое время С.М. Хайдаков: «Третий тип прямой основы, которая по своей форме является древней формой именительного падежа, присутствует исключительно в личных местоимениях первых двух лиц. Речь идет о способности форм именительного падежа лич-

ных местоимений в определенной дистрибуции выполнять функцию и эргатива. Такой тип прямой основы в личных местоимениях дагестанских языков наличествует в агульском (*зун* «я», *вун* «ты», *чин* «мы», *чун* «вы»), цахурском (*зы*, *гьу*, *ши*, *шу*), крызском (*зын*, *вун*, *жин*, *вин*), табасаранском (*узу*, *уву*, *учу*, *учву*), бежтинском (*до*, *ми*, *иле*, *миже*), гинухском (*де*, *ме*, *иле*, *миже*), лакском (*на*, *ина*, *жу*, *зу*) и других языках» [11, с. 187].

В отличие от возвратных, вопросительные местоимения сохраняют в косвенных падежах классное противопоставление, но только личного и неличного классов. Противопоставление же по числу в косвенных падежах нейтрализуется. Как личные, так и неличные косвенные основы образуются супплетивно [7, с. 88].

При склонении неопределенных и отрицательных местоимений *ци-в(й,б)ниги* «никто», «ничто» изменяется первая часть по образцу вопросительных коррелятов, а вторая (частицы *-алиго*, *-ниги*) как бы присоединяется к падежной словоформе [6, с. 137].

В монографии М.Е. Алексеева и Б.М. Атаева особенности склонения различных разрядов местоимений суммируются следующим образом: «Склонение личных, вопросительных и образованных от них местоимений имеет следующие особенности:

а) личные местоимения ед. числа и вопросительные имеют супплетивную косвенную основу, ср. дат. *ди-е* «мне», *ду-е* «тебе», *льи-е* «кому (I-II кл. обоих чисел)», *сунду-е* «чему»;

б) нестандартно образуется косвенная основа у личных местоимений мн. числа и возвратных местоимений, ср. дат. *ниже-е*, *ниле-е* «нам», *нуже-е* «вам», *жинди-е* «самому», *жиде-е* «самим»;

в) в эргативе местоимений *циб* «что» и *жи-в* «сам» выпадает второй слог основы: *сун-ца* «что», *жин-ца* «(он) сам»;

г) генитив личных и возвратных местоимений образуется с помощью суф. *-р*: *ди-р* «мой», *ду-р* «твой», *жинди-р-го* «свой (его)»;

д) косвенная основа указательных местоимений, выступающих в роли личных, образуется с помощью суф. *-с* (I кл.), *-ль-* (II-III), *-з-* (мн.) и усечением конечного классного показателя;

е) датив указательных местоимений образуется с помощью суффикса *-ие*: *гьес-ие* «ему», *гьель-ие* «ей» [1, с. 56].

От личных и указательных местоимений в аллативе с помощью суффикса *-го* образуются наречия образа действия: *дун* «я» – *дихье-го* –

дихъего «как я» (подражая мне); *мун* «ты» – *дхъе-го* – *дхъе-го* «как ты» (подражая тебе); *гъев* «он» – *гъесухъе-го* – *гъесухъе-го* «как он» (подражая ему); *дов* «тот» – *досухъе-го* – *досухъе-го* «как тот» [8, с. 76].

Указательные местоимения *доб* (-в, -й, -л), *лъоб* (-в, -й, -л), *гъоб* (-в, -й, -л) указывают не только на предмет или лицо, но и на место нахождения предмета или лица в пространстве относительно говорящего. Поэтому от этих местоимений с помощью суффикса *-а* образуются наречия места: *дов* «тот» (I гр. кл.), *дой* «та» (II гр. кл.), *доб* «тот» (III гр. кл.), *дол* «те» (мн. ч.) – *доба* «там (вдали, дальше)»; *лъов* «там (наверху)» (I гр. кл.), *лъой* «там (наверху)» (II гр. кл.), *лъоб* «там (наверху)» (III гр. кл.), *лъол* «там (наверху)» (мн. ч.) – *лъоба* «там (наверху)»; *гъов* «там (внизу)» (I гр. кл.), *гъой* «там (внизу)» (II гр. кл.), *гъоб* «там (внизу)» (III гр. кл.), *гъол* «там (внизу)» (мн. ч.) – *гъоба* «там (внизу)».

От местоимений *гъаб* «этот (рядом с говорящим)» и *гъеб* «тот (рядом слушающим)» наречия образуются по другой схеме: *гъаб* – *гъа-ниб* «здесь», *гъеб* – *гъениб* «там (недалеко)».

При образовании наречий от местоимений множественного числа (*дол*, *гъол*, *лъол*) эта схема нарушается: *дол-а* – *дора*, *гъол-а* – *гъора*, *лъол-а* – *лъора*. Показатель множественного числа *-л* заменяется наречным формантом множественности *-р*. Эти наречия имеют и формы аллатива, элатива, транслатива: *добе* «туда (вниз)», *гъобасан* «оттуда (снизу)» [9, с. 191].

От указательных местоимений с помощью суффикса *-дин* образуются наречия образа действия: *гъе(б) -дин* – *гъедин* «так, как там»; *гъа(б) -дин* – *гъадин* «так, как здесь»; *до(б) -дин* – *додин* «так, как там вдали»; *гъо(б) -дин* – *гъодин* «так, как там внизу»; *лъо(б) -дин* – *лъодин* «так, как там наверху».

Суффикс *-дин*, скорее всего, исторически возник от сравнительного слова *гладин*. Ср.: *доб гладин* «как тот» – *додин*; *гъеб гладин* – *гъедин*. Эти

пары (*додин* – *доб гладин*, *гъедин* – *гъеб гладин*) синонимичны.

От наречий на *-дин* с помощью *-глан* образуются и наречия меры и степени: *гъеди(н) -глан* – *гъедиглан* «столько, сколько здесь, (поблизости)»; *доди(н) -глан* – *додиглан* «столько, сколько там»; *гъади(н) -глан* – *гъадиглан* «столько, сколько здесь»; *гъоди(н) -глан* – *гъодиглан* «столько, сколько там, (внизу)»; *лъоди(н) -глан* – *лъодиглан* «столько, сколько там, (наверху)».

Для усиления наречного значения и для придания им выделительного оттенка к местоименным наречиям добавляется частица *-го*: *доба* «там» – *добаго* «там, где и было», «там же»; *гъади'н* «так» – *гъади'нго* «так, как было»; *гъа'диглан* «столько» – *гъа'дигланго* «столько же»; *гъа'ниб* «здесь» – *гъа'нибго* «здесь же».

Особое положение местоимений в ряду других частей речи подчеркивалось многими исследователями. По нашему мнению, высокой объяснительной силой обладает классификация В.Г. Гака [2, с. 97], который предложил различать основные части речи по способу отображения элементов действительности, т. е. глаголы, прилагательные, существительные, наречия и дополнительные, в том числе междометия, местоимения, служебные слова. В то время как основные части речи обозначают элементы действительности непосредственно, самостоятельно и расчлененно, «местоимения обозначают эти элементы не непосредственно, но через замещаемые ими слова и по соотношенности с участниками речи» [2, с. 97].

Выступая в роли других частей речи, местоимения все же отличаются от остальных лексико-грамматических классов в этой группе, поскольку каждый из них определяется особым образом: служебные слова лишены способности самостоятельно обозначать элементы действительности и служат для связи других элементов высказывания и выражения различных дополнительных значений.

Список литературы:

1. Алексеев М.Е., Атаев Б.М. Аварский язык. М.: Academia, 1998. 142 с.
2. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. Л.: Просвещение, 1976. 300 с.
3. Грамматика русского языка. Т.1. Фонетика. Морфология. М.: Изд.-во АН СССР, 1960. 720 с.
4. Гулыга О.А. К проблеме связанности ситуаций (на материале дагестанских языков) // Проблемы внутренней и внешней лингвистики. М., 1978. С. 97-114.
5. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
6. Магомедов Д.М. Особенности основосложения в аварском языке // IV Международный симпозиум лингвистов-кавказоведов «Вопросы структуры основы и корня в иберийско-кавказских языках». Материалы. Тбилиси, 2015. С. 135-138.

7. Магомедов Д.М. Функциональная характеристика личных местоимений в аварском языке // Вестник Дагестанского научного центра. – № 67. 2017. С. 85-90.
8. Магомедов М.И., Алиханов С.З. Словообразование в аварском языке. Махачкала, 2008. 288 с.
9. Магомедов М.И. Морфолого-словообразовательное строение однокоренных производных слов в аварском языке // Материалы VI Международной научной конференции «Актуальные проблемы общей и адыгской филологии» (24-26 апреля). Майкоп, 2008. С. 191-192.
10. Мадиева Г.И. Морфология аварского языка. Махачкала, 1980. 160 с.
11. Хайдаков С.М. Об эргативном падеже в местоимениях дагестанских языков // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967. С. 184-190.

Магомедов Магомед Ибрагимович, д. филол. наук
 Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН
 г. Махачкала, Республика Дагестан

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ ФОРМ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В АВАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье анализируются особенности образования форм множественного числа имен существительных в аварском языке.

В аварском языке форма единственного числа не имеет специальных морфологических показателей, формы же множественного числа образуются при помощи различных суффиксов.

Ключевые слова: имя существительное, единственное число, множественное число, суффикс, аблаут.

подавляющему большинству аварских существительных свойственно противопоставление форм единственного и множественного числа. Закономерности оформления множественности рассмотрены во многих работах [12], [11], [1], [10], [16], [6], [3], [4], [15], [7], [14]. Между тем закономерности оформления множественного числа существительных остаются спорными. Требуется уточнение структура формантов множественности, особенности их употребления.

Г.И. Мадиева, указывая на суффиксальный способ определения множественного числа, приводит список из 8-ми аффиксов: *-би, -ал, (-ял), -заби, -зал, -и, -ни, -л, -дул* [10, с. 30]. М.Д. Хангереев, ссылаясь на работы предшествующих исследователей, называет два способа оформления множественного числа существительных: суффиксальный и аблаутно-суффиксальный. Его список суффиксов длиннее: *-заби, -зал, -би, -л, -ул, -дул, -ал, -йал, -и, -ни* [15, с. 29]. Стремясь учесть строение аварского языка и особенности его функционирования на современном этапе, М.Д. Хангереев, в отличие от предыдущих исследователей (Ш.И. Микаилов, Г.И. Мадиева, М.А. Алексеев и др.) рассматривает форманты множественного числа как сложные по строению: *би<бил; заби<забил; би<абил* [15, с. 34].

Формант множественного числа *-ду(л)* не употребляется у семантической группы названий лиц. В форме именительного падежа плюралиса элемент *-л* форманта *-ду(л)* выпадает в косвенных падежах. На этом основании автор считает его флексией плюралиса, его маркером, но не суффиксом плюралиса *ду* [10, с. 49].

Длинный ряд формантов множественного современного аварского языка М.Е. Алексеев сокращает до четырех: *-а, -би, -и, -ду*, которые были свойственны протоаварскому [2, с. 37].

В аварском языке *-л* часто служит маркером множественного числа, например, в отглагольных формах: *ратарал* «нашедшие», *рачIарал* «пришедшие». У прилагательных *-л* тоже является формантом множественности *берцинал* «красивые». Суффикс плюралиса *-у(л)* генетически восходит к суффиксу *-ду(л)*: *-ду(л) → -(у)л: бетIер* «голова» – *бутIрул* «головы», поскольку в аварском языке в многосложных словах на стыке согласных *-д-* не употребляется. Он сохраняется только перед гласными *-а*: *росу* «аул» – *росдал* (род. п.) – *росаби* (мн. ч.).

Необходимо отметить, что в сочетании с аблаутом (внутренней флексией) суффикс *-б(и)* коррелирует с косвенной основой, эргативом у многосложных слов: *кветI* «губа» – *кIутби* (мн. ч.) –

кIуmIбуз (эрг. п.). В составе форманта *-би* маркер множественного числа (*-и*) в косвенных падежах переходит в *-(у)з* показатель косвенной основы множественного числа. В результате создается слоготип косвенной основы плюралиса эргативного падежа: *квартIа* «молоток» (ед. ч.) – *куртIби* (мн. ч.) – *куртIбуз* (эрг. п.); *ишиа* «бутылка» (ед. ч.) – *шушби* (мн. ч.) – *шушбуз* (эрг. п.).

При стечении согласных первые два согласных относят к одному слогу, а третий – к другому. Как отмечает Ш.И. Микаилов, суффикс *-би* в качестве форманта плюралиса присоединяется к именам всех трех грамматических классов. Примеры ученого: *л̄ади* – *л̄удби* «жены»; *нуцIа* – *нуцIби* «двери»; *баси* – *бусби* «бычки»; *к̄верк̄* – *к̄урк̄би* «лягушки»; *г̄ветI* – *г̄утIби* «деревья» [11, с. 19]. Ударение падает на конечный гласный, а конечный гласный основы выпадает. В сочетании с аблаутом в форманте множественности выступает гласный *-у*: *газа* «мотыга» – *гузби* «мотыги». Обращает на себя внимание тот факт, что во всех косвенных падежах существительных в форме множественного числа присутствует показатель *-з*, а показатель *-л* сохранился только в форме множественного числа именительного падежа.

В именах существительных аварского языка множественность нередко оформляется формантом *-аб(и)*. Ударение в словах с суффиксом *-аб(и)* падает на разные слоги. Ударение в словах с суффиксом *-би* выделяет конечный гласный звук.

Рассматривая условия появления суффикса *-аби* Ш.И. Микаилов отмечал, что этот суффикс характерен для многосложных слов. Конечный слог при этом отпадает. Высказанные замечания подтверждаются следующими примерами: *палуг̄ан* – *палуг̄-аби* «акробаты», *буг̄тан* – *буг̄т-аби* «клевета (мн. ч.)», *гIоркIкIен* – *гIоркI-аби* «овцы», *босен* – *бус-аби* «постели», *буртина* – *бурт-аби* «бурки» [11, с. 21].

Г.И. Мадиева отмечает следующие процессы, происходящие при образовании форм множественного числа при помощи суффикса *-би*:

а) делабиализация корневого согласного: *к̄верк̄* «лягушка» – *к̄урк̄би*, *г̄ветI* «дерево» – *г̄утIби*, *квартIа* «молоток» – *куртIби*, *кIветI* «губа» – *кIутIби*, *к̄вачIа* «кожаный мешок» – *к̄учIби* и т. д.;

б) чередование конечных гласных *у*, *о* и *а*: а) *дару* «лекарство» – *дараби*, *росу* «аул» – *росаби*, *хIукму* «решение» – *хIукмаби*, *каву* «ворота» – *каваби*, *пикру* «дума» – *пикраби*, *матIу* «зеркало» – *матIаби*; б) *ясикIо* «кукла» – *ясикIаби*, *к̄адако* «воробей» – *к̄адакаби* [к̄удкул], *итаркIо* «сок» – *итаркIаби*, *х̄ух̄адиро* «пила» – *х̄ух̄а-*

дираби, *пецтIеро* «свисток» – *пецтIераби*; *берг̄енл̄ти* «победа» – *берг̄енл̄таби*, *рагIи* «слово» – *рагIаби*, *варани* «верблюд» – *варанаби*, *к̄варил̄ти* «кущелье» – *к̄варил̄таби*, *гали* «шаг» – *галаби*;

в) чередование гласного в основе и выпадение конечного гласного: *х̄алс* «крепость» – *х̄улби*, *л̄ади* «жена» – *л̄удби*, *раса* «корыто» – *русби*, *газа* – *гузби*, *тIала* – *тIулби*;

г) выпадение конечного гласного *а*: *суркIа* «чашка» – *суркI-би*, *чух̄а* «черкеска» – *чух̄би*, *ччугIа* «рыба» – *ччугIби*;

д) выпадение конечного сонорного *н* и чередование гласных *-е*, *-а*: *курх̄ен* «браслет» – *курх̄аби*, *рел̄ен* «краска» – *рел̄аби*, *рех̄ен* «стадо» – *рех̄аби*, *жерг̄ен* «бубен» – *жерг̄аби*, *бертин* «свадьба» – *бертаби*;

е) выпадение только конечного сонорного *н*: *ччугIух̄ан* «рыбак» – *ччугIух̄аби*, *хIалтIух̄ан* «работник» – *хIалтIух̄аби*, *бетIерг̄ан* «хозяин» – *бетIерг̄аби* [10, с. 58].

М.Е. Алексеев, Б.М. Атаев относят *-аби* к продуктивным суффиксам, а *-би* к непродуктивным. По их мнению, «с помощью *-аби* образуют множественное число некоторые слова с исходом на *-а*: *марг̄а* -*марг̄-аби*, *к̄унк̄ра* – *к̄унк̄р-аби* и новые заимствования – *ракета* – *ракет-аби*» [3, с. 40].

Если сравнить форму именительного падежа множественного числа с формами других падежей во множественном числе, то видно, что изменяется только элемент *-би*, а элемент *а* не меняется, например:

Им. п. *рех̄-а-би* Род. п. *рех̄-а-б-аз-ул*
Эрг.п. *рех̄-а-б-аз* Дат. п. *рех̄-а-б-аз-е*

Элемент *-а* является суффиксом косвенной основы, а не множественного числа. Множественное число слова *рех̄ен* образуется при помощи суффикса *-би*, при этом конечный согласный образовательного суффикса *-ен* усекается, а элемент *-е* чередуется с *-а*. В подобных формах следует выделять суффикс множественного числа *-би*, а не *-аби* [8, с. 334].

Общая часть формантов *-аби*, *-би* редуцируется при склонении, а у форманта *-заби* вместо *-и* является косвенная основа на *-аз*. Данные факты позволили утверждать, что сами форманты разложимы: *-з-а-би*; *-а-ба*; *-би-и* [16, с. 103]. М.Д. Хангереев считает, что показатель косвенного падежа *-з* коррелирует с показателем целевой формы у глаголов: *-з*: *г̄абизе* «делать», *к̄урдизе* «танцевать». Элемент *-у* в форме эргатива множественного числа (*к̄учIбуз*) есть следствие ассимиляции: *к̄учIби* – *к̄учIбуз*. Элемент *-з* сохраняется в форме косвенных падежей множественного чис-

ла, а элемент *-л* (из прототипа **-ул*) сохраняется в форме именительного падежа множественного числа существительных с формантами *-ал*, *-дул*, *-ул*. Из этих перечисленных формантов наиболее продуктивным является формант *-ал*.

Формант *-ал* принимают:

1) односложные слова с согласным исходом. Суффикс присоединяется к чистой основе, т. е. к форме именительного падежа единственного числа: *вас* «мальчик» – *вас-ал*, *бер* «глаз» – *бер-ал*, *рос* «муж» – *рос-ал*, *бис* «тур» – *бис-ал*. В основе *л̄ым* – *л̄ын-ал* «вода» происходит ассимиляция *м>н*. Возможно чередование: *хIерчч* «деревянное блюдо» – *хIарчч-ал*;

2) двусложные и многосложные слова. При присоединении суффикса в основе слова происходит ряд фонетических изменений:

а) усечение исходного гласного: *тIажу* «брюки» – *тIаж-ал*, *гIацтIи* «топор» – *гIацтI-ал*, *горде* «платье» – *горд-ал*;

б) одновременное усечение исходного гласного и изменение основы:

гьобо «мельница» – *гьаб-ал*, *бече* «теленок» – *бач-ал*, *цIоко* «шкура» – *цIак-ал*;

в) ассимиляция: *гамачI* «камень» – *ганчI-ал*, *тIамач* «лист» – *тIанч-ал*, *гьамас* «сундук» – *гьансс-ал*;

г) в исконных многосложных словах второй гласный основы подвергается редукции: *гIеретI* «кувшин для воды» – *гIертI-ал*, *тIагьур*;

д) усечение последнего слога *-ер*: *л̄ымер* «ребенок» – *л̄ым-ал*.

Заемствованные из русского языка существительные с согласным исходом всегда принимают суффикс *-ал* без изменения основы: *спутник* – *спутник-ал*, *стол* – *стол-ал*, *солдат* – *солдат-ал*, *трактор* – *трактор-ал* [15, с. 31].

В заимствованиях суффикс *-ал* является безударным, в то время как в исконных словах может быть как ударным, так и безударным.

Если слово оканчивается на гласный звук, то при присоединении суффикса *-ал* между гласными наращивается *й* во избежание стечения гласных: *кьо* «мост» – *кьо-й-ал*, *кьо* «день» – *кьо-й-ал*, *би* «кровь» – *би-й-ал*, *чу* «лошадь» – *чу-й-ал* [9, с. 246].

Одним из распространенных суффиксов в образовании форм множественного числа также является суффикс *-заби*, который присоединяется к неизменяемой основе слов, обозначающих профессию, род деятельности человека: *шагIур* «поэт» – *шагIур-заби*, *нукар* «нукер» – *нукар-заби*, *мурид* «мюрид» – *мурид-заби*, *учитель* «учитель» – *учитель-заби*, *хIаким* «начальник» –

хIаким-заби, *гIалим* «ученый» – *гIалим-заби*, *дибир* «мулла» – *дибир-заби*.

Г.И. Мадиева отмечает возможность параллельного образования форм множественного числа заимствуемых слов при помощи суффикса *-ал*, *-и*, *-заби*: *инженер* – *инженер-заби* [*инженерал*], *тохтир* – *тохтир-заби* [*тохтирал*], *шофер* – *шофер-заби* [*шоферал*] [10, с. 35].

Суффикс *-и* употребляется сравнительно редко и зафиксирован лишь в нескольких словах. При образовании форм множественного числа наблюдается ряд фонетических изменений: 1) чередование *и/а*: *хIинчI* «птица» – *хIанчI-и*, *тIинчI* «цыпленок» – *тIанчI-и*; 2) палатализация *к-ч*: *гIака* «корова» – *гIачи*; 3) усечение последнего слога и изменение основы: *кьегIер* «ягненок» – *кьагI-и*; 4) наращение элемента *гI*, при одновременном изменении основы: *чи* «человек» – *чагI-и*.

Такая трансформация происходит и в некоторых многосложных словах со вторым компонентом *-чи*: *захIмат-чи* «труженик» – *захIмат-чагIи*.

Суффикс *-ни* принимает односложное слово *цIе* – *цIани* «коза», «козы». Хотя исторически для аварского конечный *н* восстанавливается, но в соотношении *цIцIе* – *цIцIа-ни*, элементу *н* нет места в основе мн. числа, так как его не наблюдаем в форме ед. числа. Ш.И. Микаилов выделяет в данном слове суффикс *-и*: «Принято относить *-н* суффикса к основе, которая выглядела, возможно, *цIцIен*; но позже форма единственного числа *цIцIен* утратила конечный *-н*. А если это так, то тут мы имеем дело с суффиксом *-и*, а не *-ни*» [11, с. 24].

Суффикс *-ул* встречается, как правило, только после переднеязычных *д*, *т*, *тI* и комплексов согласных, получаемых, в частности, в результате выпадения гласных основы [3, с. 41]. При образовании множественного числа посредством этого суффикса в основе слова происходят значительные изменения: 1) чередование *е/у*: *чIемI* «блоха» – *чIумI-ул*; 2) чередование гласных при одновременном усечении исходной гласной: *гьеду* «ворона» – *гьуд-ул*, *кет* «кошка» – *кут-ул*, *гIала* «кобыла» – *гIул-ул*; 3) метатеза: *эбел* «мать» – *улб-ул*, *эмен* «отец» – *умум-ул*; 4) редукция отдельных гласных основ: *мегеж* «борода» – *мугж-ул*, *ханжар* «кинжал» – *хунжр-ул*, *мегIер* «гора» – *мугIр-ул*, *бетIер* «голова» – *бутI-рул*, *сангар* «завал» – *сунгр-ул*.

По мнению Ш.И. Микаилова, употребление суффикса *-ул* зависит, «во-первых, от места ударения – в единственном числе оно должно падать на второй слог (от начала) и, во-вторых, от количества слогов в единственном числе: их должно

быть не меньше двух. Есть только одно исключение из этого правила – слово *чIemI* «блоха» – *чIymI-ул* (<*чIymI-дул*)» [11, с. 17].

Суффикс *-дул* присоединяется к односложным словам. При этом происходит ряд фонетических изменений: *куй* «баран» – *куй-дул*, *гIин* «ухо» – *гIун-дул*, *тIегь* «цветок» – *тIугь-дул*, *лълъар* «рога» – *лълъур-дул*, *чан* «зверь, дичь» – *чун-дул*, *хIехь* «пень» – *хIухь-дул*, *гел* «половник» – *гул-дул* и т. д.

Как видно из примеров, при присоединении этого суффикса происходит чередование гласных.

Ед.ч.

ссангър «укрепление»
гарәцIуI «узелок»
тIегь «цветок»
чед «хлеб»
мегIар «гора»
рукь «дом»

Огр. мн.

ссангър-ал
гарәцIуI-а-л
тIегь-а-л
чед-а-л
мегIар-а-л
рукь-а-л

Неогр. мн.

ссунгър-у-л
гарәцIуI-ал
тIугь-ду-л
чәд-а-л
мугIар-у-л
рукь-зә-л [13, с. 116].

Я.Г. Сулейманов выделяет продуктивный суффикс *-ал*, образующий форму ограниченного множественного числа, которому противопоставляют непродуктивные суффиксы, формирующие неограниченное множество. Он демонстрирует данную оппозицию посредством следующих примеров с лексемами *дагьал[го]* «немного [несколько]» и *гIемер[го]*, *гIемерал* «много» [13, с. 117].

Очевидно, ограниченное число несет информацию не о совокупности однородных предметов, лиц, не о том, что их много. Ограниченное число позволит назвать один предмет в окружении себе подобных.

Есть случаи присоединения суффикса *-дул* к неизменной основе: *бох* «ноги» – *бох-дул*.

В следующих словах происходит: а) делабиализация: *гъвел* «склон горы» – *гъул-дул*, б) метатеза: *эгъе* «пятка» – *угъдул*.

Аварский язык допускает и особенные случаи оформления множественности, в частности двойное образование форм множественности: множественное ограничение и множество неограниченное. Сопоставление данных явлений провел Я.Г. Сулейманов:

Выбор формантов множественности и единичности оказывается типичным как для форм существительных единственного числа, так и для форм существительных множественного числа.

Супплетивное оформление множественности отмечено в паре *чIужу* «женщина» – *руччаби* (мн. ч.).

В аварском языке имеются существительные, которые одной и той же формой обозначают единственное и множественное число, например: *щегI* «черепица», *гIеч* «яблоко», *цIул* «дрова», *тIамах* «лист»; *гамачI* «камень».

Список литературы

1. Абдулаев М., Сулейманов Я.Г. Аварский литературный язык: Учебник для педучилищ. Махачкала, 1965. 261 с. [на аварском языке].
2. Алексеев М.Е. Сравнительно-историческая морфология аваро-андийских языков. М.: Наука, 1988. 223 с.
3. Алексеев М.Е., Атаев Б.М. Аварский язык. М.: Academia, 1998. 142 с.
4. Атаев Б.М. Выражение множественности в личных местоимениях аваро-андо-цезских языков // Категория числа в дагестанских языках. Махачкала, 1985. С. 156-159.
5. Гусейнова Р.А. Категория числа в аварском и английском языках. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2006. 23 с.
6. Джапаридзе З.Н. Из истории образования множественного числа у прилагательных и причастии с префиксальным классным показателем в аварском языке // ИКЯ. Т. 14. 1964. С. 277-282.
7. Лабазанова П.М. Категория числа в аварском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2003. 19 с.
8. Магомедов Д.М. Суффиксальный способ образования множественного числа существительных в аварском языке // Кавказоведение: история и современность. Материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию И.А. Дахкильгова. Магас, 2017. С. 327-339.
9. Магомедов М.И. Образование форм множественного числа в аварском языке в сопоставлении с английским // Проблемы общего и дагестанского языкознания. Махачкала, 2003. С. 245-247.

10. Мадиева Г.И. Морфология аварского литературного языка. Махачкала, 1980. 160 с.
11. Микаилов Ш.И. Сравнительно-историческая морфология аварских диалектов. Махачкала, 1964. 171 с.
12. Саидов М.-С.Д. Аварско-русский словарь. М., 1967. 806 с.
13. Сулейманов Я.Г. О формах ограниченного и неограниченного множественного числа имен существительных в аварском языке // Категория числа в дагестанских языках. Махачкала, 1985. С. 114-119.
14. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. III. Аварский язык. Тифлис, 1889. 552 с.
15. Хангереев М.Д. Словоизменительная и словообразовательная система в аварском литературном языке: Автореф. дис... докт. филол. наук. Махачкала, 2001. 55 с.
16. Чикобава А.С., Церцвадзе И.И. Аварский язык. Тбилиси, 1962. 442 с. [на груз. яз.].

Магомедова Мариана Ширваниевна, соискатель
 Дагестанский государственный педагогический университет
 г. Махачкала, Республика Дагестан

ОТРАЖЕНИЕ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ ЛАКСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье исследуются возможности передачи темпоральной семантики на фразеологическом уровне лакского языка. Особый акцент делается на роли наречий темпоральной семантики в структуре фразеологизмов, выражающих понятие времени.

Ключевые слова: лакский язык, фразеологизм, семантика времени.

Центром лингвистического времени, как известно, является грамматическое время, включающее в себя формы словоизменения глагола, которые изучаются в морфологии. Различные способы временной соотносительности двух действий – действия, выраженного сказуемым главного предложения, и действия, выраженного сказуемым зависимого, рассматриваются в синтаксисе.

Как отмечается в литературе, «лексический уровень включает в себя совокупность способов выражения временных отношений с помощью специальной временной лексики. Темпоральная лексика отражает разнообразные временные связи между различными процессами и явлениями окружающей действительности.

Выразительные возможности слов категории времени весьма обширны, они превосходят возможности передачи временных отношений морфологическими средствами языка. Часто временная лексика употребляется для уточнения грамматического времени» [2, с. 77].

Темпоральность находит весьма своеобразное отражение во фразеологии лакского языка. Пословицы, поговорки, афоризмы фразеологизмы, обладающие временной семантикой, обогащают фонд средств выражения безотносительного и относительного времени и могут рассматриваться

наряду со словами в качестве составляющих идеографического поля времени в лакском языке.

Прагматический аспект имеет значение в определении роли лексических средств при выражении категории времени. Фразеологические и лексические единицы создают специфику выражения темпоральных значений в каждом конкретном языке. В лакском языке следующие фразеологические сочетания выражают регулярную повторяемость:

хъхъунил бакIрах «каждую ночь» (букв. «на голове ночи»);

шаттирахун «постоянно» (букв. «под каждый шаг»);

шинал лажиндарай «весь год» (букв. «на лице года»);

гъантта бувккуну «с каждым днём» (букв. «считая дни»);

махъ-зуманив «недавно», «в последнее время» (букв. «после – на краю») и др.

Проведенный анализ лексических средств выражения времени позволяет сделать вывод о том, что время является одним из самых существенных концептов человеческого сознания, обнаруживающим тесную связь с другими концептами, такими как пространство, движение, представляющими исключительную важность для формирования картины мира народа.

Рассматриваемая в исследовании проблема категории времени многогранна, далека от разрешения и представляет несомненный интерес для дальнейшего более расширенного и углубленного изучения. Материал лакского языка, в частности структура и семантика временных словосочетаний и фразеологизмов, проанализированные нами, являются подтверждением приведенных выше слов. Обширный материал данного пласта представлен в лакско-русском фразеологическом словаре М.Р. Рамазановой [3]. Основная часть фразеологизмов, предполагающих понятие времени, связаны со словом *чун* «время»:

Чумувун иллан «взрослеть, становиться старше»;

Чумул буруккин чиви байссар «время лечит»;

Чун дакъа буллу оьрму «жизнь, данная без времени»;

Чун дакъасса бивклу «безвременная кончина»;

Чун дакъасса «обреченный»;

Чун лахъан «потратить время»;

Чун лякъин «выкроить время» и т.д.

Также в лакском языке представлено большое количество фразеологизмов, выражающих понятие времени, в состав которых входят наречия темпоральной семантики: *мудан* «всегда», *хъхъичл* «в начале», *махъ* «позже», *ччяни* «рано», *бакрай* «сначала», например:

Хъхъичл учай макъ «вступительное слово» (букв. «в начале говорит слово»);

Ччяни бавхлу къав «ранний сноп» (букв. «рано жатый сноп»);

Бакрайра шартл ккаккан дан «заблаговременно указать» (букв. «заблаговременно поставить условие»).

В результате анализа речевых оборотов с временными обозначениями, употребляемых при совершении определенных речевых действий, удалось установить, что временные понятия в собственно временном значении наиболее часто используются в сообщении (информирующее речевое действие); приглашении, предложении (уточнение времени встречи) (побудительные речевые действия) [1].

Временные понятия, утратившие собственно временное значение в качестве компонентов речевых оборотов, а также входящие в состав идиоматических сочетаний, общий смысл которых невременной, употребляются в ситуативных высказываниях при совершении оценочно-модальных речевых действий (выражение ободрения, удивления, разочарования, неодобрения), контактивных (приветствие, прощание).

Наиболее редко временные понятия используются в ситуативных высказываниях при совершении метакоммуникативных речевых действий.

Таким образом, результаты анализа как традиционных единиц лингвистического описания языковых сущностей, как, например, слово и фразеологизм, так и выделяемых в последнее время коммуникативно-функциональных единиц, так называемых ситуативных высказываний, дают основание утверждать, что категория времени представлена во всех языках мира, она является универсальной для всех языков. Различаются только способы и средства выражения времени, в зависимости от особенностей грамматического строя и идиоэтнических особенностей концептуализации действительности разными языковыми коллективами.

Список литературы

1. Абдуллаев И.Х., Эльдарова Р.Г. Вопросы лексики и словообразования лакского языка. Махачкала, 2000. 138 с.
2. Маллаева З.М. Темпоральная лексика аварского языка // Выражение временных отношений в языках Дагестана. Махачкала, 1991. С. 79-82.
3. Рамазанова М.Р. Лакско-русский фразеологический словарь. Махачкала, 2005. 229 с.

Маллаева Зулайхат Магомедовна, д. филол. наук
 Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН
 г. Махачкала, Республика Дагестан

Форкер Диана, д. филол. наук
 Йенский университет им. Фридриха Шиллера
 г. Йена, ФРГ

DIE STRUKTUR DER TEMPUSFORMEN IM AVARISCHEN

Аннотация. В статье исследуются синтетические формы финитного глагола аварского языка. Выделяются все временные форманты. Устанавливается связь между структурой основы и выбором форманта времени.

Ключевые слова: аварский язык, глагол, синтетические формы, морфемный анализ.

Annotation. In the article the synthetic forms of the finite verb of the Avar language are studied. All the time formants are allocated. A relationship is established between the structure of the base and the choice of the time formatter.

Keywords: Avar language, verb, synthetic forms, morphemic analysis.

Das avarische Verbum verfügt über ein reiches System synthetisch und analytisch gebildeter Tempusformen. Die analytischen Tempusformen haben im Unterschied zu den synthetischen zusätzliche semantische Merkmale der Aspektualität und Modalität [3, S. 27].

In der avarischen Sprache ist die genaue Zahl der Tempora noch nicht bestimmt worden; auch gibt es noch keine einheitliche Terminologie. Die Meinungen gehen auch auseinander in der Frage der formantischen Gliederung der Tempusformen. Die Mehrheit der Erforscher des Avarischen sondert als temporale Formantien den gesamten suffixalen Komplex heraus, der auf die gesamtparadigmatische Basis des Verbums folgt. Nach unserer Ansicht enthalten die suffixalen Komplexe *-una-*, *-ula-*, *-ola-*, *-ila* u. a. eine zweifache Information: eine temporale (Zeit) und eine modale (Modus).

Die Tempusopposition wird durch die Themavokale definiert, i.d.R. also: *-u-*, *-o-* (Allgem. Präs.), *-a-* (Prät.), *-i-*, *-e-* (Fut.) in Kombination mit den Konsonanten *-l-* oder *-n-*. Das Suffix *-a-* ist die Markierung des Indikativs. So lässt sich sagen, dass *-ana-* ein Marker des Indikativ Präteritums ist, *-ula-*, *-una-*, *-ola-* des Indikativ des Allgemeinen Präsens, *-ila-*, *-ina-*, *-ela-* (abgesehen vom Verbum *k'otschene* „vergessen“ – Fut. *k'otsch-ena*) des Indikativ Futur. Bei den Verben der *n*-Klasse wird die Tempusdifferenzierung mittels der Suffixvokale *-a-* (Prät.), *-u-* (Allg. Präs.), *-i-* (Fut.) ausgedrückt, z.B. *B-ač-ine* „kommen“ – *B-ač-ana* „kam“, *B-ač-una* „kommt“, *B-ač-ina* „wird kommen“; *B-ic-ine* „erzählen“ – *B-ic-ana* „erzählte“, *B-ic-una* „erzählt“, *B-ic-ina* „wird erzählen“; *B-orsh-ine* „fliegen“ –

B-orsh-ana flog“, *B-orsh-una* „fliegt“, *B-orsh-ina* „wird fliegen“.

Trotz der großen Zahl von Verbalformen, die eine sehr differenzierte Semantik der Vergangenheit ausdrücken, gibt es im Avarischen keine Formen, die eine unterschiedliche Entfernung vom Moment des Sprechens bezeichnen.

Im Avarischen gibt es drei synthetisch gebildete Tempusformen: das vollendete Präteritum (Aorist), die allgemeine Gegenwart und das einfache Futur.

P.K. Uslar [4, S. 128] nannte das vollendete Präteritum „vollendete Vergangenheit“, A.S. Čikobava und I.I. Cercvadze [5, S. 257-260] „Basisvergangenheit“. Die betreffende Tempusform richtet sich nach der Charakteristik der Handlung, die bis zum Zeitpunkt der Handlung stattfand und bis zu diesem Zeitpunkt ihre Grenze erreicht hat. Sie konstatiert die Handlung als ein Faktum der Vergangenheit, ohne auf ihre Beziehung zum gegenwärtigen Augenblick Bezug zu nehmen, und ohne sie im Prozess ihres Verlaufs zu betrachten, hebt sie lediglich ihre Totalität und Abgeschlossenheit hervor. Daher die Bezeichnung, die wir ihr gegeben haben: „vollendete Vergangenheit“.

Verschiedene Forscher ermitteln im Avarischen eine unterschiedliche Zahl von Tempussuffixen. Wir vertreten die Ansicht, dass der Indikativ der vollendeten Vergangenheit in der avarischen Literatursprache mittels dreier Formanten ausgedrückt wird: *-ana*, *-una*, *-na*.

Der verbreitetste Formant des vollendeten Vergangenheitstempus ist *-ana*. Mithilfe dieses Formantes bilden folgende Verben die „vollendete Vergangenheit“:

1) Alle Verben der II. Konjugation, z.B.: *B-ač-ine* „kommen“ – *B-ač-ana* „kam“; *B-orsh-ine* „fliegen“ – *B-orsh-ana* „flog“, *B-ic-ine* „erzählen“ – *B-ic-ana* „erzählte“ u.a.

2) Die Verben der ersten Gruppe der I. Konjugation, z.B.: *Bos-ize* „nehmen“ – *Bos-ana* „nahm“, *Buq-ize* „nähen“ – *Buq-ana* „сшил“, *qot'-ize* „schneiden“ – *qot'-ana* „schnitt“ u.a. Eine Ausnahme bilden die Verben, deren Stamm auf einen Labial auslautet.

3) Die Verben der ersten Untergruppe der zweiten Gruppe, z.B.: *kk-eze* „geschehen“ – *kk-ana* „geschah“, *t-eze* „lassen“ – *t-ana* „liess“, *heq-eze* „trinken“ – *heq-ana* „trank“.

Eine recht unbedeutende Zahl von Verben bildet die „vollendete Vergangenheit“ mittels des Formanten *-una*:

1) Die Verben der ersten Gruppe der I. Konjugation mit labialem Auslaut, z.B.: *hab-ize* „tun“ – *hab-una* „tat“, *lab-ize* „schlagen“ – *lab-una* „schlug“, *cam-ize* „kauen“ – *cam-una* „kaute“.

2) Die Verben der zweiten Untergruppe der ersten Gruppe, z.B. *l-eze* „legen“ – *l-una* „legte“, *l-eze* „geben“ – *l-una* „gab“, *t'-eze* „gießen“ – *t-una* „goss“.

Das Auftreten des Vokals *-u* in der Struktur des Formanten *-una* ist phonetisch bedingt (durch den Einfluss des vorausgehenden labialisierten Konsonanten). Der Formant hat einen begrenzten Anwendungsbereich.

Mittels des Formanten *-na* bilden die „vollendete Vergangenheit“ alle Verben der dritten, vierten und fünften Gruppe, d.h. alle Verben mit vokalischem Basisauslaut. Die Qualität des stammauslautenden Vokals hat hier keine Bedeutung, z.B.: *xwa-ze* „schreiben“ – *xwa-na* „schrieb“, *qa-ze* „schliessen“ – *qa-na* „schloss“ (3. Gr.), *soro-ze* „zittern“ – *soro-na* „zitterte“, *çoro-ze* – *çoro-na* «fror» (4. Gr.); *pu-ze* „blasen“ – *pu-na* „blies“, *chchu-ze* „trinken“ – *chchu-na* „trank“ (5. Gr.).

Die Formanten *-na* und *-una* sind positionsbedingte Varianten des Morphems *-ana* (Allomorphe), weil das Auftreten des einen oder anderen sich nach rein phonetischen Gesetzmäßigkeiten richtet. Die phonetische Bedingtheit der betrachteten Struktureinheiten gibt keine Grundlage dafür, sie als morphologisch unterschiedliche Einheiten zu betrachten.

Die Gegenwart wird im Avarischen durch zwei Formen bezeichnet, die sich sowohl grammatikalisch als auch semantisch unterscheiden: die Allgemeine und die Konkrete Gegenwart. Die Allgemeine Gegenwart ist in der didaktischen Literatur unter der Bezeichnung „Allgemeines Tempus“ („общее время“) bekannt. Dieses Begriffs bedient sich eine

Reihe von Forschern [2]. Konkreter erscheint uns der Begriff „Allgemeine Gegenwart“ «настоящее общее время» [5; 1].

Die Verben der II. Konjugation bilden das Präsens mittels des Formans *-una*, das unmittelbar an den Verbalstamm tritt. Wie schon oben gezeigt, zerfallen die Verben der II. Konjugation in zwei Stammtypen:

1) auf Konsonant, z.B.: *B-orzh-una* „fliegt“, *B-el'-una* „malt“, „kocht“, *t'ağ-una* „verschwindet“;

2) auf einen labialisierten Komplex, z.B.: *k-una* „isst“ (Inf. *kw-ine*), *ss-una* „löscht“ (Inf. *ssw-ine*), *k'k'-una* „schluckt“ (Inf. *k'k'w-ine*).

Die Verben der I. Konjugation bilden das Allgemeine Präsens mittels einiger verschiedener Formanten, deren Auswahl vom Stammtyp sowie vom Vokal abhängt, der im Kategoriälsuffix des Infinitivs erscheint. Die Verben der 1. Gruppe der I. Konjugation bilden die Allgemeine Gegenwart mit dem Formants *-ula*, z.B. *haB-ula* „macht“, *qot'-ula* „schneidet“, *Beļ-ula* „pflügt“, *Bat-ula* „findet“.

Die Verben der 2. Gruppe der I. Konjugation bilden die Allgemeine Gegenwart mittels des Suffixes *-ola*, z.B. *k'-ola* „kann“, *ch-ola* „stirbt“.

Die Verben der 3., 4. und 5. Gruppe der I. Konjugation, d.h. die auf Vokal auslautenden bilden die Allgemeine Gegenwart mit dem Formans *-la*, z.B. *xwa-la* „schreibt“, *k'k'wa-la* „rasiert“, *pu-la* „bläst“, *tschtschu-la* „tunkt ein“, *ççoro-la* „friert“, *soro-la* „zittert“.

Folglich gibt es vier Formantien der Allgemeinen Gegenwart: *-ula*, *-la*, *-ola* (für die Verben der I. Konjugation), *-una* (für die Verben der II. Konjugation).

Die Verbalformen des Einfachen Futurtempus zeigen im Avarischen eine bemerkenswerte Eigenart: Sie alle haben ein und denselben Vokal wie die entsprechenden Formanten des Infinitivs. Die Verben der II. Konjugation werden im Infinitiv mit dem Themavokal *-i-* gebildet (*Borzh-ine* „fliegen“, *kw-ine* „essen“, *ret'-ine* „anziehen“); derselbe Vokal erscheint als Bildeelement des Futur-Formans – *ina*, z.B. *Borzh-ina* „wird fliegen“, *ret'-ina* „wird anziehen“.

Die Verben der I. Gruppe der I. Konjugation mit dem Vokal *-i-* im Infinitivsuffix haben als Formant des Futurtempus *-ila*, z.B. *haB-ize* „machen“, *haB-ila* „wird machen“, *Bos-ize* „nehmen“, *Bos-ila* „wird nehmen“, *ççal-ize* „lesen“, *ççal-ila* „wird lesen“.

Die Verben der 2. Gruppe der I. Konjugation mit dem Vokal *-e-* im Infinitivformans bilden das Futurtempus mittels des Formanten *-ela*, z.B. *t-eze* „lassen“ – *t-ela* „wird lassen“, *l-eze* „geben“ – *l-ela* „wird geben“, *chw-eze* „sterben“ – *chw-ela* „wird sterben“.

Die Verben der 3., 4. und 5. Gruppe der I. Konjugation, die keinen Vokal im Infinitiv-Formans haben, haben auch keinen in der Struktur des Futur-Formanten, z.B. *ḡwa-ze* „schreiben“ – *ḡwa-la* „wird schreiben“, *çça-ze* „ziehen“ – *çça-la* „wird ziehen“, *pu-ze* „blasen“ – *pu-la* „wird blasen“, *ççoro-ze* „frieren“ – *ççoro-la* „wird frieren“.

Somit wird das Futurtempus in der avarischen Literatursprache durch die folgenden Formantien realisiert: *-ina*, *-ila*, *-ela*, *-la*. Die Formantien *-ela*, *-la* haben einen sekundären Charakter. *-ela* ist das Resultat eines phonetischen Wandels, *-l* das Resultat einer Reduktion. Folglich sind *-ina* und *-ila* die primären Futurformantien. Das vokalische Element *-i-* trägt eine ausschließlich temporale Bedeutung, die konsonantischen Elemente *-l-* und *-n-* charakterisieren außerdem den Konjugationstyp (I. oder II. Konjugation).

Bei den Verben der 3., 4. und 5. Gruppe der I. Konjugation ist der formale Zusammenfall von Präsens und Einfachem Futurtempus zu beobachten, z.B. *ḡwa-la* „schreibt“ и «wird schreiben», *čwa-la* „schlägt tot“ и «wird totschiagen», *ççoro-la* „friert“ и «wird frieren», *pu-la* „bläst“ и «wird blasen». Так, *dica roḡobe kaḡat ḡwala* bedeutet: „ich werde den Brief nach Hause schreiben“, und: „ich schreibe den Brief nach Hause“. In solchen Fällen liefert der Kontext das einzige Unterscheidungsmittel der äußeren Ordnung. Wenn die zeitliche Bedeutung ähnlicher Sätze nicht aus dem Kontext klar ist, dann bedienen sie sich in der Regel lexikalischer Präzisierungen: *Dica kidago roḡobe kaḡat ḡwala* „ich schreibe immer den Brief nach Hause“. *Dica meter*

roḡobe kaḡat ḡwala „ich schreibe morgen den Brief nach Hause „.

Das Verbum des Avarischen unterschied ursprünglich ein Vergangenheitstempus, ausgedrückt durch das Formans *-na*, und – dadurch bedingt genannt das „Tempus der Nichtvergangenheit“, ausgedrückt durch das Formans *-la*. Im Laufe der Sprachentwicklung wurden dann im Bereich der „Nichtvergangenheit“ das Gegenwartstempus – Formans *-ula* – und das Futurtempus – Formans *-ila* unterschieden. Wie wir sehen, unterscheiden sich die Formantien des Gegenwartstempus und des Futurtempus nur durch die vokalischen Elemente – das Gegenwartstempus zeigt *-u-*, das Futurtempus *-i-*. Ich schlage als mögliche Annahme vor, dass es ursprünglich folgende Themavokale gab: *-a-* verband den Stammkonsonanten mit dem Formans des Vergangenheitstempus, *-u-* verband den Stammkonsonanten mit dem Formans des „Nichtvergangenheitstempus“, das semantisch mit dem Gegenwartstempus zusammenfiel. Insoweit sich die Semantik des Futurtempus von der des Gegenwartstempus ausgliedert, erscheint sie als eine Neubildung und zu ihrer Unterscheidung nutzte man den Themavokal *-i-*, der schon in der Struktur des Infinitivs für die Verbindung zwischen Stammkonsonant und den Infinitivformantien *-ze*, *-ne* gegeben war, z.B. *Bos-ize* „брать, взять, nehmen“. Der Infinitiv des Avarischen trägt bekanntlich eine deutliche finale Färbung (*bosize*, wörtl. „um zu nehmen“), und die Form des Futurtempus enthält ebenfalls die deutliche Semantik des Ziels, der Absicht.

Literaturverzeichnis

1. Алексеев М.Е. Сравнительно-историческая морфология аваро-андийских языков. М., 1988. 223 с.
2. Мадиева Г.И. Морфология аварского литературного языка. Махачкала, 1981. 153 с.
3. Маллаева З.М. Глагол аварского языка: структура, семантика, функции. Махачкала, 2007. 404 с.
4. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. III. Аварский язык. Тифлис, 1889. 242 с.
5. Чикобава А.С. Церцвадзе И.И. Аварский язык. Тбилиси, 1962. (на груз. яз.).

Малкондуев Хамид Хашимович, д. филол. наук
Институт гуманитарных исследований –
ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН»
г. Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика

ШАВАЕВ ДАУТ-ХАДЖИ (1800–1892) – ВЫДАЮЩИЙСЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ПОЭТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО НАРОДА XIX В.

Аннотация. В статье рассматриваются основные вехи творческой деятельности выдающегося мастера поэтического искусства Шаваева Даут-Хаджи, внесшего бесценный вклад в нравственное, интеллектуальное и духовное обогащение карачаево-балкарского народа. Его поэмы религиозного, исторического и лиро-эпического содержания рассматриваются в контексте письменной словесной культуры Востока, служившего образцом художественно-эстетического вдохновения для народов Кавказа.

Ключевые слова: типология, повествование, историзм, лирика, поэма, сюжет, композиция, ислам, пророки, Восток, Дагестан, Чегем.

Творческое наследие Даут-Хаджи Шаваева начало публиковаться и изучаться, к сожалению, с большим опозданием, что было связано, очевидно, с идеологическими соображениями, поскольку в кругу его творческих свершений особое место занимали мотивы ислама, идеям которых он был привержен с детства.

Отец поэта Шауай принадлежал к карачаевской дворянской патронимии Абайхановых. По неизвестным причинам покинув родину отцов, он поселяется в старинном ауле Уллу Чегем (Эль-Тюбю), в верховьях Чегемского ущелья.

Вскоре Шауай женится на девушке из Большой Балкарии из рода Таукеновых. Старшему в семье сыну дают имя Даут (библейск. Давид).

Пожилые люди аула Эль-Тюбю рассказывали, что местные князья Малкаруковы, Кереметовы, Кучуковы и Барасбиевы относились к Шауаю и его детям с большим уважением, о чем свидетельствует и тот факт, что для проживания и хозяйственной деятельности им выделили наиболее удобный участок площади на юге села.

Получив небольшие уроки исламской грамоты, Даут в возрасте 14–15 лет отправляется в Дагестан с намерением продолжить учебу, а года через два с кумыкскими стариками посещает святое места Мекки и Медины.

Долгие годы он проживает здесь и возвращается домой в Чегемское ущелье, спустя лет 15–17. Ходила молва, что он привез с собой много книг и рукописей и что он даже учился в *Мисире* (Египте).

В Чегеме он женится на девушке из рода Кулиевых, а затем Жазаевых. У них появляются дети Ахмат, Махай (Мухаммат), Омар и Осман, которые получают у отца прекрасные уроки по арабскому письму, мотивам «Корана» и в целом

по восточной культуре. Даут-Хаджи не раз совершал паломничество в Мекку и Медину, сопровождая балкарцев на дальнем пути по священным местам ислама.

Долгие годы он занимал должность руководителя исламского духовенства в ауле Уллу Чегем, обучая способных детей грамоте. Так, по фольклорным данным, он обучал у себя дома исламской грамоте трех сыновей Огура Энеева Алий, Джумакку и Бачу. Спустя год, якобы, он продолжил занятие с Алием Огуровичем, отцом будущего выдающегося государственного деятеля, руководителя Балкарского Округа (1918–1920), затем работавшего Первым секретарем Чечено-Ингушского обкома КПСС (1921–1923) Магомедом Энеевым. А с другими сыновьями Огура – Джумакку и Бачу – он отказался заниматься, т.к. способности у них были весьма скромными.

Творческое наследие Даут-Хаджи в основном сохранилось в списках и в устной традиции, поскольку биография его детей и внуков была весьма трагичной: Ахмат-хаджи и Омар-хаджи были репрессированы сталинским режимом, а богатейшая их библиотека и рукописи были сожжены в 1944 г.

Особую сложность составлял сбор его творческого наследия, чем мы занимались более тридцати лет, проводя опрос и осуществляя записи у пожилых балкарцев-чегемцев. Это были такие люди ясного ума и прекрасной памяти, как Каракизов Жабраил, Трамев Ахмат, Аппаев Башир, Кулиев Жабраил, Тилова Лейла и многие др.

Благодаря этим записям, в 2007 году КБИГИ был издан двухтомник поэм, зикиров и стихотворений выдающегося поэта «Дунья сагышла» – «Раздумья о жизни» [9].

По мотивам восточной письменной традиции он прекрасно перекладывает на родной язык поэмы «Меджнун и Лейла», «Тахир и Зухра», «Юсуф и Зулейха», которые прекрасно звучат на карачаево-балкарском языке, гармонично вписываясь в традицию нашей письменной культуры.

Если кратко остановиться на его творческой деятельности, в своих произведениях он воспевает жизнь и деятельность пророков Юсуфа (Иосифа), Мусы (Моисея), Хыйсы (Иисуса Христа), Мухаммеда, которым посвящены многие страницы священного «Корана».

На исламско-коранические мотивы в XIX в. Д.-Х. Шаваев написал поэмы «*Расул*» – «Посланик», «*Ёлом*» – «Смерть», «*Мухаммат*», «*Даут-Хажини кюй сагъышлары*» – «Размышления-кюй Шаваева Даут-Хаджи», в содержательные элементы которых он привнес много своих, индивидуально-авторских элементов. В поэтико-стилевом же плане доминирующая роль отводится здесь

монологу и иносказательным конструкциям. В одноименной поэме пророк Мухаммат (Магомет) воспевается как основатель ислама и любимец Аллаха. Эмоционально-дидактическим пафосом это произведение напоминает доисламскую панегирическую арабскую поэзию, превозносящую величие, доблесть и достоинство вождей племен и королей. Это наводит на мысль о том, что автор поэмы был сведущ и в ранней арабской поэтической культуре.

За сравнительно короткое время изучению его творчества посвящен ряд очерков, статей в научных журналах и докладов на различных конференциях [1], [2], [3], [4], [5], [6], [7], [8].

Исследование творческого наследия Шаваева (Абайханова) Даут-Хаджи позволяет утверждать, что он поистине был выдающимся явлением в карачаево-балкарской поэтической и религиозной культуре XIX века.

Список литературы

1. Берберов Б.А. Общая характеристика творчества Шаваева (Абайханова) Даут-Хаджи // Лингвистическое кавказоведение и тюркология: традиции и современность. Материалы IV международной научной конференции. Карачаевск, 2007. С. 379-381.
2. Малкондуев Х.Х. Фольклор и восточные поэмы Шаваева Даут-хаджи (1800–1892) // Актуальные вопросы современной фольклористики: материалы международной научно-практической конференции. Казань: Алма-Лит, 2009. С. 108-110.
3. Малкондуев Х.Х. Дауд-Хаджи Шаваев // Очерки истории балкарской литературы. Нальчик: Эль-Фа, 2010. С. 89-105.
4. Малкондуев Х.Х. Новые сведения о Шаваеве (Абайханове) Даут-Хаджи (1800–1892) // Исторический вестник. 2006. Вып. 3. С. 381-397.
5. Малкондуев Х.Х., Тетуев Б.И. Возвращение забытых имен. Дауд-Хаджи Шаваев (1800–1892) // Вестник КБИГИ. 2004. № 11. С. 193-212.
6. Малкондуев Х.Х., Тетуев Б.И. Сюжетно-повествовательные особенности произведений К. Мечиева и Даут-Хаджи Шаваева «Тахир и Зухра» // Живое слово: кязимовский сборник: Материалы республиканской научно-практической конференции «Кязим Мечиев и современность», посвященной 60-летию со дня смерти поэта. Нальчик: Полиграфсервис и Т. 2005. С. 29-30.
7. Малкондуев Х.Х., Шаваев И.Х. О Шаваеве Даут-Хаджи (1800-1892) и его знаменитой поэмкой // Литература народов Северного Кавказа: художественные и методологические проблемы изучения. Тезисы научных докладов КЧГПУ. Карачаевск: КЧГПУ, 1999. С. 151-153.
8. Тетуев Б.И. Карачаево-балкарская версия сюжета об Иосифе Прекрасном (на материале поэмы Д.-Х. Шаваева «Юсуф и его братья») // Известия КБНЦ РАН. 2006. № 1 (15). С. 168-176.
9. Шаваев Д.Х. Дуния сагъышла (Раздумья о жизни): Поэмы. Зикиры. Стихи: В 2 ч. / сост. Малкондуев Х.Х. Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2007. Ч. I. 196 с.; Ч. II. 182 с.

Мамиллов Микаил Султанович, канд. ист. наук
Ингушский государственный университет
г. Магас, Республика Ингушетия

СТАНОВЛЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ В НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕГИОНАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (на материалах Ингушетии и Чечни)

Аннотация. *Статья освещает предпосылки, механизмы, этапы и итоги становления системы профессиональных союзов в национальных областях Северного Кавказа в первые годы Советской власти. Анализу подвергается развитие данных процессов прежде всего на территории Ингушетии и Чечни. Выявляются взаимосвязи с общим процессом становления профсоюзного движения в Советской России, изучаются особенности его на территории горских регионов Северного Кавказа.*

Ключевые слова: профессиональные союзы, Ингушетия, Чечня, актив, аппарат, РКП (б), низовые организации, ЦК.

Профессиональные союзы (профсоюзы) – добровольные общественные объединения людей, связанных общими интересами по роду их деятельности на производстве, в сфере обслуживания, культуры, образования и других сферах. Эти объединения создавались с целью представительства и защиты прав работников в трудовых отношениях, а также социально-экономических интересов членов организации. Профсоюзы являются продуктом эпохи капитализма и возникают в процессе борьбы рабочих против капиталистической эксплуатации труда. Родиной рабочих союзов считается Англия, где они стали возникать уже с середины XVIII века, а в XIX веке они получают распространение в большинстве стран мира. На рубеже XIX и XX веков происходит процесс политизации профсоюзного движения под влиянием социал-демократов, марксистов и анархистов. Одним из примеров этого процесса может служить история возникновения международного праздника «1 мая», когда в 1886 году на демонстрации протеста в результате провокации погубило несколько человек. Совершивший террористический акт найден не был, а по ложному обвинению было казнено четверо рабочих-анархистов. Три года спустя, на Парижском конгрессе Второго Интернационала (1889 г.), в память о казненных анархистах 1 мая был объявлен Днем международной солидарности рабочих.

В России до конца XIX века образование рабочих союзов не разрешалось – действовало лишь небольшое количество касс взаимопомощи с незначительным числом членов. На Урале и в Сибири действовали товарищества горнозаводских рабочих, основной целью которых было социальное страхование и урегулирование трудовых споров. Еще во второй половине 70-х годов XIX века усилиями народников возникают нелегальные «Юж-

нороссийский союз рабочих» и «Северный союз русских рабочих» в Одессе и Петербурге, которые просуществовали 2-3 года. С 1890-х годов в некоторых регионах России, в том числе в Петербурге и Москве, при активном участии социал-демократов стали нелегально возникать рабочие союзы. В 1904 году по инициативе священника Георгия Гапона и с разрешения властей было открыто «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга», но после известных событий 9 января 1905 года оно было закрыто.

В ходе Первой российской революции (1905-1907 гг.) по всей России возникает около ста рабочих союзов. Некоторые из них вначале были легализованы, но после поражения революции они подвергались административным и судебным преследованиям, большинство было закрыто, а часть перешла на нелегальное положение. В 1910 году в России начинается новый подъем рабочего движения и новый этап борьбы за профсоюзы и к началу 1917 года в стране не осталось ни одной отрасли, рабочие которых не стремились бы к организации своих профсоюзов.

После Октябрьской революции 1917 года и установления Советской власти уже к середине 1918 года в основном завершается период становления и выбора пути развития профсоюзных организаций. В первые годы Советской власти они сыграли важную роль в ликвидации безработицы и безграмотности, в обеспечении продовольствием и топливом рабочих и крестьян. Были созданы центральные, региональные и местные органы управления профсоюзами. В то же время в разных отраслях и в разных регионах страны эти процессы были не единовременными и отличались по формам и методам организации профсоюзной работы. Но при всем разнообразии и особенностях отраслей и регионов становление и развитие про-

фсоюзов шло под строгим контролем и руководящей роли правящей партии большевиков.

Определяя место и роль профсоюзов в системе диктатуры пролетариата, В.И. Ленин писал: «Профсоюзы являются организацией правящего, господствующего, правительствующего класса, того класса, который осуществляет диктатуру. Но это не есть организация государственная, это не есть организация принуждения, это есть организация воспитательная, организация вовлечения, обучения, это есть школа, школа управления, школа хозяйничанья, школа коммунизма» [6, с. 203]. Руководствуясь этой установкой своего лидера, партия большевиков в острой борьбе с различными оппозиционными группировками в решениях ряда своих съездов (VIII-XI) определила задачи профсоюзов в государственном, хозяйственном и культурном строительстве, выработала основные формы и методы партийного руководства профсоюзами. В частности в резолюции X съезда РКП(б) (1921 г.) было подчеркнуто: «Задача того полумиллиона членов нашей партии, которые в данное время являются членами профессиональных союзов, заключается в том, чтобы долгой, терпеливой и настойчивой воспитательной работой, личным примером, организаторскими способностями, хозяйственной умелостью, заботой о материальных и духовных интересах трудящихся масс полностью завоевать на сторону нашей партии те миллионы беспартийных рабочих, которые в данное время преобладают в профессиональном движении» [4]. Эти установки были положены в основу деятельности местных партийных организаций по руководству профсоюзами.

Кавказское бюро ЦК РКП(б) направило усилия молодых парторганизаций Северного Кавказа на усиление руководства профсоюзами, активную работу в них коммунистов, на правильное построение своих взаимоотношений с ними. В своем циркуляре «О взаимоотношениях между партийными и профсоюзными организациями» Кавбюро ЦК обязало партийные комитеты на местах обратить особое внимание на создание в профсоюзах партийных фракций, через которых они должны руководить деятельностью профсоюзов, добиться того, чтобы все члены партии, работающие на предприятиях и в учреждениях, были членами профсоюзов и принимали самое активное участие в их деятельности [11].

После организационного оформления в начале 1921 года областных и окружных парторганизаций Северного Кавказа они энергично взялись за налаживание работы своих профсоюзных организаций. В частности, 1-ая Горская областная

конференция профсоюзов в мае 1921 года проанализировала состояние профсоюзов в республике, определила их основные задачи на ближайший период, избрала областной Совет профсоюзов [12]. Партийные и профсоюзные органы Горской республики провели большую работу по учету членов профсоюзов, вовлечению в них большей части рабочих. К середине 1923 года профсоюзы Горской республики объединяли около 12 тысяч человек, из которых 96 процентов работали на предприятиях и в учреждениях. В Грозненском округе к этому времени было более 23-х тысяч членов профсоюзов, из которых около 98 процентов работало на промыслах, заводах и других предприятиях. Наиболее крупными из грозненских профсоюзов были: союз горнорабочих – около 11 тысяч, союз строителей – около 6 тысяч, союз железнодорожников – почти 2 тысячи [16]. В семи из тринадцати грозненских профсоюзов были созданы партийные фракции. Был проведен съезд профсоюзов округа, укомплектован рабочий аппарат профсоюзных комитетов.

Профсоюзные организации Ингушетии и Чечни в первый период их формирования были сравнительно небольшими. Объяснялось это незначительной долей рабочих и служащих в общем составе населения этих областей. Так, в Ингушетии после ее выделения в самостоятельную автономную область и моменту созыва 1-го съезда профсоюзов области (октябрь 1924 г.) на предприятиях и в учреждениях области работало чуть более 1 тысячи человек, из которых членами профсоюзов являлось почти 900 человек. По мере развития промышленного производства в области росла численность рабочих и число членов профсоюзов. К концу 1925 года численность рабочих и служащих в Ингушетии возросла до 2,5 тысяч человек, из них членами профсоюзов являлись почти 2200 человек [10]. А к концу 1926 года число членов профсоюзов Ингушетии возросло до 2800 человек [18].

В Чечне до 1924 года не было единого выборного руководящего профсоюзного органа. Юго-Восточное бюро ЦК РКП(б) в марте 1923 года приняло решение о создании в Чечне областного организационного бюро профсоюзов. Из 2,5 тысяч рабочих и служащих Чечни членами профсоюзов в это время являлись лишь чуть более 900 человек. Оргбюро профсоюзов Чечни за короткое время провело большую работу по подготовке съезда профсоюзов области, который был созван в июне 1924 года. Он рассмотрел организационные вопросы, определил задачи по вовлечению в профсоюзы трудящихся области, избрал област-

ной совет профсоюзов [9]. Облсовпроф Чечни сразу занялся учетом членов профсоюзов, вовлечением в них всех рабочих и служащих области, организацией низовых профсоюзных ячеек. Уже к началу 1925 года в 6-ти профсоюзах Чеченской области состояло около 2-х тысяч человек, объединенных в 60-ти профсоюзных ячейках [13].

В условиях Ингушетии и Чечни при малочисленности промышленных рабочих очень важно было вовлечь в профсоюзы сельхозрабочих и батраков. Сложность этой проблемы состояла в том, что батрачество в регионе носило скрытый характер и установить его численность было достаточно сложно. Так, по неполным данным к началу 1925 года в Чеченской области было более 3-х тысяч батраков, но на учете в профсоюзах из них состояло только 650 человек [1]. Поэтому профсоюзные органы при поддержке партийных организаций вели работу по выявлению, учету и вовлечению в профсоюзы батраков и сельхозрабочих. Это позволило обеспечить значительный рост численности профсоюзов области. К середине 1927 года в Чечне уже было около 6,5 тысяч членов профсоюзов [2]. В профсоюзах Ингушской области к концу 1928 года состояло около 4,5 тысяч человек, из которых 2/3 работало в деревне, что свидетельствует о серьезной работе, проведенной в области по вовлечению трудящихся деревни в ряды профсоюзов [7].

Профессиональные союзы региона при поддержке партийных организаций вели большую организационно-массовую и культурно-воспитательную работу среди населения, одной из форм которой являлась клубная работа. Они стремились сделать рабочие и профсоюзные клубы центрами пропагандистской и воспитательной работы, охватить этой работой возможно большее количество рабочих и служащих. Так, в Грозненском округе к концу 1924 года членами 18-ти клубов являлись 4200 человек, или около 20-ти процентов членов профсоюзов округа. Помимо этих клубов в Грозном работало 34 красных уголка, которые также играли важную роль в воспитательной работе [3].

Культурно-воспитательная работа в клубах проводилась в форме лекций, бесед, тематических вечеров, вечеров вопросов и ответов, концертов, спектаклей, киносеансов. О размахе этой работы говорят хотя бы такие факты – за 6 месяцев 1924 года в рабочих клубах Грозного было проведено более 600 различных массовых мероприятий, которыми было охвачено более 170 тысяч человек. Другой важной формой клубной работы являлись различные кружки, в которых было занято

около 2,5 тысяч человек. Кроме того, в рабочих и профсоюзных клубах и красных уголках было создано 40 библиотек с общим книжным фондом в 30 тысяч книг. Постоянными читателями этих библиотек являлись более 6-ти тысяч человек [3].

Большое внимание уделялось созданию подготовленного и работоспособного профсоюзного аппарата. Для работы в профсоюзных органах направлялись опытные партийные работники, которые вместе с профсоюзным активом работали в массах по реализации директив партии на местах. К 1925 году партийным организациям удалось послать на профсоюзную работу значительное количество коммунистов. Так, в Грозненском округе на 1 апреля 1925 года из 146 человек выборного актива отраслевых профсоюзов 92, или более 60-ти процентов, являлись коммунистами. В профсоюзные комитеты низовых организаций было избрано 305 человек, из которых более половины являлись членами партии [14].

Развитию демократических начал в деятельности профессиональных союзов, усилению борьбы с бюрократизмом в профсоюзной работе, укреплению профсоюзных организаций и улучшению их качественного состава способствовал переход к индивидуальному добровольному членству в профсоюзах, который осуществлялся с 1922 года по решению XI съезда РКП(б). Эти установки были развиты и конкретизированы в решениях XIV Всесоюзной партийной конференции и Октябрьского (1925 г.) Пленума ЦК РКП(б) [5]. На основе этих установок 5-я Грозненская окружная партийная конференция (ноябрь 1925 г.) потребовала не допускать мелочной опеки над профсоюзами, при принятии любых решений по профсоюзной работе учитывать мнение своих фракций в них, постоянно заниматься подготовкой и выдвижением на профсоюзную работу беспартийных активистов [15].

Последовательное проведение в жизнь этих решений вело к улучшению работы профсоюзов в массах, демократизации внутрисоюзной жизни, количественному и качественному росту профсоюзного актива, что подтверждается приводимой ниже таблицей.

Из таблицы видно, что всего за один год профсоюзный актив Грозненского округа увеличился на четверть и в основном за счет рабочих. Значительную часть профсоюзного актива составляли коммунисты. Рост числа женщин в профсоюзном активе свидетельствует об успехах, достигнутых в деле привлечения женщин к активной общественной жизни. В Ингушской и Чеченской автономных областях также достаточно успеш-

Рост профсоюзного актива Грозненского округа в 1926-1927 гг. [19].

Таблица 1.

Годы	Весь проф-актив	Из них рабочих	Служащих	Членов ВКП(б)	Членов ВЛКСМ	Беспартийных	Мужчин	Женщин
1926	4726	3287	1439	1068	205	3453	3793	933
1927	6311	4379	1932	1141	216	4954	4991	1320

но решались задачи совершенствования работы профсоюзов в целом, в создании работоспособного профсоюзного аппарата и укрепления в них партийных фракций. Эти вопросы постоянно находились в центре внимания областного и окружных комитетов партии. К началу 1927 года в составе низовых профсоюзных органов Ингушетии (профсоюзные и местные комитеты, профуполномоченные) было почти 15 процентов коммунистов. В целом же в руководящих органах массовых общественных организаций области из 1064 работников 127, или 12 процентов, являлись членами партии. Оценивая эти цифры, нужно иметь в виду, что в областной партийной организации Ингушетии к этому времени было всего 508 членов и кандидатов в члены партии [8].

Объединение Чеченской области с Грозненским округом в конце 1928 года и соответствующее слияние профессиональных союзов области и округа сыграло важную роль в оживлении профсоюзной работы в Чечне, подняло ее на ка-

чественно новый уровень. Общая численность профсоюзов объединенной Чеченской области составляла к этому времени свыше 37 тысяч человек [17]. Через свои уже достаточно развитые профессиональные союзы грозненские рабочие вникали в хозяйственную, политическую и культурную жизнь чеченской деревни, активно помогали чеченскому крестьянству быстрее и прочнее стать на социалистический путь развития.

В последующие годы по мере количественного роста и качественного укрепления самих партийных организаций национальных областей Северного Кавказа последовательно улучшалось их руководство деятельностью профессиональных союзов. С каждым годом росло число коммунистов, работающих в профсоюзах, увеличивался количественно и улучшался качественно профсоюзный актив. Профсоюзы охватывали своим влиянием подавляющее большинство трудящихся и все активнее решали задачу вовлечения масс в процесс социалистического строительства.

Список литературы

1. Грозненский рабочий, 1925, 4 марта.
2. Грозненский рабочий, 1927, 15 ноября.
3. Грозненский рабочий, 1924, 26 ноября.
4. КПСС в резолюциях и решениях..., т. 2. С. 230.
5. КПСС в резолюциях и решениях..., т. 2. С. 321, т. 3. С. 235-238.
6. Ленин В.И. Полное собрание сочинений, т. 42. М., 1963. С. 203.
7. Материалы к отчету Ингушского областного комитета ВКП(б) 5-й областной партконференции. Владикавказ, 1929. С. 35-38.
8. Материалы к отчетному докладу Ингушского областного комитета ВКП(б) 3-й областной партконференции. С. 69-70.
9. Нефтерабочий, 1924, 20 июня.
10. «Отчет о работе обкома ВКП(б) Ингушской автономной области за 1924-1925 гг.», разд. 6. С. 2.
11. Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ), ф.17, оп.12, д. 202, л. 39.
12. РГАСПИ, ф. 17, оп. 13, д. 281, л.181.
13. РГАСПИ, ф. 17, оп. 16, д. 1024, л. 46.
14. РГАСПИ, ф. 17, оп. 16, д. 888, л. 101
15. РГАСПИ, ф. 17, оп. 16, д. 909, л. 27-29
16. Розов З. Профсоюзы на Юго-Востоке, Ростов-на Дону, 1924. С. 8-12.
17. Саидова Х.Ю. Профсоюзы Чечено-Ингушетии в период восстановления и реконструкции народного хозяйства (1921-1932гг.). Грозный, 1973, с. 74.
18. Сердало, 1926, 27 октября.
19. Таблица составлена автором по данным: Год работы Грозненского комитета ВКП(б). Грозный, 1927. С. 64.

Матиев Магомедбашир Адамович, к. филол. наук
Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева
Ингушский государственный университет
г. Магас, Республика Ингушетия

Д.Д. МАЛЬСАГОВ И ИНГУШСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Аннотация. В статье говорится о творчестве Д.Д. Мальсагова как фольклориста. Он был одним из тех, кто стоял у истоков зарождения ингушской фольклористики, внес неоценимый вклад в дело записи, популяризации и изучения ингушского фольклора.

Ключевые слова: Дошлуко Мальсагов, ингушский фольклор, нартский эпос, Арамхи, ингушские песни, переводчик.

Дошлуко Дохович Мальсагов (1898-1966) был, как известно, выдающимся лингвистом, литературоведом, педагогом, поэтом и драматургом. Менее известен профессор Д.Д. Мальсагов как фольклорист. Между тем он был одним из тех, кто стоял у истоков зарождения ингушской фольклористики, внес неоценимый вклад в дело записи, популяризации и изучения ингушского фольклора.

Д.Д. Мальсагов родился в селе Гамурзиево в семье прапорщика русской армии, ветерана русско-турецкой войны 1877-1878 г. Данный факт помог ему, как сыну ветерана, получить образование в царской России. В 1918-1920 г. он принимает активное участие в Гражданской войне, дважды (под Долаково и Насыр-Кортом) был ранен. Научной деятельностью Д. Мальсагов начал заниматься, еще будучи студентом. После окончания Северо-Кавказского (Горского) государственного педагогического института (г. Владикавказ) был оставлен там же ассистентом кафедры языкознания, работал ученым секретарем Ингушского НИИ краеведения во Владикавказе. Преподавал он не только во Владикавказе, но и в вузах Ростова-на-Дону, Грозного и Фрунзе.

За монографию «Чечено-ингушская диалектология и пути развития чечено-ингушского литературного (письменного) языка» ему в Институте востоковедения АН СССР была присуждена ученая степень кандидата филологических наук. В дальнейшем он становится первым профессором из числа ингушей.

В тридцатых годах во Владикавказе и Ростове-на-Дону выходит ряд работ Д.Д. Мальсагова, посвященных ингушскому фольклору. Некоторые из них давно стали библиографической редкостью и, к сожалению, недоступны или труднодоступны для современных исследователей.

В названной выше монографии автор приводит ряд важных выводов и предложений, касающихся проблемы записи и изучения ингушского

фольклора. Они, как справедливо пишет Д.Д. Мальсагов, должны помочь, в том числе, и в изучении ингушского языка. Интересно анализирует автор, в частности, вопрос о причинах и условиях деградации жанра героико-эпических песен.

Анализируя в статье «Ингушская литература» [1] творчество Т.Д. Бекова, Х.-Б. Муталиева, С.И. Озиева, Х.С. Осмиева и других ингушских писателей, Д.Мальсагов призывает их шире использовать в своем творчестве достижения ингушского фольклора. «Изучение языка, стиля, формы народной словесности, – пишет он, – поможет ингушской письменной литературе в овладении родным языком и создании высших форм литературного творчества... Узнать, что поют и какие запросы к словесности имеют трудящиеся и на основе этого знания дать им такие художественные произведения ... (которые будут им – М.М.) понятны и близки... – это задача сегодняшнего дня ингушской литературы» [1, с. 101]. При этом автор ставит в пример начинающим писателям и поэтам Тембота Бекова, который, по его словам, избрал в своем творчестве форму народного стиха и избежал этим «ошибки многих поэтов, старающихся втянуть свой стих в ямбы, хореи, анапесты, вообще в формы тонического стихосложения, несвойственного ингушскому языку» [Там же]. Призывая ингушских писателей и поэтов «учиться у устной народной словесности», Д. Мальсагов приводит примеры того, как творчески использовали достижения фольклора известные русские писатели, включая А.С. Пушкина. Далее он пишет: «Собственно, за примерами не надо было ходить в русскую литературу. Стоит сравнить только творчество Бекова с творчеством остальных наших поэтов. Стихи Бекова в ингушской литературе не выделяются ни строгим размером, ни богатством рифмы, ни интересной фабулой. Наоборот, они в этом иногда даже уступают стихам других авторов. И, несмотря на это, стихотворные произведения Бекова пользуются

большой популярностью и охотно заучиваются наизусть в наших школах. Это объясняется тем, что они приближаются к стихам устной народной словесности, приближаются к национальной форме... Творчество Бекова показывает, как много оно выигрывает при попытке использовать возможности устной поэзии. Поистине нашим поэтам есть чему поучиться у фольклора. Каринность описания, меткая обрисовка характеров, смелые эпитеты и метафоры и, наконец, богатство мысли при сжатости изложения – особенности стихов ингушской устной поэзии» [Там же].

В подтверждение своих слов Д. Мальсагов приводит ряд примеров, в которых «слышится сильное влияние образного языка народной словесности», в том числе и отрывок из ставшего хрестоматийным стихотворения Тембота Бекова «Две эпохи» [2]:

Если нет на небе туч,
Не пойти дождю.
Если сердце без тоски,
Не заплачет глаз.

Будучи прекрасным знатоком ингушского языка и фольклора, Д. Мальсагов убедительно опровергает вывод Н. Яковлева об исчезновении в Ингушетии ингушских песен и замене их чеченскими. «Последнему утверждению противоречат печатаемые Ингушским научно-исследовательским институтом ингушские песни, собранные Измайловым», – пишет Дошлуко Дохович в статье «О едином чечено-ингушском литературном языке» [3]. Более того, говоря об институте исполнителей ингушских героико-эпических песен, Д. Мальсагов отмечает, что был целый род Бисыркоевых, славившийся как прекрасные исполнители музыки и песен [4]. Справедливости ради следует отметить, что к приведенному выше неверному выводу Н.Ф. Яковлева, ученого, стремившегося быть объективным и честным, могла подтолкнуть ничем не оправданная «мода» некоторых исполнителей использовать в ингушских песнях обильное количество чеченизмов.

Некоторые положения и выводы, сделанные Д. Мальсаговым в тридцатых годах прошлого века, остаются и сегодня более чем актуальными. В статье «К постановке изучения чечено-ингушского фольклора» [5] он пишет: «В настоящее время перед всей ингушской общественностью стоит актуальная задача – развитие ингушского языка – языка, в основном сложившегося в эпоху дородового и родового строя и поэтому не отвечающего тем колоссальным запросам, которые предъявляют к нему классовые интересы трудящихся в эпоху построения социализма. Коротко

говоря, задача сводится к созданию литературного языка... Литературный язык должен быть воспринимаемым, понятным, родным для трудящихся». Далее автор приходит к замечательному выводу, который при всей своей очевидности сплошь и рядом игнорируется, причем – не только в Ингушетии, но и, кажется, во всем мире: «Если же нужно изучать и развивать язык, то как можно при этом проходить мимо фольклора, т.е. суммы языковых богатств, накопленных устным народным творчеством во всей его истории? Ведь фольклор есть все, что имеется наиболее красочного, картинного и богатого в языке. Фольклор – поэзия и проза народного языка. И, конечно, тот, кто захочет овладеть языком, понять его богатство и структуру, все законы, все особенности его, должен изучить фольклор» [5, с. 60].

Как верно указывает Д. Мальсагов, для нас фольклор имеет большое значение не только в деле изучения ингушского языка и создания ингушской литературы, его знание необходимо и при изучении истории Ингушетии. Кроме того, он и сам по себе имеет большую художественную ценность. «Фольклор, – отмечает Д. Мальсагов, – часто сохраняет в себе те пережитки в языке, которых уже в разговорном языке не существует. В еще неопубликованных записях Измайлова (имеется в виду Дзарахмет Измайлов, записавший в двадцатых годах прошлого века ряд ингушских народных песен; позже они были опубликованы в сборниках ингушского фольклора (см.: «Вайнаьха багахбувцам», Владикавказ, 1932 и др. издания) есть целый ряд оборотов и слов, совершенно необъяснимых на основе данных современной разговорной речи ингушей. А если мы ознакомимся с детскими считалками, то они, с точки зрения современного ингушского разговорного языка, являются бессмысленными, хотя достоверно известно, что в основе их лежит определенный смысл» [5, с. 60].

Это, конечно, не значит, что мы должны замыкаться в родовой башне и «своем» фольклоре, наоборот, автор статьи предостерегает от этого, призывает «заимствовать достижения передовых народов». Он пишет также о необходимости изучения фольклора других народов: «Для истории бесписьменных народов... язык народа и его фольклор являются часто главным источником освещения его прошлого... Произведения фольклора могут пролить яркий свет на различные моменты истории. Сопоставляя произведения устного народного творчества чеченцев и ингушей с творчеством других народов, устанавливая между ними связь, прослеживая пути и этапы

распространения «странствующих сюжетов», мы можем выяснить очень многое из неизвестного прошлого» [9].

В двадцатых – тридцатых годах прошлого века остро стоял вопрос написания учебников для ингушских школ. Авторы таких учебников подчас пренебрежительно относились к произведениям фольклора. «Нашим авторам, – пишет по этому поводу Д. Мальсагов, – не приходит в голову обратиться к фольклору, хотя в нем они могли бы найти доступный детям материал из эпохи гражданской войны ... и т.д. Наконец, фольклор даст целый ряд рассказов про животных, рассказов интересных и поучительных для советских школьников» [Там же].

Один из главных выводов этой статьи сводится к тому, что всю работу по фольклору нужно проводить планомерно, вовлекая в нее всю общественность в первую очередь деревенскую интеллигенцию.

Интересно, что уже в то время автор обращает внимание на необходимость научного изучения ингушского нартского эпоса, который, по его мнению, должен стать в ряду с «величайшими памятниками человеческого гения» [5, с. 62]. Как известно, вопрос о нартском эпосе среди кавказских фольклористов до сих пор считается одним из наиболее сложных. Д. Мальсагов не только сам интересовался этой проблемой, но и всячески помогал молодым исследователям этого жанра. В письме к Ахмету Мальсагову, в то время – начинающему ученому, он пишет, что ингушские нартские сказания когда-то пелись. «... Это типические произведения, когда-то имевшие ритмический строй; их пели и рассказывали. Сказание о Колой Канте, сказание о Кинда Шоа, о Хьамсара Альбике имели ритмический строй, они пелись, а не рассказывались. Как это доказать?»

1. Содержание их сложное, а не простое, как у сказок. В них много устойчивых выражений, эпитетов, сравнений и т.п. изобразительных средств, свойственных ритмическим сказаниям.

2. Упрощение строя, утрата многих поэтических особенностей, утрата ритма естественны, наблюдаются и сегодня, если ритмическое произведение не поется, а рассказывается, то оно становится сказкой, героическим преданием или чем-либо в этом роде» [6, с. 403]. Проблема, как известно, остается актуальной до сих пор.

В тридцатых годах большой резонанс, причем не только в Ингушетии, вызвал роман Льва Пасынкова «Тайпа». Роман этот, в котором ингушский народ поливался грязью, переиздавался несколько раз многотысячными тиражами в

центральных издательствах. Это произведение, по словам Д. Мальсагова, вызвало «страстный протест со стороны общественности того народа, к которому оно относится» [7, с. 40]. Особое возмущение вызывал тот факт, что в центральной печати («Литературная газета» от 5-го января 1934 года, «Правда» от 5-го мая 1935 года и др.) появилось несколько положительных отзывов на этот грязный пасквиль. На его основе даже собирались снять художественный фильм.

Д. Мальсагов, приводя массу примеров из жизни и фольклора ингушей, подверг книгу Л. Пасынкова жесточайшей критике. Первой ошибкой автора этого романа Д. Мальсагов называет то, что «в его «Тайпе» нет тайпы». Другими словами, Л. Пасынков написал книгу якобы об особенностях ингушского клана (рода, фамилии), не имея представления о том, что же такое ингушский клан. В связи с этим Д. Мальсагов подробно, доходчиво, со знанием дела объясняет русскоязычному читателю, что такое ингушский тайп, род, клан, фамилия.

Один из героев романа Атигов имеет огромные виноградные плантации в Арамхинском ущелье, что уже, мягко говоря, неправдоподобно. Кроме того, он является жестоким помещиком, который делает со своими слугами, т. е. представителями других ингушских тайпов все, что ему заблагорассудится. Вот как ведет себя один из слуг: «... Слуга Цогол ползает у ног господина, он говорит ему: «Я собака, твоя собака, собаку пинают, когда сердятся на господина». Атигов вызывает к себе другого ингуша и приказывает ему отдать в нукеры своего сына.

Другая героиня романа, Амина, «... родилась в конюшне, таков обычай этой страны». Автор где-то выискал «женскую половину кладбища». Человеку, мало-мальски знакомому с ингушами и Ингушетией, трудно не только комментировать, но даже читать всю эту несурезицу. «Таких бессмысленностей, – пишет Д. Мальсагов, – в романе Л. Пасынкова так много, что для перечисления их пришлось бы выписать, по крайней мере, одну треть романа. Все же считаем нужным указать, что Амина не могла быть ни змеиного, ни оленьего рода, потому что, вопреки утверждению Пасынкова, ни один ингушский род не ведет свое происхождение от змей, шакалов, оленей и прочих животных...» [6, с. 43].

Автор романа выводит ингушей, людей, создавших неповторимую башенную культуру, ленивыми дикарями. «Это тех тружеников, – пишет в связи с этим Д. Мальсагов, которые обрабатывали каждый кусочек земли и которые еще в недалеком

прошлом только благодаря каторжному труду не вымерли с голоду» [Там же].

Не нужно быть большим знатоком нашего края, чтобы не возмутиться другой грубой ошибкой Л. Пасынкова – о положении горянки. Его героини то вовсе не считаются с мнением мужа, то являются в его руках бессловесным товаром. «Но беда в том, что ничего подобного в Ингушетии произойти не могло! ...Прямой купли и продажи женщины в Ингушетии не происходило. Если за Атигова выдали бы девушку даже из самого заурядого рода, ему никогда не простили бы не только убийства ее, но и даже увечья. Несмотря на бесправие женщины, присутствовавшие на базаре посторонние люди никогда не позволили бы обидеть Амину или старуху, как это выведено в романе, – говорит Д. Мальсагов о положении ингушской женщины, – ...для посторонних она (женщина) священна, посторонний никак не мог безнаказанно обидеть ее» [Там же]. Горянка была, конечно, бесправной, но автор романа не заметил особенностей, своеобразия этого бесправия.

Самым большим дефектом романа «Тайпа» Д. Мальсагов совершенно справедливо называет неверное изображение участия ингушского народа в Гражданской войне. По Пасынкову выходит, что ингуши поголовно воевали против советской власти. В действительности же, и это признают не только друзья ингушского народа, но и его недруги, ингушские партизаны сыграли решающую роль в деле установления советской власти на всем Северном Кавказе. В статье Д. Мальсагова приводятся убедительные доказательства этого.

Был подвергнут критике и псевдофольклорный материал, приведенный в книге Л. Пасынкова [8]. Для такого прекрасного знатока ингушского фольклора как Д. Мальсагов не составило особого труда доказать, что приведенные в романе песни невозможны в Ингушетии «ни по форме, ни по содержанию».

Статья «О некоторых непонятых местах в «Слове о полку Игореве» [9] является одной из самых известных работ Д. Мальсагова. Она получила высокую оценку известных советских ученых, включая академика Д. Лихачева, профессора Л. Булаховского и других. Подчеркнем, что именно прекрасное знание ингушского языка и фольклора позволило Д. Мальсагову сделать ряд научных открытий, связанных со «Словом...». Для иллюстрации этой мысли ограничимся одним примером, возможно, и не самым удачным. «Расшифровывая» одно из непонятых слов, а именно – женское имя Хоты, автор убедительно доказывает, что оно является ингушским по про-

исхождению и переводится как «посвященная» или «суженая». Он пишет, что до середины 19-го века ингуши посвящали покойнику жену и коня, которые, по поверьям, должны принадлежать ему на том свете. «...Будет принадлежать покойному и женщина, если даже она и выйдет еще раз замуж за другого, – пишет Д. Мальсагов, – ...Однажды к Хамбору за советом обратился один ингуш. Он должен был разделить с двумя братьями; все братья были женаты, но он – старший брат – взял жену покойного самого старшего брата, и его женитьба не вызвала никаких расходов, женитьба же младших братьев обошлась очень дорого. При делении общего имущества младшие братья не захотели учесть расходы на свои свадьбы, ссылаясь на то, что все три брата женаты и нечего считать убытки на женитьбы».

Хамбор ответил так: «Скажи своим братьям: мы все умрем. Ручаетесь ли вы, что на том свете наш старший брат не отберет у меня свою жену, ведь она его хоти (цунна хетая)? Вы, все братья, на том свете будете с женами и только один я – без жены».

Младшие братья, услышав такое рассуждение, согласились выделить старшему брату средства на женитьбу, чтобы он на том свете не остался холостым» [9, с. 115].

Поэма Д. Мальсагова «Арамхи», давно вошедшая в школьные учебники по ингушской литературе, написана на фольклорной основе. Прекрасно владея обоими языками, русским и ингушским, он был замечательным переводчиком. Им переведены на ингушский язык произведения М. Горького, И. Крылова, М. Лермонтова, Н. Гоголя и других русских и советских писателей. На высоком уровне переведены им на русский язык и ингушские народные песни, записанные Д. Измайловым. Во всех его переводах чувствуется фольклорный «дух», фольклорный язык, прививается любовь к народному языку. Много и со знанием дела записывал Д. Мальсагов и сами фольклорные произведения, большинство которых также вошло в школьные учебники и с удовольствием заучивается детворой.

Приведенные выше примеры показывают, что Д. Мальсагов был прекрасным знатоком ингушского языка, фольклора, культуры и истории. Это помогло ему стать выдающимся ингушским фольклористом, лингвистом, поэтом и переводчиком. Трудно переоценить роль и значение того огромного вклада, который внес Дошлуко Дохович Мальсагов в развитие ингушеведения, в том числе и в развитие ингушской фольклористики.

Список литературы

1. Мальсагов Д.Д. Ингушская литература // Журнал «Революция и горец», Ростов-на-Дону, 1933, №1-2. С. 97-103.
2. Беков Т. Избранное (на инг. яз.). Грозный, 1973. С. 17.
3. Мальсагов Д.Д. О едином чечено-ингушском литературном языке // Журнал «Революция и горец», Ростов-на-Дону, 1933, №5 (56). С. 32-38.
4. Мальсагов Д.Д. Современное состояние искусства в Ингушетии // Журнал «Революция и горец», №2-3, Ростов-на-Дону, 1932. С. 100.
5. Мальсагов Д.Д. К постановке изучения чечено-ингушского фольклора // Журнал «Революция и горец», Ростов-на-Дону, 1933, №5(56). С. 58-64.
6. Мальсагов Д.Д. Избранное. Нальчик. 1998. 502 с.
7. Мальсагов Д.Д. Этнография ингушей в романе Л. Пасынкова «Тайпа» // Дошлуко Дохович Мальсагов «Избранное», Нальчик, 1998. С. 40-45.
8. Мальсагов Д.Д. Пасынкова «Тайпа» яхача романах// «ЦIе сийгаш» яха гIалгIай говзамеча йо-азоний сборник. Орджоникидзе, 1931 С. 75-77. Цит.: Дошлуко Дохович Мальсагов. Избранное, Нальчик, 1998. С. 214.
9. Мальсагов Д.Д. О некоторых непонятых местах в «Слове о полку Игореве» // Известия ЧИНИ-ИИЯЛ, Грозный, 1959. Т. 1, вып. 2.

Матиев Магометбашир Адамович, к. филол. наук

*Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева
Ингушский государственный университет
г. Магас, Республика Ингушетия*

Хамхоев Руслан Магомедович, аспирант
*Ингушский государственный университет
г. Магас, Республика Ингушетия*

ГIАЛГIАЙ ТУРПАЛА-ЭПИЧЕСКИ ИЛЛЕЙ СЮЖЕТАШ

Аннотация. В статье говорится об основных сюжетах ингушских героико-эпических песен. Речь в них идет о борьбе эпических героев против эпических врагов.

Ключевые слова: фольклор, ингушские песни, эпический герой, эпический враг, сюжет, героизм.

ДукхагIдолча гIалгIай турпала иллей сюжета-таш шойла тара я: турпалхочоа шийна, цун дезала е юрта цхьа боккха бала е сагото тIаотт, турпалхо майрра тIема тIа вода, моастагIий эшабу, дийна вус е ла, шоззе а котваьннав из [1]. Цу тайпара йола схема тара я кхыча халкхий эпосашка йолаш йолчоа, хIана аьлча, цигача а дувц турпала гIулакхаш, уж цхьан хIаман тIагIолла де дезаш а да, латар-тохар ца хилча далац цу моча метте.

ХIаьта а нийса хургдацар иллеш еккъя схема йолаш да аьлча, хIара илли ший тайпара белгалонаш йолаш да. Масала, цхьадолча иллешка турпалхоша шоаш лех турпала гIулакх (тIема, феса вахар), е кхыча иллешка турпалхо тIем тIа ваха дага а вац, бакъда цунна гонахьа болчар (нанас, езаца йоЮ, новкъосташа...) цу тIем тIа гIо яхаш ца вуташ вода из [3].

Илли яха жанр шийца йолаш я дукха яьржа йола вариативность: сюжет цаI яле а, цу сюжетах дола илли хила йиш я дукха вариантш йолаш. Канон а хинна, вешта аьлча, чулоацами дIаалара куци хувца йиш йоацаш чIоагIбеннаи, дIаэтта цхьаккха илли дац. Цох хьагуш да илланчаш шоай мукъах хинна хилар, царех хIаравар шийгара хIама тIатоха а тIерадаккха а йиш йолаш хинналга.

ДIаяздаьча иллеех гуш да цхьатарра долаш ши илли царна юкье доацаш хилар, хIана аьлча, вариантш дукха хул цар, моллагIча багахбувцама произведена санна.

Дукха монологаша диалогаша хул иллешка. Турпалхочоаи моастагIчоаи юкье йола диалог айхьаза ваьннача, эгIазвахача шин саго деш дола къамаьла тара хул. Кхыча тайпара хул из

турпалхочо наьнаца е новкъосташца къамаъл деча хана. Бахача наха юкъе хила йиш йоаца диалогаш а нийслу турпала-эпически иллешка, масала, вlаший тlом дlаболабалалехъа турпалхочои моастагlчои вlаший дlай-хъай къамаъл ду, кхыметтале ду цхъацца хаттараш а. Салам луш хул, йоlага а, кхыметтале, Тиркага е говрага [3]. Ший говраца дагавулаш, къамаъл деш хул турпалхо.

Илманхоша яхачох, «Тема демократи» яхача замах кхоллаеннай турпала-эпически иллей жанр. Палгlай лоамара шаьрача ара а бувлаш, баха lохувшаш йола хала ха хиннай из. Моастагlчоа духъал отталургбола турпалхой эшаш ха хиннай. Уж хlамаш карагlдаьнна турпалхой хестабеш хиннаб цу замах. Патриархально-тайпай лоаттам кхы а боханза хиннаб цу замах. Дlахо дlайодача хана уж хоржаш хинна баьччаш кхыча, мугlарерча, нахал тlехбувла баьннаб, наха юкъе хинна нийсхо ехай. Лоам хинна тайпай лоаттам бохаш хинна зама я из [4, с. 25-26].

Къаьнагlа долча иллешка, ооламашка, ширача дувцарашка вайна бувцаш гу тайпан турпалаш, бакъда турпала-эпически иллешта юкъе цхъаннахъа а вувцаш хилац тайпан турпалхо (хъанехк тайпах е манехк тайпах ва аьнна). Из деррига хlанад, аьлча, иллешкара идеалаш цхъалхха тайпан идеалаш яц. Уж я халкъан юкъара идеалаш. Турпала-эпически иллешка дерригача халкъа эшаш дола хъашташ да хъахъокхаш хестадеши. Иллеша хеставу мискача наха гlо деш вола турпалхо, уж иллеш наха дукха дезаш хиннад царна юкъе йоккха терко мискача наха еш хиларах. Иллеша хъалхадоаккх бой, жерой, къеча наьха га [3].

Лоам гlалгlай бахача хана хlара тайпа кхотаденна дахаш хиннад, хlаьта ара юрташ lоехкача хана вlаший кхоталуш хиннаб массехкача тайпаех бола нах, цудухъа тайпан гlулакхаш lотlехъашкадувла даьннад, хъалхашкахъа дувла даьннад ерригача юрта эшаш дола (цу юрта бахаш мел болча наха) хlамаш. Уж хиннад: низ болаш хиннача кхыча халкъий аьлашца машар оттабар; аьрдагlаьнна гонахъа лелаш йола гlаьраш юхатохар; хlаьта шоаш чlоагlбенначул тlехъагlа феса ахара гlулакхаш леладар, вешта аьлча дерригача къаман юкъара хlама.

Ширагlчарех да «цlи йоаца» турпалхо вувцаш дола турпала-эпически иллеш. Малаш-б уж цlи йоацараш, аьлча, уж ба цхъаккха царех яьккха доала цlи а йоацаш, цхъалха е «жербабий воl» оалаш е «дадий воl» оалаш бараши царна тара бараши. Хъожаргда вай «Йоккхача бабий воl» яхача турпала-эпически иллешкара цхъан даькъага:

Дагавала дада воацаш,
Улув вала воша воацаш,
Елха йиша йоацаш воа
Йоккхача ва бабий
Из цаl мара воаца клант,
Ваха а ваьлар-кха
Цу юрта ловзарга.

Лоацача укх даькъах гуш да къаенна нана йоацар турпалхочун кхы цхъаккха саг ца хилар. Тайпан лоаттамца цхъаккхача тайпара товш доаца хlама да ер, хlана аьлча, тайпан замах моллагlа волча индивидуума низ боаллаш хиннаб тайпан дукхалах. «Йоккхача бабий воl» яхача укх илле тlа керттерча турпалхочун цхъоал кхы а чlоагlагlа вайна хъалхашка оттаргlолаш, дlахо хъахъоккх: цу цхъалхача кланта мерза езар а яц цунна тешаме, фос кхухъача кланташта бласаьнаш еш я из ловзарга. Нахала ше эшашагlа хеташ, чlоагlа дог деха хул из цхъалха кланат: ший «бийнача» (бохам хиннаб яхалга да из) букъа кулг хъекх цо, дог даьтгlа да цун, ког боаккхалац цунга, юхъ я цун lаьржа.

Бабийна духъалваха эхъ хеташ ше иштта клалвиса хиларах юстара яьл-цlагlа (хъаьша цlагlа) дlавахе, lаьрчча клийлен тlа керча волалу. Из мел дола хlама илле тlа аьнначул тlехъагlа, хинна бохам чlоагlбар духъа, оал: «Гила борз ва хинна, берзах ва lувгlаш, мухъ-цlогlа яьлар-кха цу бабий ва кланта». Цу цхъалхача турпалхочун керттера дега нигат хиле дlаотт фос кхухъача кланташта ше дlанийсвалар, – из ба цун керттера дагалоаттам. Хlаьта из яхъ нийсаьр духъа турпалхочо халагlдола цхъа хlама де деза, йоккха фос яь еза. Илли оолачо ший турпалхочоа къоастаду эггара халагlдар – гаьнарча гlалмакхий мехка вахар, цигара аьлан дошох диза дола тlоаргац хъадар. Гlалмакхий мохк Эдалгахъа болаш хиларахи, гаьнарча мехках вай даьша «Эдала дехъе» оалаш хиларахи ладувгlачарна хов из зlамига саг фос кхухъача клантел гаьнагlа водалга, лирагlа дола хlама цо хержалга [1].

Палгlай турпала-эпически иллеша дукхагlча даькъе гойт турпалхочун денал, дерригача къаман идеал лоархlаш хиннача турпалхочун [2]. Дукхагlдолча иллешка цу турпалхочун цlи яккхац, хlана аьлча дерригача къаман идеал ва из.

Сюжетий схемага вай хъежача, къаман турпалхо бакъвеш, моастагlий харцбеш я уж. Моастагlий блаьхий нах ба (аьлий, инаралаш). Мел дукха мара уж ца хиларах турпалхочо эшабу уж, майрагlа, денал долашагlа ше хиларах. Из я цу сюжетий керттера лейтмотив.

Список литературы

1. Антология ингушского фольклора. Т. 5. Нальчик . 2007. 439 с.
2. Далгат У.Б. К вопросу идеализации эпического героя (на материале кавказского эпоса) // Специфика фольклорных жанров. М., 1973. С. 25-37.
3. Дахкильгов И.А. Исторический фольклор чеченцев и ингушей. Грозный, 1978.
4. Мальсагов З.К. Избранное. Нальчик, 1998. 502 с.

Муталиев Аслан Мухмедович, аспирант
Ингушский государственный университет
г. Магас, Республика Ингушетия

ХЪАБНАЛЧА КЪАХЪЕГАМЦА ДАЪХЕ ХОЗЪЯРА ТЕМА МАЛЬСАГОВ ШИМОАХИЙ АХЪМАДА КХОЛЛАМЕ

Аннотация. *Статья тIа дувц Мальсагов Шимоахий Ахьмада Даъхе хозъеш воалла саг керттера турпал волаш мишта гойт. Йоазонхочо цу турпалхочун амат дуллаш лелаю метта говзалаш белгалйоах.*

Ключевые слова: *Мальсагов Шимоахий Ахьмад, турпалхо, ГалгIайче, Даъхе, дувцар, произведения.*

Беркате Даъхе, цун хоза Iалам, эзделах бизза бола нах, цар къахъегамца доаха толамаш да берригача Мальсагов Шимоахий Ахьмада кхолламах керттера долаш чакхдоалар. Автора веза турпалхо Даъхе хозъярца бувзам болаш, кхувш йоагIача тIехьенна масал луш ва. Из хул произведене цхьайолча оагIонашка йоазонхочун заманхо а, кхычахьа исторически турпал а. Цу турпалхочун гулакхех дешачо кхетаду Мальсагов Ахьмад тIехьен уйла еш хинналга.

Мальсагов Шимоахий Ахьмад литературни произведенеш язье ше волавалале, журналистикеи публицистикеи къайленаш йовзаш, дух тIа воалаш, наьха син-оамалаш, цар хьашташ довзаш дукха къахъийгад. Ший художественни кхолламе хьалхара долча «Дошлой» яхача дувцарца боаккх цо йоазонхочун хьалхара гIа.

Мальсагов Ахьмада литературни кхоллам, кхыча къамий меттала таржам даь, къаьстгача книжкаех арабийннаб хиннача Советски Союзе: казахий меттала – «Наькъахо тIаэца, никъ!» («Прими путника, дорога!») – повесть, украински меттала – «Массе хана а хало ловш вола саг» («Человек, которому всегда трудно») – роман. Иштта, доазол арахьа а бовзаш ба цун художественни кхоллам. Петера Темпеста таржам а даь, 1984-ча шера английски меттала арадаьннад Мальсагов Ахьмада «Кавказера лоамарой. Къаьнадари хIанзарадари» («Кавказские горцы. Традиции и современность») яха книжка.

Цул совгIа, Мальсагов Ахьмада цхьаццайола произведенеш арайийнай Iарбий, французий, немций, японски, польски, испански, гIаббартой, балкхарой меттала йоахаш. Йоазонхочун произведенеш эрсий меттала язъь яле а, таржам а деш дешара учебникаш тIа а хрестоматеш тIа а йоахаш, уж Iомаеш хиннай гIалгIай а, нохчий а, гIаббартой а, балкхарой а школашка. Таханарча дийнахьа, 11-ча класса дешархошта лаьрхIа долча хрестомате тIа профессора Дахкильгов ИбраьхIима таржам а даь, «Вайнаьха мохк – Нохч-ГалгIайче» яха повесть Iомаеш я.

«Бекхам» яха повести «Со цхьаь хургвац» яха пьесеи Мальсагов Ахьмада цхьа сюжет йолаш язъьий. Шиннахьа а бувцараш цхьа барттайна дезал ба: лор вола Iийсаи, цун фусам-нана Нинаи, йоI Марай. ЗIамига волаш да а венна висача Тимурах а шоай воI ваьв цар. Тимура дас ше леча хана Iийсайга дехар даь хиннадар виIийга хьажар дехаш.

Тимури Марай сийрдача вахарга сатувсаш, из духхьала иразга дода вахар хиларах догтийша бола къона турпалхой ба.

Цхьа хIама да цу кердача вахарца бахаш болча дезала сатем боабар, дега къувлар: Тимур дунен чу а валале, цун даь карах саг венна хиннавар. ХIанзалца воI кхерга хьежаш хиннача довхоша, керттера маьри дийна ца хиларах, шоай пхьа виIийга хьахъийнабар. Автора ше иштта пхьенаш лехара духьала хилар гойташ, дIахо дегIадоалладу хулашдар.

Произведене тIара турпалхой шин тайпара сакхетам болаш ба. Тимур пхьа дIатIаэца лаьрхIа вац, Мараи Нинаи цох лаьца долча къамаьла а духьала ба, хIаьта, къаман Iадаташ, уж лора ца дича хула чаккхе йовзаш ва Ийса. Цо кхетаду Тимура вахара кхерам тIалатташ хилар а, из дов тоаде дезалга а. Даьй IаьдалагIа пхьа битийта гIерт Ийса, саг Тимура кулгах венна ца хиларах, пхьена хIама дIа а денна. Ийса ше дийша, кердача заман саг вале а, ширача Iадаташцара къастанза лоархI Тимура, цудухьа даьна духьала а ва из. Иштта ба дезала юкье латта къовсам.

Пхьа битийта юкьебаьхкача къоаной аматаш дешачун теркам тIаозаш да. Уж ба Ийсай гаргара нах а юртахой а бола Бийботи Оарции. Царна юкье а латт къовсам.

Бийбот даьй IаьдалагIа дов дIадаккха гIерт. Из автора гойт хIилла йолаш, якьха, шийна цу пхьенах рузкъа даккха гIерташ. Доккхача хьаькъала да а вац из. Произведени язъяьча ханага диллача, Бийбот харц ва, цо хьалхьебеш санна латт къовсам.

«Дов Iаьдалга дала деза» яха уйла я автора произведенех чакхйоалар. Иштта хиннад цу хана Iаьдало йоазонхошта хьалхашка оттадаь декхар. Баьгда, тахан вайна ховча тайпара, вай къаманна юкье хиннаяц цу тайпара пхьа дIабаьнна моттиг, суд такха а такха цIавенав, аьнна, из тIерабалац, цудухьа дешачунна из баьхан долаш бехке хетаргвац из турпалхо.

Бийбота духьала оттадаьд Оарце амат, из ва хьаьнала къахьегамхо, дог-цIена саг. Дов Iаьдалга дIачу а денна, сага зе-зулам доацаш, нийсхонца дужаде гIерт из. Цу шин къоаночо леладер, цар гIулакхаш вIаши дистарца дешачун аьттув хул йоазонхо ала гIерттар кхетаде.

Кердача новкъа болхача Тимуреи Оарцеи толам боаккхаш гойт автора. ТIехьара Ийсас а кхетаду ширача, наха зене долча Iадаташца къовсам мишта лоаттабе беза. ВоIаи даьнеи юкье из цхьа къовсам ба – из ба идеологен къовсам. Йоазонхочо яхаш санна хеталу: «Уж зене Iадаташ наха юкьера дIадоахаргдараш ба Тимур санна бараш».

«Бекхам» яха повесть хулашдар драматически дегIадоагIаш я. Шолжа-гIалий тIа М.Ю. Лермонтова цIерагIа хиннача драмтеатро «Со цхьаь хургвац», аьнна, цIи йолаш цу повесть ларагIа язъяь хиннача пьесах лаьца спектакль оттаяь хиннай. Произведени ший ханнахьа язъяь хилар белгал а доаккхаш, спектакль езаш тIаийцай цунга хьажараша.

Мальсагов Ахьмада произведенеш тIара турпалхой деналах бизза бола нах ба, уж теш бакьдолчун, нийсачун бокьо массаза а тIаяргхиларах.

Даьшкара хьадоагIа хоза гIулакхаш, эхь-эздел, дика мел дар хьалхадоех дешачунна цу произведенеша. Ший турпалех тара хилар ловш, тIахьехам бу йоазонхочо: «Ший дувцараш тIа а, кхыча йоазонаш тIа а А. Мальсагова тIахьех вай даьшеи даьдаьшеи тIехьенна дита духовни рузкъа тахан хьаькъалца кхетадара. Адамашта юкье леладеш дола гIулакхаш, яхь, эздел тIехьенна доагIача бесса дIаIомадара» [4].

Дешачун безам тIаозаш, сакхетам лакхбеш ба Мальсагов Ахьмада кхоллам, цун журналистки балхаш а художественни произведенеш а ешаш, гуш да из говзал йоалла кхоллама болхло хинналга. «Къаьстта наьха безам тIаозаш, лакхарча говзалца язъяь хулар цун моллагIа йола публицистически очерк а, статья а, зарисовка а. ХIаьта журналиста болх барал совгIа, цо 1966-гIча шера денз язъяь арахийцар массехк говзамеча литературах йола произведенеш» [3, с. 98].

Мальсагов Ахьмада ший произведенеш язъяь эрсий меттала, цхьабаьгда, цун еррига произведенеш хьаийцача, цар чулоацам байзаца, гуш да из гIалгIай къаман йоазонхо хилар. Цу хьакьехьа Илманхочо Дахкильгов ИбраьхIима язду: «Илманхоша яхачох, ший наьна меттала яз деш а хила йиш я къаман воаца йоазонхо, нагахьа санна цо цу къаман оамалаш а, уйлаш а, дагадоахараш а цига гойта деце... Литература къаман хилара керттара белгало яц йоазонхо ше цу къамах хилари, цу меттала цо яздаь хилари. Керттарадар да къам, цун традицеш, оамалаш, дегагIозал, бала цига гойташ хилар – ший къаман дог-уйла гойташ вола йоазонхо ва из» [1].

Цун художественни кхоллама керттара турпал ва вай мохк хозбеш вола саг, цудухьа ала йиш я, из ше вахаш а къахьегаш а Москве хиннавале а, цун дег чу лаьттар дукхагIа даькъе гIалгIайче я, аьнна. Цох лаьца Илманхочо Мальсагов Абос язду: «Мальсагов Шимоахий Ахьмада цIаккха а йицлацар ший зIамига Даьхе – гIалгIайче. Цунна дика довзар ший халкъа хьалхара а хIанзара а вахар. Цо геттара гIадваха тIаэцар вай республикера мел доагIаш дола дика хоамаш, хIаьта геттара дог лазаш, халча этте хулар из вайцигара во хоам кхача» [3, с. 102].

Илманхочо Евлоева Азас ма аллара: «Мальсагов Ахьмада кхоллама белгало я цо ширача хана къаман вахарца-леларца мел хиннари хIанзарадари вIаший духьала оттадеш, душташ дувцаш хилар. Иштта оттаяьча произведене йоазонхочун аьттув боаккх ше ала гIерттар цIенагIа, дешашвар кхетаргволаш ала – из гIерт керда вахар хоастаде, нах сердалонга кхачийта» [2, с. 9].

ГалгГай мехка ваьча, ваьхача Мальсагов Шимоахий Ахьмада дика бовзаш хиннаб къаман бала, цун хьашташ, дагалоаттамаш. Цудухьа, боккхача низаца цо ший йоазонашка айю цу хана эггара бехктокхаме лоархIаш хинна темаш. Заманга, цо дIадехарашка хьежжа, дегIабооалабу ший кхоллам.

Дош лоаца долаш, уйла кIоарга йолаш да Мальсагов Ахьмада деррига йоазонаш. Уж кхоллаш, дукха метта кечалаш: эпитеташ, гипербо-

лаш, дистараш, метафораш, дийндараш юкъе дихьад цо, цул совгIа, халкъа беламе дувцараш, афоризмаш нийслу цу йоазонашка, багахбувцамах пайда ийцаб.

Ше оолаш дар книжка дешачунца къамаьл деча хьисапе, боагIача белам а бегаш а боолабеш, хила езача цIимхарал а йолаш, дег чура доагIаш оал йоазонхочо, цудухьа атта ешалуш а, сага сакхетаме лар юташ а я цун произведенеш.

Пайда ийца литература

1. Дахкильгов И.А. Личный архив.
2. Евлоева А.М. Мальсагов Шимоахий Ахьмад. Кн.: ХIанзара гIалгГай литература. Нальчик, 2012.
3. Мальсагов А.У. Заманца гIа боахаш. (Мальсагов Шимоахий Ахьмад ваь 75 шу дизарга). «Литературни ГалгГайче», 1997, №2, с. 98-101.
4. Ужахова Р.К. Керда саг ГалгГай прозе. «Сердало», 1986, 29 апреля.

Нэж Рошан, магистрант

Национальный институт восточных языков и цивилизаций (INALCO)

г. Париж, Франция

КАУЗАТИВ В ЗИЛОВСКОМ ДИАЛЕКТЕ АНДИЙСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. *В статье отмечается, что зилковский диалект является одним из неизученных диалектов андийского языка. В зилловском диалекте наличествует три каузативных стратегий. Синтаксический каузатив может примыкаться к непереходной основе, также как и переходной. При каузативизации непереходной основы, каузируемый субъект стоит в абсолютном падеже.*

Ключевые слова: *каузатив, морфосинтаксис, зилловский диалект, андийский язык, агенс, повелительное наклонение.*

Анализ каузатива вписывается в типологическом изучении морфосинтаксиса, а именно изменений валентности. Каузатив представляет собой актантную деривацию, заключающуюся в увеличении валентности глагола, а именно в введении в актантную структуру нового агенса (или в широком смысле первого актанта), который называется каузатором.

Каузатор действует над тем, что называется каузируемым субъектом, побуждая его к какому-либо действию. Замечательно, что каузатив является единственным приёмом актантной деривации в андийском языке.

Андийский язык описывали в грамматических очерках А.М. Дирр [1], Я.Г. Сулейманов [3], И.И. Церцвадзе [4] и Х.С. Салимов [2]. Зато никто из них не изучал синтаксис, а касательно каузатива эти авторы упоминали лишь самую типичную форму одной морфемы и его главную функцию.

Зилловский диалект является одним из неизученных диалектов андийского языка. В результате исследования на основе собственных полевых данных обнаружилось, что в зилловском наличествует три каузативных стратегий:

1) Синтетический каузатив

Это единственный каузатив, который описан предыдущими исследователями андийского языка. Синтетический каузатив зилловского диалекта является суффиксом *-лъ*. Эта морфема примыкается прямо к глагольной основе, которую мы назвали основой инцитатива, потому что она совпадает с формой повелительного наклонения. Первичная основа *рулI-*

Голая основа прошедшего *рулI-и* времени (/аорист)

Голая основа инцитатива (=императив) *рулI-о*
Каузатив аориста *рулI-о-лъ-и*

Согласно общим фонологическим правилам зилловского диалекта, каузативный суффикс имеет

аллофоны [-лл] в конце слога (перед суффиксом структуры CV), и [-н] в конце слога при назализованной основе.

2) Аналитический каузатив с вспомогательным б-игъи

Формы прошедшего времени глагола *б-игъвери* 'стоять, остановиться' служат в андийском языке вспомогательным глаголом, который регулярно применяется для образования разных перифрастических форм. Форма синтетического каузатива этого глагола (*б-игъольи*) означает 'остановить' и тоже используется вспомогательным, с помощью которого образуется один вид аналитического каузатива, в сочетании со смысловым глаголом в прошедшем времени или прогрессивом.

3) Аналитический каузатив с вспомогательным б-икIо

Во всех временах глагол *б-икIо* 'быть' регулярно используется вспомогательным для образования всех перифрастических форм. Его каузативная форма *б-икIольи* применяется для образования ещё одного вида аналитического каузатива. Замечательно, что в сочетании этого вспомогательного смысловой глагол тоже имеет каузативную форму на *-лъ*.

Приводятся примеры на всех видах каузатива:

Синтетический каузатив:

(1) *Ден-ни в-ельлъ-о-лъ-и Юсупи.*

я-ERG М-смеяться-INCT-CAUS-PST(AOR)

Юсуп

'Я рассмешил Юсупа'.

Аналитический каузатив на вспомогательном б-игъи:

(2) *гъене-б роъол-ди куликум-алло в-угъ-о-лъ-и.*

DEM-INAN одежда-ERG чесаться-PROG
M-stop-INCT-CAUS-PST(AOR)

'От этой одежды чешется'.

Аналитический каузатив на вспомогательном б-икIо:

(3) *Онци=ло гъедел-ди чIегу авIал*

потом=ADD DEM.OBL-ERG два орех

р-икI-о-лъ-и-й р-ихъ-о-нн-у

INAN-быть-INCT-CAUS-PST-PF INAN-ломать-INCT-CAUS-INF

'Однажды она расколола два ореха'.

С семантической точки зрения синтаксический каузатив отличается тем, что он означает прямую каузацию, основывающуюся на настоящей агентивности каузатора, тогда как аналитический каузатив может указать на более косвенную, или дистантную каузацию, не обязательно нарочно оказываемую каузатором над каузируемым субъектом.

Ср. следующие примеры:

(4) *Самира-ди в-едд-он-лъ-и-й адам.*

Самира-ERG М-смеяться-INCT-CAUS-PST-PF люди

'Самира заставила людей смеяться'.

(5) *Самира-ди в-едд-он адам в-огъ-о-лъ-и-й*

Самира-ERG М-смеяться-PST люди M-PL.
stop-INCT-CAUS-PST-PF

'Самира дала повод, чтобы люди разговаривали'.

В докладе будут обсуждаться разные условия применения той или иной каузативной стратегии, также как и их семантические различия.

Другим предметом данного исследования является синтаксис каузатива. Каузатор всегда стоит в эргативном падеже. Синтаксический каузатив может примыкаться к непереходной основе так же, как и переходной. При каузативизации непереходной основы, каузируемый субъект стоит в абсолютном падеже (см. предыдущие примеры). При каузативизации переходной основы, каузируемый субъект стоит в аффективном падеже, (который обычно используется для обозначения экспериенцера глаголов восприятия):

(6) *Ден-ни Мугъаджирати-йо*

я-ERG Мугажират-ANPL.AFF

й-акъ-о-лъ-и хIайманол.

ANPL-прогонять-INCT-CAUS-AOR баран.PL

'Я заставила Мугажират прогнать барашек'.

Все эти параметры каузатива в зилловском диалекте андийского языка исследовались методами элицитации (перевода, проверки и обсуждения предложений) и записи естественных текстов.

Список литературы

1. Дирр А.М. Краткий грамматический очерк андийского языка. Сборник материалов местностей и племен Кавказа. Выпуск 36. Управление кавказского учебного округа. Тифлис, 1906.
2. Салимов Х.С. Гагатлинский говор андийского языка. Махачкала, 1968, 2010.
3. Сулейманов Я.Г. Грамматический очерк андийского языка (по данным говора с. Риквани). М., 1957.
4. Церцвадзе И.И. Андийский язык. Тбилиси, Мецниереба, 1965.

Оцомиева-Тагирова Забихат Магомедовна, канд. филол. наук
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН
г. Махачкала, Республика Дагестан

СТРУКТУРНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ АВАРСКИХ ТОПОНИМОВ

Аннотация. Настоящая статья дополняет уже имеющиеся сведения о классификации топонимов новыми данными. Автором сделана попытка составить свою структурную классификацию топонимов территории проживания аварцев, которые представляют северное наречие аварского языка, в частности, Гергебильский, Гумбетовский, Казбековский и Хунзахский районы Республики Дагестан. Составленная классификация позволяет провести детальный анализ собранного топонимического фактического материала.

Ключевые слова: аварская топонимия, топоним, микротопоним; качественные, локативные, посессивные топонимы; структурная классификация.

Аварская топонимическая лексика представляет значительный интерес с точки зрения словообразования. Говоря о топонимическом словообразовании, мы исходим не из территориальной, а из языковой принадлежности имен. Топонимическое словообразование составляет подсистему в словообразовательной системе преобладающего языка (в данном случае северного наречия аварского языка) [6, с. 141-143; 7, с. 80-87]. Словообразование топонимов – это словообразование имен собственных. Появление каждого нового географического названия обусловлено существующими в языке определенными топонимическими рядами, морфологическими и семантическими типами, характерными для данного языка, и активными словообразовательными моделями [7, с. 80-87]. Как отмечает А.К. Матвеев, самое главное «выяснить основные принципы топонимической номинации и установить объём топонимической лексики и ее характер» [1, с. 94]. А.В. Суперанская в своих работах реализует главное понятие объекта – размер [9, с. 40]. Э.М. Мурзаев предложил деление географических названий по объектам номинации [2, с. 20]. Его позицию поддержала Н.В. Подольская [8, с. 45]. Предсказуемость или детерминированность названий на морфологическом, словообразовательном и, до определенной степени, на семантическом уровне рассматривается сегодня как одно из ведущих положений топонимики.

Исходя из приведенных выше определений топонимической системы, мы, вслед за А.В. Суперанской, приходим к выводу, что системность проявляется как в общности лексической, так и в общности формантов. Каждой топонимической системе соответствуют топонимы определенной структуры, т.е. топонимия не только системна, но и структурна. Топонимические системы отдельных регионов отличаются друг от друга в первую

очередь соотношением компонентов, а затем уже их ассортиментом [10, с. 61-62].

Значительно сложнее обстоит с классификацией топонимов по значению. В самом общем виде можно классифицировать топонимы на:

1) качественные – предметные понятийные категории, обозначающие значение качества – *Глубилал гохлазул бакI* «Оранжевых холмов местность», *Шам хIор* «Восточное озеро», *ХъахIал джундузул кIал* «Ущелье белых джинов», *Ясикулаб мегIер* «Гора Ясикулаб», *БецIулаб нохъо* «Темная пещера», *ГIуадулалгьул ицц* «Отрыгивающий родник»;

2) локативные (местные) – *МархъотIа* «На хуторе», *Чвахокъ* «Под водопадом», *ГьоцIиб* «На гумне», *Залмокъода* «Залмокода»;

3) посессивные – обозначающие принадлежность, притяжательность *Атанасилхур* «Поле Атанаса», *ГIалидирасул гьо* «Мельница Алидибира», *Барин гохI* «Холм Барин» [5, с. 121-123].

В настоящее время топонимия функционирует на всем пространстве России. В районах проживания коренных народов она существует параллельно с топонимией этих народов, уступая свои позиции в микротопонимии.

Исследуя собранный топонимический материал Гергебильского, Гумбетовского, Казбековского и Хунзахского районов, автор пришел к выводу, что структурная классификация топонимов, предполагает выделение трех основных классов [5, с. 121-123]:

1. Простые названия, состоящие из одного слова: *Буцрахъ* «Буцрах», *ГьоцIиб* «На гумне», *Жудерак* «Жудерак», *Квараб* «Квараб», *Квасукъ* «Квасутль», *Курмиб* «Курмиб», *Кунзахъ* «Кунзах», *Къварилгъухъ* «Где узкий проход», *Къолосада* «Колосада», *Лолдухъ* «На гумне», *ЛъагIари* «Тлагари», *МархъотIа* «На хуторе», *МухIнатIа* «Мухната», *НатIаб* «Натаб», *Сасукъ* «Сасутль», *Сулдахъ*

«Сулдах», *ХIаркиб* «Харкиб», *Хъаџи* «Сенокос», *Хъаџиялда* «На сенокосе», *ЧабхитIа* «На гравии», *Чвахокъ* «Под водопадом», *Улия* «Улия», *ЩагIихъабада* «Щаихабада», *Зуберха* «Зуберха», *ИџуџтаIахъ* «На родниках», *ДебалI* «Дебатль», *БахIитIалъуб* «Бахитатлуб», *БахIитIури* «Бахтури».

2. Сложные названия, построенные по двух-элементной модели, где описательный элемент представлен нарицательным или собственным именем + аппеллятив + аффиксы локативных падежей: *Асалъарахъ* «На верхней речке», *АбухIнаб* «Абухнаб», *Адмайдан* «Верхняя поляна», *БеџIрухъ* «Тёмный лес», *ГIачиарада* «На верхнем стаде», *ГIачинух* «Дорога стада», *ГIурикIкIанда* «Урикканда», *ГъварикIал* «Глубокий овраг», *ГъоркъмагIарда* «На нижней горе», *Гъоссонохъода* «В пещере с помётом», *ДагIнильгудухъ* «Дагнильгудух», *Жанирохъо* «Во внутреннем лесу», *Залмокъода* «На мосту Залмо», *НатIамайдан* «Натамайдан», *Сурухурзал* «Сурухурзал», *ГIадмагIарда* «На верхней горе», *ГIаси кули* «Верхний хутор», *УркасухIуни* «Уркасухуни», *ХIабтIикIал* «Ущелье с наносами», *ХъуџIџлибакI* «Болотистое место».

3. Составные названия, образованные при помощи аффиксации и добавлением одного или нескольких лимитирующих определений, выраженного именем собственным, или географическим аппеллятивом, или многокомпонентные топонимические единицы [4, с. 69-71; 3, с. 152-154].

3.1. Именные конструкции: *ЩагIихъаби къуро* «Глиняных дел мастера», *Авал Бадайихъ* «Передний Бадайих», *Атабуснохъо* «Пещера-автобус, букв. Пещера, похожая на автобус», *Атансил гъо* «Мельница Атанаса», *Ахада авал* «Верхний квартал», *Ахуйил лъар* «Речка Аху», *Ахурил лъаратIа кьо* «Мост на речке Ахура», *БагIараб кьо* «Красный мост», *Багъжатил мархъу* «Хутор Багжат», *Бадайихъ къури* «Скала Бадайих», *Барин рохъ* «Лес Барин», *БахIитIури магIарда* «На горе Бахтури», *Бегараб ганчIикъ* «У лежащего камня», *Бегараб ганчIихъ тIало* «У лежащего камня», *БеџIџаб нохъо* «Пещера, в которой просачивается вода», *ГIалияллахIандил майдан* «Площадь Али-ялаханда», *Буџулдерил лъар* «Речка буџринцев», *ГIабдулагъил мархъу* «Хутор Абдулаха», *ГIадуразакъил гъо* «Мельница Абдуразака», *ГIадуразакъил нух* «Дорога Абдуразака», *ГIалидишрасул гъо* «Мельница Алидибира», *ГIачиарада майдан* «Площадь Ачиарада», *ГIалил гъо* «Мельница Али», *ГIурухъ ссанда* «На меже у реки».

3.2. Топоним-глагольная конструкция: *Гъаби чурдулеб нохъольим* «Вода пещеры, где купают-

ся собаки», *Лъим беџIџулеб кIкIал* «Ущелье, где вода просачивается», *Нух гъечIеб гIури* «Поляна, куда дороги нет», *Пири речIчIараб тIало* «Каменное плато, куда ударила молния», *Тамахъо чIоле бакI* «Место, где сажают табак», *ЦIџIани хихъулеб мархъу* «Хутор, где содержат коз», *Ци бах(ъ)араб къури* «Скала, где нарисован медведь», *Чуял кколеб кIкIалахъ* «Ущелье, где ловят лошадей».

3.3. Топоним-адъективная конструкция: *Ад-гIурикIкIанда майдан* «Площадь Адурикканда», *Арадаавал* «Верхний квартал», *Аса ГIурикIкIанда* «На верхнем Урикканда», *Асалъарахъ майдан* «Поляна у Верхней речки», *Ассалъарахъ карант* «Кран у Верхней речки», *Гъоркъи кули* «Нижний хутор», *Гъоркъи ЛъагIри* «Нижнее Тларги», *ГIоддоб ГIурикIкIанда* «Нижний Урикканда», *Бакъда Курмиб* «На солнечной стороне Курмиб», *Бакъда авал* «Квартал на солнечной стороне», *Бакъда мархъал* «Хутора на солнечной стороне», *Бакъуль мегъ* «Средний сад», *Арада авал* «Верхний квартал», *Аса ГIурикIкIанда* «Верхний Урикканда», *Асалъарахъ* «На верхней речке», *Ассалъарахъ карант* «Кран на верхней речке», *Ахада авал* «Нижний квартал», *Бакъда авал* «Квартал на солнечной стороне», *Бакъда Курмиб* «На солнечной стороне Курмиб», *Бакъуль мегъ* «Средний сад», *Буџрахъ* (буџур гамачIдангъабураб бакI) «Местность, где собран строительный камень»; *ГIебеде хур* «Поле вдоль», *ГIеде хурзахъ* «На полях вдоль», *ГохIтIа нахъа хур* «Поле на той стороне (сзади) холма», *Гъоркъаб ЧIанкиб* «Нижний Чанкиб», *Гъоркъи кули* «Нижний хутор», *Гъоркъи авал* «Нижний квартал».

3.4 Аналитическая конструкция: *Арада авал* «Верхний квартал», *Аса ГIурикIкIанда* «Верхний Урикканда», *Гъоркъ магIарда* «На нижней горе», *Гъоркъа мегъ* «Нижний сад», *Гъоркъаб ЧIанкиб* «Нижний Чанкиб», *Гъоркъи авал* «Нижний квартал», *Гъоркъи ЛъагIри* «Нижний Тлаари», *Гъуркъа лъарахъ* «На нижней речке», *Жанирохъ* «Внутренний лес», *ГIад магIарда* «На верхней горе», *Жаниб авал* «Внутренний квартал», *ГIаси авал* «Верхний квартал», *ГIаси кули* «Верхний хутор», *Хъунда Курмиб* «На теневой стороне Курмиб», *Цебе ахакъ* «В переднем саду» и т.д.

Таким образом, одной из важных особенностей топонимии является структурное разнообразие топонимов. В аварском языке имеются одно-, двух-, трех- и четырехкомпонентные топонимы [5, с. 121-123].

О способах образования топонимов на синтаксическом уровне свидетельствуют соответствующие выборки по структуре (именные, адъ-

ективные, с отглагольным именем, аналитические конструкции).

Классификация топонимов по структуре не представляет непреодолимых трудностей для исследователя, поскольку структура топонимов в известной мере отражает грамматику на апеллятивном уровне (простые, суффиксальные, словосложение, словосочетание).

Рассмотрев данную классификацию аварских топонимов, необходимо отметить, что процесс

номинации географических объектов не является чисто лингвистическим процессом и не сводится к акту называния как таковому. Культурно-историческая, социальная, эстетическая информация в большей или меньшей степени всегда присутствует в содержании топонима [7, с. 80-87]. Таким образом, при составлении классификаций необходимо учитывать лингвистический, социолингвистический, исторический и лингвокультурологический аспекты.

Список литературы

1. Матвеев А.К. Методы топонимических исследований. Свердловск: Уральск. гос. ун-т, 1986. 100 с.
2. Мурзаев Э. М. Топонимика и география // Вести МГУ. №3. 1963. С.14-23.
3. Оцомиева-Тагирова З.М. Топонимическая микросистема северного наречия аварского языка. Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12-3 (78). С. 152-154.
4. Оцомиева З.М. Географические апеллятивы в аварских топонимах и гидронимах. В сборнике: Проблемы общей и региональной ономастики Материалы VI Всероссийской научной конференции. 2008. С. 69-71.
5. Оцомиева-Тагирова З.М. Количество компонентов в аварских топонимических конструкциях. Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 1 (22). С. 121-123.
6. Оцомиева-Тагирова З.М. К вопросу о структурно-словообразовательной характеристике аварских агроонимов. Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 11-3 (65). С. 141-143.
7. Оцомиева-Тагирова З.М. Топонимы в словообразовательной системе аварского языка. Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2010. № 38. С. 80-87.
8. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. 198 с.
9. Суперанская А.В. Микропонимия, макропонимия и их отличие от собственно топонимии. // Микропонимия. М.: Наука, 1967. С. 34-41.
10. Суперанская А. В. Как Вас зовут? Где Вы живете? М.: Наука, 1964. 94 с.

Пиргулиева Ганира Али кызы, д. ист. наук
Институт археологии и этнографии Национальной Академии Наук Азербайджана
г. Баку, Азербайджан

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ АЗЕРБАЙДЖАНЦЕВ, ПРОЖИВАЮЩИХ В ЗАПАДНЫХ ЧАСТЯХ ЮЖНОГО КАВКАЗА

Аннотация. В статье отмечается, что на основании большого количества интересных речевых наблюдений можно констатировать, что забытый прототюркский язык больше сохранился в западных и северо-западных районах Азербайджана в языках некоторых тюркских народов и этнических групп.

Ключевые слова: азербайджанский язык, особенности речи, этнические группы, этнографический опрос, лингвистические исследования.

Азербайджанские тюрки наряду с множеством народностей, этнических групп являются многочисленными и автохтонными аборигенами Кавказа с древних времен. Проведенные археологические раскопки и их результаты, этнографические исследования за прошедшее столетия до-

казали указанный факт. Азербайджанские говоры некоторых западных районов – Казах, Акстафа, Тауз, Шемкир, Дашкесан, Кедабек выделяются специфическими особенностями, свойственными только лишь им. Этими же особенностями обладало депортированное население из западных

районов, территория которых ныне входит в состав современной Армении. На основе сравнительного анализа примерно 2000 слов и словосочетаний, проведенного нами в результате только лишь этнографического опроса среди населения отдельных селений получены некоторые интересные выводы. Население этих районов в своей речи использовало такие интересные по содержанию и по звучанию слова, которые не понятны представителям северо-западных, северо-восточных и центральных районов. Лингвистические исследования доказывают, что население указанных регионов Азербайджана в количественном отношении больше сохранил прототюркский язык в первоначальном виде, нежели других частей Кавказа с тюркским населением [1, с. 5]. Имеются некоторые аналогии только лишь на языке местных аваров, ингилов из Белоканского, Кахского и Закатальских районов Азербайджана. К примеру, население указанных районов в своей речи больше пользуется окончанием для глаголов – сочетаниями *нг, нт, ндж, лт*. Некоторые слова имеют интересные особенности в лингвистическом плане, т.е. стечения согласных. Эти стечения согласных сохраняются в названии некоторых этнопонимов в данных районах. Например, Канклы, Вангли, Зангли и т.д. Некоторые слова не встречаются в других наречиях азербайджанского языка. К примеру, в некоторых районах местное население использует слово *кеой*, которое переводится на современный азербайджанский язык как *зять*. Но это слово в других говорах азербайджанского языка звучит совсем по-другому. Оно звучит как «йезне», или «курекен». Значение слова «*кеой*» многие не понимают.

Другое словосочетание *даньшмаг, сохбет емек* «разговаривать» в устной речи жителей исследуемых районов больше встречается как «*кап емек*», «*кап елемек*». Верхняя одежда «разновидность шерстяной безрукавки» называют *сыртой, ичлик, ишдик*, тогда как в других местах больше пользуются словом «*архалых*», что означает «жилет». Значение слова *мезер* «разновидность передника, фартука» во многих наречиях некоторых районов Азербайджана не понимают. Здесь встречается вариант *онлук*. Подобный тип фартука раньше был частью одежды при свадебных и похоронных церемониях. Данная деталь одежды сохранилась в некоторых районах современной Турции, Центрально-Азиатских районах. Данный вид женской одежды отмечала в своих исследованиях известный этнограф Каракашлы Н. [8]. *Сыртой-архалык* «жилет, безрукавка» входила в состав приданого молодых невесток.

Эту форму одежды невестки должны были сами связать для жениха, для свекрови и свекра собственноручно, исключительно из шерстяных ниток. Нитки также должны были изготавливаться невестками собственноручно. В приданое невесты также входили разновидности фартуков из различных тканей. Ткани должны были быть практичными, в основном темных цветов, а для девочек разноцветными. До конца 80-ых годов приданое готовили в этих местах исключительно сами девушки. И каждая деталь имела оригинальное название. Небольшой коврик называли *кебе*, матрас для свекрови – *гайнана дошейи*, специальные занавески с вышивками – *перделик* и т.д. Это было связано с видом хозяйственной деятельности, с окружающей средой, природными условиями, географической средой и историческими корнями местного населения. В селениях в доме проживали и проживают ныне от 1 до 20 человек, состоявших в родоплеменных отношениях между собою.

Аварцы, ингилойцы, проживающие в этих частях Азербайджана, также отличаются особенностями нравов, своими обычаями и речью, больше схожей с речью местного населения западных частей Азербайджана. К примеру, ингилойцы обращаются к матери словом *бобо, бабо*. В бывших Дилижанском и Геойчинском районах также обращались к матери со словом *аба*. Такие параллели встречаются и у других тюркоязычных народов, например, в Узбекистане это слова – *ана, апай*. Слова *аба-ана-апай-бабо* М. Кашкари объясняет как, «великая, сильная, самая высокая, возвышенная» [6, с. 123; 3]. От этих слов происходят слова *ана, анне*. Азербайджанские аварцы при обращении к своим родственникам используют такие слова, как *анам, дайы* и т.д. Происхождение этих слов уходит своими корнями к периоду неолита-халколита на Кавказе. Так, в результате многочисленных археологических раскопок прошлого столетия в Азербайджане выявлены и изучены 76 памятника. Примерно в 10 из них обнаружены женские статуэтки великолепных форм и размеров [2, с. 34-38]. Подобная форма обращения сохраняется у современных турков в Турции. А местное население западных районов обращаются – *баджыоглу, гардашоглу* или *дайысынын баласы, эмисинин джаны* и т.д.

Таким образом, на основании большого количества таких интересных наблюдений можно констатировать, что забытый прототюркский язык больше сохранился в западных и северо-западных районах Азербайджана в языках некоторых тюркских народов и этнических групп. При из-

учении огузского, кипчакского и некоторых других языков следует проводить более тщательное исследование слов, словосочетаний, имеющих в лексикологии этих народов и этнических групп.

Список литературы

1. Авшарова И.Н., Пиргулиева Г.А. Археология Кавказа. Баку, 2014.
2. Серебрянников Б. А., Гаджиева Н. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979.
3. Юсифов Ю. Б. О языках древнейших насельников Азербайджана. Баку, 1983.
4. Seyidov M. Azərbaycan xalqının soykökü. Bakı, 1985.
5. Kaşğari M. Divanü luğat-it-türk türçümesi (çeviren Besim Atalay). İstanbul, Cilt I, II, III, IV. 1939-1941.
6. Oğuznamələr. Hazırlayanı K. Nərimanoğlu. Bakı, 1993.
7. Azərbaycan etnoqrafiyası. I cild. Bakı, 2001.
8. Ağasıoğlu F. Azərbaycan türklərinin islamaqədər tarixi. Doqquz bitik. II bitik. Bakı, 2014; III bitik. Bakı, 2014.

Яннигье Хелена Ферхеес, аспирант
Школа лингвистики
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Бельгия

К КВАНТИТАТИВНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Дагестан исторически является регионом, где широко представлено многоязычие. На относительно компактной территории проживают носители большого количества разных языков, и до появления русского языка не было единственного языка межъязыкового общения для всего региона. Владение носителями несколькими языками и влияние внешних языков, таких как грузинский, арабский, персидский и русский языки оставили свои следы в современных дагестанских языках. История таких языковых контактов в первую очередь отражается в лексике посредством заимствованных слов, калек и т.д. Вопросы заимствованной лексики в дагестанских языках обсуждается в многочисленных работах об отраслевой лексике и в лексикографии отдельных языков, и также в работах, посвященных заимствованиям из определенных источников (например, арабского или тюркских языков) в конкретном языке или группе языков.

Кроме этого, в 2009-м году появилась в открытом доступе мировая база данных заимствованных слов (World Loan word Data base – WOLD) [Haspelmath & Tadmor 2009], в которой представлены два дагестанских языка: арчинский и бежтинский. Эта база данных основана на анкете из 1460 понятий, принадлежащих разным семантическим

категориям: основные отрасли как «животные» и «растения», а также более сложные категории как «социальные и политические отношения» и «эмоции и ценности». Для отдельных языков анкета была собрана экспертами.

Материалы арчинского и бежтинского, с одной стороны, показывают некоторое общее влияние из арабского и аварского (первый иногда посредством второго), что в основном касается более сложных понятий связаны с религией, правом и политикой, а с другой стороны, они выявляют местные особенности – на бежтинскую лексику оказал большое влияние грузинский язык, тогда как в арчинском заметно влияние соседствующего лакского языка.

В 2017-м году в рамках лаборатории языковой конвергенции Высшей Школы Экономики в Москве был создан проект по заимствованной лексике в дагестанских языках. Данный проект направлен не на качественный анализ заимствований и их этимологии, а на количественные параметры их присутствия в определенных языках, с целью установить паттерны языкового контакта и влияния определенных местных языков в разных регионах, измерить разницы между диалектами и говорами одного языка и коррелировать эти измерения с социолингвистическими данными о

многоязычии в определенных населенных пунктах: если по таким данным в одном селе больше людей владеют некоторым языком, отражается ли это тогда в лексике по сравнению с другими селами? Соответственно, нас больше всего интересуют так называемые «горизонтальные» заимствования из других местных языков, в отличие от заимствований из внешних, «престижных» языков, как, например, арабский или персидский.

Метод сбора данных основан в первой очереди на анкете проекта WOLD. В качестве подготовки эта анкета была собрана в аварском, лакском, лезгинском, даргинском, чеченском, азербайджанском и кумыкском языках, после чего были составлены сокращенные списки значений для эффективного сбора в поле, которые содержат только вероятные кандидаты для заимствования на дагестанском уровне. Это подразумевает, во-первых, вычисление лексем, для которых невозможно установить посредственное заимствование. Если очевидные заимствования из престижных языков во всех выше перечисленных языках выглядят более менее одинаковы, они не включены в окончательный список, потому что если они существуют во всех этих литературных языках, то, скорее всего, во всех других языках будет то же самое слово, и минимальная дифференциация (или вовсе отсутствие ее) не позволяет нам выявить посредственное заимствование, например: арабский > аварский > арчинский. По этой причине наша анкета, например, не содержит слово ‘слон’, восходящее к арабскому/персидскому *fil*. В нахско-дагестанских языках оно имеет варианты *fil* (в языках, где встречается фонема *f*) и *pil* (в языках, где эта фонема отсутствует). А слово «обезьяна» (от арабского *mejmanak*) наоборот – включено: *маймун* (лакск.), *маймун* (лезг.), *маймалак* (авар.), *маймал* (чечен.), *маймун* (кум.), *mijmanak* (арч.), *таумалак* (бежт.).

Другую проблему представляют собой кальки. В арчинском, например, встречается слово

‘черепаха’ *q'alaq'u'rbət'i* (букв. ‘лягушка с крышкой’), которое заимствовано из лакского. Само лакское слово в своей очереди наверно калька из кумыкского языка. Также в арчинском, ‘улитка’ обозначается словосочетанием *χ:elmindogi* (букв. ‘дождевой осел’), что возможно калькировано от аварского *c'adal hama*. Из-за этого необходимо сравнить такие лексические словообразования со словами из других контактных языков.

Более сложная проблема – семантические переходы. Заимствованные слова в своем языке-реципиенте могут приобрести совершенно другое значение, как например, арабское слово *hayawaan*, которое обозначает «животное», «скот» или «баран» в разных дагестанских языках. Интересный случай в этом плане представляет собой слово «змея» в арчинском языке. В некоторых языках встречается слово, которое может обозначать змею и червь (например, аварский *борохь*). В арчинском, однако, ‘змея’- *ja't'i*, а ‘червь’ – *miliχ'u*. Первое слово очень похоже на лакское слово *ямлу* – ‘червь’. Формально схожие лексемы и их разные значения по этой причине будут рассматриваться отдельно.

Таким образом, мы будем собирать маленькие словари из нескольких сотен слов для каждого языка и местных его вариантов, что позволяет нам эффективно сопоставлять заимствованную лексику.

Актуальность такого исследования заключается в том, что лексика постоянно меняется. Традиционное многоязычие исчезает из-за изменений в образе жизни народов и в связи с тем, что русский язык стал играть роль лингва-франки внутри республики. Со временем и эти изменения будут отражаться в лексике, смывая более старые ее пласты. При этом, если опираться исключительно на тщательный, качественный анализ, многие диалекты и говоры просто потеряются, потому что описательная лингвистика не успевает их охватывать.

Список литературы

1. Haspelmath, M. World Loanword Database / M. Haspelmath, U. Tadmor-Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. 2009. (<http://wold.clld.org>).
2. Haspelmath, M. Loanwords in the world's languages: a comparative handbook / M. Haspelmath, U. Tadmor – Berlin: Walter de Gruyter. 2009.

Сагов Руслан Закреивич, старший научный сотрудник
Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева
г. Магас, Республика Ингушетия

НЕКОТОРЫЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИНГУШСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассматриваются фонетические особенности ингушского языка. Автор полагает, что фонемы имеют свои закономерности и свидетельствуют о языковых и культурных связях ингушей с другими народами.

Ключевые слова: Кавказ, язык, фонема, лексемы, топоним, ингуши, бацбийцы, чеченцы.

Слова общего происхождения так называемых нахских языков представляют собой древний пласт основного лексического фонда (части тела, некоторые слова родственных отношений, названия животных и птиц, явления природы и т.д., хотя здесь имеются различия). Язык на стадии своего становления может терять или приобретать те или иные элементы, составляющие язык, например, лексемы, фонемы и т.д.

Ингушский, бацбийский и чеченский языки, безусловно, родственные языки. Тем не менее, здесь имеются существенные, на наш взгляд, различия. Вероятно, эти языки формировались в различных хронологических, этнокультурных и географических условиях, что обусловило современную природу этих языков. Образование как языка, так и диалектов и говоров, происходит при определенных исторических условиях.

Лексемы появляются или исчезают, как правило, вследствие фонетических процессов. О фонетических процессах, протекавших в ингушском языке, как и в других языках нахской группы, писали многие исследователи, в том числе и Д.Д. Мальсагов [3].

Фонетика ингушского языка, наряду с морфологией, фразеологией и т.п., имеет свои особенности в отличие от чеченского языка. Фонетические расхождения этих языков, вероятно, следует объяснить, как представляется, утратой некоторых звуков в чеченском языке. В частности это касается фонемы «ф».

Наличие фонемы «ф» в ингушском языке вызывает дискуссии у ученых, где в зависимости от интерпретации этого факта выдвигаются целые теории, порой приводящие к ложным выводам. Например, отсутствие данной фонемы в бацбийском (цово-тушинском) и в чеченском языке явилось основанием для отдельных исследователей высказать мнение, что фонема «ф» в ингушском языке заимствована. В свою очередь это послужило основанием для неверных высказываний.

В качестве одного из примеров было высказано, что «названий горных аулов, начинающихся с фонемы «ф», всего два во всей горной Чечено-Ингушетии (Фуртоуг, Фалхан), и оба они расположены в указанном районе (т.е. Арамхинское ущелье горной Ингушетии – С. Р.). До исторически недавнего времени он считался несколько обособленным от горной Ингушетии, хотя по языку и составлял с ней неразрывное целое. Не исключено, что некогда, после оттеснения гуннами алан с равнины, население этого края было смешанным «алано-вайнахским», но местный субстрат оказался сильнее» [6, с. 16-17]. Здесь следует отметить, что авторы просто не знают или не владеют фактологическим материалом.

Во-первых, что значит, что «до недавнего времени данный район был несколько обособленным от горной Ингушетии», если по языку он составлял единое целое с ингушской этнокультурной средой? Во-вторых, безосновательно утверждается, что население Арамхинского ущелья в гуннское время было смешанным; также неправомерно говорить об «алано-вайнахском» населении как о разнородной этнокультурной общности.

Этнокультурная интерпретация исторических алан – тема для отдельного исследования. Поэтому мы здесь об этом говорить не будем, и предлагаем остановиться на факте наличия в ингушском языке фонемы «ф».

Нельзя на основании отдельных данных языка, как например, топонимических или каких угодно иных явлений, делать далеко идущие заключения. Такой метод не отвечает подлинно научным требованиям, что, кроме всего прочего, приводит к ложным результатам. Прежде всего, при изучении топонимии определенной местности надо апеллировать данными коренного, местного языка и исследовать предмет.

В ингушском языке, как и в других языках народов Северного Кавказа, в частности в родственном адыгском языке, наличествует звук «ф». У адыгов много общего с ингушами (родственная

культура, язык, антропологический тип и т.д.). Вообще все коренные народы Кавказа в той или иной степени родственны.

В чеченском языке, как утверждают лингвисты, фонема «ф» отсутствует, как и в бацбийском. Но это не основание, чтобы говорить о заимствованном характере его в ингушском языке. Возможно, в указанных языках она отсутствует вследствие влияния тюркских, картвельских или иных языков в процессе их формирования, или каких-либо тому подобных факторов. Скорее всего, в названных языках эта фонема отсутствует вследствие утраты ими этого звука под влиянием соседних языков, грузинского и кумыкского, для которых данная фонема нехарактерна. Во всяком случае, на наш взгляд, это не основание утверждать, что в ингушском языке фонема «ф» заимствована из других языков.

Согласно преданиям, «бацбийцы в незапамятные времена выселились на место настоящего жительства из Мецхальского общества Нагорной Ингушетии» [3, с. 129]. Некоторые лингвистические особенности их языка подтверждают это предание. «Бацбийский язык, главным образом, под влиянием грузинского языка претерпел такие изменения, что его надлежит рассматривать, как язык совершенно самостоятельный...» [Там же].

В ингушском языке существует такое явление, которое, на наш взгляд, убедительно доказывает факт исконности фонемы «ф» в данном языке. Например, в заимствованных из русского языка словах некоторые фонемы заменяются звуком «ф», например, русское «духи» в ингушском «дуфи». Здесь мы видим, как произошла замена звука «х» на «ф». Так же фонема «в» в русском слове «винт» в ингушском слове «фент» заменяется на «ф» и т.п.

Относительно топонимов горной Ингушетии, кроме выше приведенных двух топонимических названий с фонемой «ф» – Фуртоуг и Фалхан, существуют множество других. В Джайрахском ущелье существует топоним с фонемой «ф»: «Фаьрха цонаш» (букв. «рысьи покосы», т.е. покосы, где обитают рыси), находящиеся выше населенного пункта Джайрах; «Фаздаран цонаш» (Фаздаран покосы) в районе аула Фуртоуг. Далее в Чулахойском ущелье есть вершина горы «Фуртан-корта» (букв. «голова горы Фуртан, т.е. вершина») и «Фона хьаст» (букв. «родник Фона»). В Ассинском ущелье существуют топонимические названия со звуком «ф»: «Фаьлга лоам» (гора

Фаьлг, букв. «сказочная гора»), «Фаьлхан // Фаьрхан мат» (место Фаьрхан, т.е. благодатное место), высокогорное заброшенное поселение Фаьлке и т.д. Восточнее Ассинского ущелья находится ущелье реки Фарган (Фарганга) и левый приток этой реки Футтан, а местность, где протекает данная речка, называется Футтанче.

Последние топонимы и гидронимы находятся на северном склоне горы Цхьоарой Лоам. Замыкает этот ряд названий древнее городище «Фаьрз-Кхала» в районе верховьев реки Аргун, где в прошлом обитало дальнекистинское общество ингушей.

Существуют топонимы со звуком «ф» и в плоскостной части Ингушетии. Например, «Фос йикъа къухъ» – «лесная поляна, где была поделена (военная) добыча» [5, с. 11].

Фонема «ф» встречается в коренных языках Северного Кавказа, например, в адыгских и некоторых дагестанских языках, а также и в языках древних народов Передней Азии – «хаттов», «хурритов», «урартов», которые, по мнению ученых-специалистов, являются родственными по языку и культуре народам Северного Кавказа [1, с. 47], в том числе и ингушскому. Близость урартского и ингушского языков отмечал и А.П. Новосельцев [4].

О фонетических, морфологических и лексических особенностях ингушского языка говорили такие исследователи как А.Н. Генко, Н.Ф. Яковлев, Д.Д. Мальсагов и др. В числе прочего они отмечали, что звук «ф» наряду с некоторыми другими фонемами, как языковыми особенностями, характеризующими ингушский язык, присутствует в речи так называемых кистинских обществ верховьев Аргуна, например, Саханойское (маьлхий) и Маистское (мIаьстой) [2, с. 683].

Утверждение проф. А.Н. Генко подтверждает и проф. Н.Ф. Яковлев, у которого читаем: «Что касается Вейнахского нагорья (Чечено-Ингушского – Д.М.), то на всем протяжении, начиная от смежных с Дагестаном областей на востоке и кончая Нагорной Ингушетией на западе, – распространены особенности (в языке – Д.М.), которые мы должны признать весьма близкими, и, может быть, даже целиком относящимися к ингушскому языку» [7, с. 140]. Поэтому с высказываниями отдельных исследователей относительно наличия, отсутствия или заимствования тех или иных фонем из инородных языков согласиться невозможно. Очевидно, что данная проблема нуждается в тщательном изучении и объективном отношении.

Список литературы

1. Алипулатов М.А. К вопросу о материальных и структурных общностях лексики хаттского, урартского и лезгинского языков // Десятая региональная научная сессия по изучению системы и истории иберийско-кавказских языков. Проблема лексического состава диалектов и разработка диалектных словарей. 12-13 сентября 1983 года. Грозный, 1983. С. 46-48.
2. Генко А.Н. Из культурного прошлого ингушей // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук. Л., 1930. Т. 5. С. 683.
3. Мальсагов Д.Д. Избранное // Составитель, автор предисловия и примечаний А.У. Мальсагов. Нальчик, 1998. С. 129.
4. Новосельцев А.П. Древние государства на территории СССР // История СССР. М., 1985.
5. Сулейманов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии. Часть III. Грозный, 1980. С. 11.
6. Ужахов М.Р. Годичные циклы хозяйственных работ чеченцев и ингушей в период средневековья. Грозный, 1979. С. 16-17.
7. Яковлев Н.Ф. Языки и народы Кавказа. М., 1930. // См. Мальсагов Д.Д. Избранное. Составитель, автор предисловия и примечаний А.У. Мальсагов. Нальчик, 1998. С. 140.

Салсанова Аза Исаевна, научный сотрудник

*Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева
г. Магас, Республика Ингушетия*

ПРОБЛЕМА БОРЬБЫ С ПЕРЕЖИТКАМИ ПРОШЛОГО

(в произведениях ингушских писателей Д. Мальсагова, А. Бокова, А. Ведзижева)

Аннотация. В статье рассмотрена проблема борьбы с пережитками прошлого в произведениях ингушских писателей Д. Мальсагова, А. Бокова, А. Ведзижева. При этом основной акцент делается на то, как различные представители общества «ставят палки в колеса» молодому поколению, навязывая неписанные законы.

Ключевые слова: художественное произведение, сюжет, ингушский писатель, главная героиня, пережитки прошлого.

Тему борьбы с пережитками прошлого поднимали многие писатели народов Северного Кавказа. Но мы решили остановиться на том, как некоторые ингушские писатели боролись с данной проблемой. Начнем с пьесы «Перелом», которая вышла из-под пера двух ингушских драматургов – Дошлуко и Орцох Мальсаговых. Она была написана в 1931 году, причем на ингушском и русском языках.

Как отмечается в специальной статье, «Перелом» Д. и О. Мальсаговых – зеркало революционных сдвигов в Ингушетии» [4, с. 448]. Пьеса действительно является весьма ощутимым ударом по устаревшему горскому обычаю.

Показанная в данном произведении драма развертывается вокруг таких ингушских адатов, как: молодой человек не имеет права жениться раньше, чем старший брат, и ни одна девушка не может выйти замуж раньше своей старшей сестры. Юноша Юнус, младший сын Гаирбека, и девушка Аминат любят друг друга. Но старший

брат Юнуса Сальмурза не женат. Гаирбек женит его на Аминат [4].

В пьесе мы видим, какие переживания испытывают влюбленные. Оставшись наедине с Аминат, Юнус уговаривает ее убежать с ним в Ростов на учебу. Но девушка отказывается от такого предложения и выходит замуж за Сальмурзу, которого до этого совсем не знала. Аминат уже становится женой брата Юнуса. Мы видим, как в пьесе возникает подозрение, как будто жена ему изменяет. Сальмурза убивает жену, а Юнус спасается бегством. Здесь видно, как рушится человеческая жизнь из-за старых ингушских адатов.

В пьесе показано, как сильно ингуши старались соблюдать обычаи. Например, Гаирбек, вообще не думая о судьбе своей дочери, выдал ее за незнакомого человека только потому, что он не мог допустить, чтобы из-за женщины поссорились две фамилии.

В повести «Райхъант», которая была опубликована в 1960 г., А.Х. Боков рассказывает нам о

судьбе ингушки. Основная тема произведения – предназначение человека на земле. Надо сказать, что «Райхъант» – первая повесть писателя на ингушском языке. Здесь на примере жизни Райхъант автор показывает не частную историю, а судьбу множества ингушских женщин [2].

Основной проблемой повести является борьба с пережитками прошлого. Произведение построено на воспоминаниях главной героини. Райхъант вспоминает, как она в ссылке лишилась родной матери, как отец не дал ей закончить среднее образование в школе.

Отец предстает перед читателем как недовольный поступком дочери человек. Дочь оказывается намного сильнее всего, что с ней происходило и назло «всем ветрам» Райхъант поступает учиться в медицинский техникум, заканчивает его успешно и начинает работать медсестрой в больнице. Здесь судьба сводит ее с замечательным парнем Султаном, который полюбил ее, полюбил сильно и открылся ей в своих чувствах. Райхъант любит Султана, но она не имеет права выйти за него, так как он молодой и неженатый парень, а она разведенная вдова. Султан знает, на что он идет ради любимой женщины [3].

В повести «Поджог» А.А. Веджижева также показана явная борьба с пережитками прошлого. И автору удается показать, как каждый из героев выживает в этом новом для них мире.

Это хорошо видно там, где один из действующих лиц – Хамурза, хочет взять большой калым за свою дочь. Он не хочет мириться с новой родней, пока они не отдадут названную им сумму денег. Хамурза говорит жене: «Клянусь могилой отца, я своему слову хозяин! Пока не сделают, как сказал я, мириться не буду» [1, с. 46].

Здесь можно привести еще один пример, где Юсуп не дает своей дочери от первого брака танцевать с молодым человеком. Он бьет ее на глазах у всех. Девочка плачет, но не исполняет приказ отца.

Юсуп всегда держит своих жен и детей в страхе. Он считает, что мусульманская религия позволяет ему иметь несколько жен. Да, позволяет, если он соблюдает равноправие. Однако Юсуп бьет и издевается над старшими женами, а к младшей Калимат относится хорошо. Юсуп приходит к Фадиман, чтобы отнять у нее зарплату.

Каждый из вышеназванных писателей в своих художественных произведениях осветили борьбу своих героев с пережитками прошлого. Из приведенных нами примеров видно, как на глазах рушатся судьбы этих героев именно из-за суровых ингушских адатов. Необходимо отметить тот факт, что некоторые обычаи бытуют среди нас и по настоящее время. Об этом свидетельствует современный роман Берса Евлоева «По закону гор».

Список литературы

1. Веджижев А.А. Поджог: Повесть. Грозный, 1934. С. 46.
2. Костоев А.О. Ореховое дерево. М., 2007.
3. Мальсагов А.У. За новую жизнь. Грозный, 1990.
4. Мальсагов А.У. Избранное. Нальчик, 1998.

Хайрова Роза Резвановна, канд. филол. наук

*Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева
г. Магас, Республика Ингушетия*

ОБРАЗНЫЕ СРАВНЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ Д.Д. МАЛЬСАГОВА

Аннотация. В статье рассматриваются сравнения как один из видов художественной образности поэтического языка ингушского писателя Д.Д. Мальсагова. На материале художественных текстов писателя выявлены структурные и семантические особенности сравнений, показана их роль в раскрытии индивидуального образного мышления автора. Сравнения являются одним из главных художественных средств, отражающих самобытность и языковую культуру народа.

Ключевые слова: Мальсагов Дошлуко Дохович, художественный текст, сравнение, метафора, поэтический язык, образность, изобразительно-выразительные средства.

Изучение художественного языка мастеров слова имеет огромное значение для современной лингвопоэтики. Оно способствует лучшему пониманию силы и богатства родного языка, помогает познать культуру и самобытность народа. Известный языковед В.В. Виноградов справедливо отметил, что «язык литературно-художественного произведения, вливаясь в общий поток развития языка в целом, может рассматриваться как памятник истории этого языка» [4, с. 271].

В данной статье речь пойдет об одном из важнейших видов художественной образности – сравнений – в поэтическом языке Дошлуко Доховича Мальсагова, который «с 1939 года, как литературовед и литературный критик, способствовал скорейшему формированию и дальнейшему развитию ингушской советской литературы» [5, с. 11]. Эпохе творчества писателя характерны довольно сложные и противоречивые социальные явления, в которых он находит присущие только ему духовное направление и творческое выражение. В произведениях Д.Д. Мальсагова представлены образы с различной психологией: одни герои ищут в жизни правду и справедливость, другие являются рабами укоренившихся старых обычаев и традиций, третьи находятся в борьбе за светлое будущее и просвещенность.

Язык художественных произведений писателя представляет его как оригинального мастера слова и знатока языковых особенностей ингушского народа. Умелая подача художественных изобразительно-выразительных средств и их тщательный отбор в творчестве отображает обычаи, традиции и самобытность ингушей. По словам Р.И. Ахриевой, известного ингушского языковеда, «о «языковой мощи» ученого, поэта, писателя и драматурга Д.Д. Мальсагова свидетельствует сама его языковая деятельность. Глубокое и всестороннее знание родного языка позволили ему успешно функционировать во всех жизненно важных ситуациях и сферах: в науке, литературе, в его устных и письменных текстах – научных, публицистических, поэтических, драматических и прозаических, в общественной жизни» [3, с. 82].

Надо отметить и то, что, несмотря на богатую творческую лабораторию писателя, его колоритный поэтический язык, творчество писателя и психологизм его произведений, а также языковая специфика его переводных работ нуждаются в системном научном освещении.

Из немногочисленных художественных произведений Д.Д. Мальсагова «Iарамхи» (поэма), «Кердача наькъа тIа» (пьеса, написанная в соавторстве с Мальсаговым Орцхо Артагановичем),

видно, что в языковом арсенале писателя представлены практически все изобразительно-выразительные средства: эпитеты, олицетворения, метафоры, фразеологизмы, пословицы и поговорки, сравнения и др.

Самый распространенный вид тропа в произведениях писателя – сравнение, благодаря которому достигается особая образность с выделением наиболее ярких и существенных признаков описываемых предметов, явлений. Это позволяет более полно и глубоко раскрыть их сущность.

По определению О.С. Ахмановой, сравнение – это «фигура речи, состоящая в уподоблении одного предмета другому, у которого предполагается наличие признака, общего с первым» [2, с. 450].

В произведениях Д.Д. Мальсагова наиболее часто встречается такой способ оформления сравнений, как сравнительный оборот с союзами *мо*, *санна* «как»: *Тхьовра санна дика къонахий бац вайна* [5, с. 296]. «Нет у нас таких известных мужчин, **как** раньше». *Понаш ва санна, / Майра къонахий, / ДеГIа тоабенна / Бос хоза мехкарий...* [5, с. 269]. «**Как чинары**, храбрые мужчины, статные и прекрасные девушки...». *Болат мо вай чIоагIа ца хилча доахаргдац вай уж гIулакхаиш дIа* [5, с. 292]. «Чтобы искоренить эти дела, мы должны быть твердыми, **как** сталь».

Структура сравнений в ингушском художественном тексте достаточно разнообразна. Проанализировав сравнительные конструкции в произведениях Д.Д. Мальсагова, мы разделили их на два типа:

1) Сравнения с эксплицитно выраженной основой (с актуализированным признаком): *Феса тIахьувза / Бирса лом санна, / Унзара увгIаиш, / Бирса хьед из хий...* [5, с. 266]. «...**Как свирепый лев**, крутящийся возле добычи, страшно рыча, свирепо бежит вода...». В приведенном примере субъект сравнения выражен словом *хий* «вода», а объектом выступает *лом* «лев», основание для сравнения – *бирса* «свирепо». Автором подобран такой признак сравнения, в наибольшей степени проявляющийся в образе сравнения и служащий средством выражения образного сообщения.

Таким образом, сравнение включает в себя три компонента: сравниваемое, сравниваемое, основание для сравнения.

2) Сравнения с имплицитно выраженной основой (с неактуализированным признаком): *Товсолта мо кIант гIалгIай мехка вацар* [5, с. 228]. «Такого молодца, **как** Таусултан, во всей Ингушетии не было». *Борз санна волча, / Дудараца къуваш* [5, с. 275]. «Сражаясь с Дударом,

похожим на волка...». Как видно из примеров, неактуализированный признак, лежащий в основе сравнений, имеет наибольшую возможность прагматического воздействия на читателя, так как основание для сравниваемых явлений он должен восстановить самостоятельно, исходя из контекста или принятых в данной языковой среде стандартов.

Сравнения, отражающие индивидуальность стиля писателя, способствуют выявлению оригинальности сопоставления различных по родовой принадлежности предметов и явлений, являясь, в свою очередь, признаком неповторимого, уникального видения окружающего мира писателем и формируя его индивидуальный образ. Возможности подобных образных сравнений и уподоблений «безграничны и предопределены особенностями изменчивого восприятия действительности разными субъектами, с одной стороны, и неисчерпаемостью признаков воспринимаемых объектов с другой» [1, с. 295].

Рассмотрим примеры сравнительных конструкций из поэмы Д.Д. Мальсагова «Гарамхи»:

1) сравнительный оборот, содержащий один простой образ:

Чубелар говза / Паккха тIемахой / Цицхолгаиш санна, / Уж Гургаиш даха [5, с. 273].

«Потом воины, как крысы, хитро начали рыть подкопы...»;

2) сравнительный оборот, содержащий один осложненный образ:

Сийнача бIаргех / Шийла хий лешаиш / Ше даьча коара / ДIадаха ца лов / Из нускал санна... / Латтаиш ба Бешлоам [5, с. 266].

«Со слезами в синих глазах, словно невеста, что не желает покидать отчий дом, стоит ледяная гора».

3) сравнительный оборот, содержащий два образа:

Къилбаседера Иаьржа / Ва морхаиш санна / Дукха шоаиш болаиш, / Сигалара детта / Ди санна шоаишка / Низбола йоккха / Уж топаиш йолаиш, / Хьакхаьчар дена / Абхаз-аьлан эскар [5, с. 271].

«Много, словно северные черные тучи, с сильным, как гремящий в небе гром, оружием, пришли войска князя Абхаза».

4) Развернутое сравнение:

Лоам эkkхаиш боала / Ала мо, ала / Баьнна вIов урагI / Хьальгяха ежар, / Иаьрждеш шовда. ЧIоагIача низа / Ца болхаиш кара / Ца эцаиш лав цIи / Иитта майра бенна / Лоамарой кIантий / Иллеца хоастош, / ДоагIа из шовда [5, с. 273].

«Горы от взрыва дрогнули, / Словно хребты

их треснули, / Как из вулкана, хлынуло / Пламя – и в небо бросило / Башню Мургушта старого. / Тяжко упала башня / Прямо в поток кипящий... / Славит с тех пор Армхи / Песней воды шумящей / Мирное племя горное / Славно в бою погибшее, / Имя раба не принявшее» (Перевод С. Поделкова) [5, с. 224].

Таким образом, посредством использования сравнений в художественном тексте автором наиболее полно реализуется его эстетическая функция. Исходя из того, какие признаки предмета или явлений необходимо выделить, автором используются развернутые сравнения. Художественный образ, созданный с помощью развернутого сравнения, отличается особой выразительностью. Такого рода сравнительные конструкции способствуют расширению ассоциативного поля всего текста.

Проведя семантический анализ сравнений, в художественных произведениях Д.Д. Мальсагова в зависимости от объекта сравнения мы выделили следующие группы:

1. Сравнение с животными и птицами: *ловзаш лела саь Iаса санна* ‘как резвящийся олененок’; *феса тIахьувза бирса лом санна* ‘как свирепый лев возле добычи’; *лоаман лавчаиш* ‘горные соколы’; *цу цIокъа-лома мо дегаш дола* ‘сердце, как у тигра’; *циск санна вала ца тугаиш волча* ‘живучий как кошка’; *цицхолгаиш санна* ‘как крысы’; *борз санна волча Дудараци* ‘с Дударом, похожим на волка’. Данные сравнения возникли за счет тех ассоциаций, которые традиционно сложились в ингушской языковой картине. При метафорическом переносе на человека такие оценочные семы показывают его физические и психические свойства.

Излюбленной зоометафорой автора в данной группе является *лоаман лавчаиш* ‘горные соколы’. Сравнение героев с горными соколами подчеркивает самые лучшие свойства, которыми должен обладать герой: стойкость, мужество, гордость, свободолюбие.

2. Сравнение с растительным миром: *кIай дак мо йола ший йиша* ‘сестра, как белая ива’; *нажаиш мо дегIа хенаиш* ‘стан, как у дубов’; *попаиш ва санна къонахий* ‘мужчины, как чинары’.

3. Сравнения с природными явлениями: *мела догIа санна* ‘как теплый дождь’; *лоам тIара уха Иаьржа хий санна* ‘как черная горная река’; *Иаьржа ва морхаиш санна* ‘как черные тучи’; *сигалара детта ди санна* ‘как гремящий в небе гром’; *гуйран дохк санна* ‘как осенний туман’; *лоам кортош санна* ‘как горные вершины’; *уж седкхий санна* ‘как эти звезды’.

4. Сравнение с оружием: *Терсмайла ва тов-раш санна* ‘как клинок дамасский’.

5. Сравнения с человеком: *из нускал санна* ‘как та невеста’; *майрахой санна* ‘как смельчаки’; *хьалдетташ уда йоI-йиша санна* ‘как причитая, бегающая дочь-сестра’.

Таким образом, представленная классификация показывает, что сравнения, используемые писателем, разнообразны по образам и очень эмоциональны. Использование сравнений помогает раскрыть дополнительные признаки изображаемых лиц и предметов, обогащая тем самым художественное впечатление.

Художественному языку писателя присуща высокая степень метафоричности. Известно, что в основе метафоры лежит скрытое сравнение. Благодаря использованию метафор, автору удалось показать панорамность описываемых событий. В поэме «Арамхи» представлены метафоры, образно характеризующие тяжелую жизненную ситуацию, в которой оказались герои, защитники родной земли: *цIий хийцар тийшача белхо* ‘кровь пустило предательство’; *аьргача таьзета* ‘безутешное горе’ и др.

Основным видом метафоры является олицетворение. Так, главный участник описываемых событий поэмы «Арамхи» – горный поток – наделен теми же качествами, которые присущи живому существу: *лоаман бердаш дуаш* ‘поедая берега’, *дег чура бала фордага белхабе, бирса хьед из хий* ‘река устремляется, чтобы поведать о горе морю’; *дода хьо делхаиш* ‘течешь ты с плачем’; *цу лоамах къастара из гIайгIа Iаткъаиш* ‘горюя, расставшись с горой’ и т.д.

Как показывает проведенный анализ, оригинальные сравнения и метафоры, сочетая в себе различные функции, более чем другие средства выразительности отражают образно-поэтическое воображение и индивидуальный стиль Д.Д. Мальсагова. Это убеждает читателя в том, что автор «тонко владел единицами родного языка, их парадигматическими и синтагматическими связями, а также культурно-историческим опытом родного народа, отраженного в структурных элементах языка, в семантических признаках и правилах оперирования ими в речи» [3, с. 83]. Сравнения писателя, тесно связанные с действительностью, носят конкретный характер и основаны, прежде всего, на языке народа.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Едиториал УРСС, 2004. 576 с.
3. Ахриева Р.И. Языковая личность автора поэмы «Арамхи» профессора Д.Д. Мальсагова // Вестник филологического факультета ИнГГУ. №1. Магас, 2010. С.81-87.
4. Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей / В. В. Виноградов. М.: Госиздат, 1976. 614 с.
5. Мальсагов Д.Д. Избранное. Нальчик: Эль-Фа, 1998. 500 с.

Хамхоев Руслан Магомедович, аспирант
Ингушский государственный университет
г. Магас, Республика Ингушетия

ЧАХКИЕВ КАПИТОНА ВАЙ ЛИТЕРАТУРЕ ДАЪХАЧА ТОЛАМЕХ

Аннотация. *Вай литературе Чахкиев Капитона даьхача толамех дуьцаиш я статья. Укхаза белгалбоаккх поэта говзаме мотт.*

Ключевые слова: *Чахкиев Капитон, литература, Даьхе, стихаиш, произведенеш, тема.*

Къаман сакхетам, уйлаш, цар вахар, лерхIамаш, оамалаш, Iадаташ йоккхача говзалца гойта карагIдаьннад Чахкиев Османа Капитона ший говзамеча произведенешка. Уж ешаш, къонабараш дикача хIаманна тIакхув, цар кхайкам бу, Даьхе дукха езаш, из лораеш хила, яхаш.

Литературе толамаш даха карагIдаьннад поэта 1957-1959-ча шерашка. Цу хана арадоал цун «Нана-Наьсаре» яха поэтически гуллам. Шин даькъах латташ да цун «Баьте зоахалол» яха гуллам: поэзехи прозахи. Автора кхеллай ший Даьхенна хетаяь стихаш, тIема-патриотически лирика, са-

тира, беама лирика, ноаной хестабу стихаш, поэта ший уйлаш, дагадоаха хАамаш дувца стихаш, поэта а мугАарерча сага а хьалхашка латта докхий декхараш дувца, кхы дуккхача темаех язьяь стихаш.

Хьамсара хета Даьй-мохк хестабу поэта «Даьхен Гуйре», «Даьй-мохк», «Даьхенга», «Нана-Наьсаре», «Аз дехар» яхача стихотворенеш тАа. «Даьй-мохк» яхача стихотворене тАа цо йоах:

Ва со кхеваь, хьо са Даьй-мохк,
Хьо са дагара боалаш бац,
Малх хьажарах, дарз хьакхарах,
Са хьо боацча дуне дац...

Чакхийев Капитона кхоллам дегАаахара даькъе лоархАаме хиннад эрсий а гАалгАай а литератураца чоагАа хьашт долаш из хилар. Поэта ше а белгалду из. Масала, из белгала да гАалгАай йоазув а литература а кхелла хиннача Мальсагов Зоврбикаи Беков Темботай хетаяь цо язьяьча стихотворене тАа:

... Сийле хийла хьалхар-хьалха
Хьо, тха дешар, даьккхарий,
Хьоа бЮгора боахаш балха,
Хийла бийса йоаяьрий...

Поэзенна юкъе ший къаьстта йола моттиг дАалоц цун кхолламе беламедолчо, сатирас, иллеша, халкъа оамалаша. Ший ирача сатираца, сарказмаца бегбоах поэта дердайна лелараш, кура-соната бараш, наьха хьакъ дуаш баха гАерттараш, кхыбола наха зене хАамаш леладераш. Царех я, «Аьла-Мовсар», «Курсет», «Къаьна Гини», «Говрий лор», «Ярама моллаш», «Модж-Мовсар» яха стихаш.

«Андаркъий Ааьла» яха стихотворени илле мукъам тАа а яьккха екаш хул Нохч-ГАалгАай радиоца 1960-1970-ча шерашка, наха геттара цох сакъердам а боалаш. Цу тАара массехк байт йоалаергья вай цун чулоацам кердабаккхара:

... Из цАе кхал хехкаш,
Аа кхихья чоабал
Керза йов кхихьяй Аа,
Андаркъий Ааьла.
Хи йисте увтташ,
Аа ийза гАаьле,
Йоал йоацаш йисай хья,
Андаркъий Ааьла...

Стихотворени хетаяь вай мехка колхозаш вАшагАийхкача заманна. Ший хана ира лаьттай из тема вай мехка. Цо бегбоах колхозашка чубаха ца а тугаш, базараш еш хинна нах. Цу хана деша говзанчаша еш хиннача сатирах наха чоагАа сакъердам боалаш хиннаб.

Капитона иштта бегбоах деш хАама а доацаш, малараш а мелаш лела маАа нах а. Цу те-

манна хетаяь я «Аьла-Мовсар» яха стихотворени а:

... Болх бе доастама цунна хет,
Малар даим цо чудетт,
Сонтал хьувзаду цо мекх,
БАарг цо наьха кхий чу лекх...
... Нитташ баьнна да цун ков,
Баьсса бегаш цунга тов,
ЙоА югалга цунна лов...

Ер тема тахан а тАехья ира латташ я. ХАана аьлча, дукха ба гАалгАай кагийча наха юкъе «болх бац», яхаш, дер дайна лелараш, иташа, йижараша хьадечох бахаш, моллагАа бола болх бе ца тугараш.

«Модж-Мовсар» яхача стихотворене тАа поэта бегбоахаш бувц кхы тайпа нах: доаца лазар хьалха а доахаш, паччахьалкхен гАулакха тАа бола нах Аахабий е «хАамилг яле» пенси ийдераш, тикашка балха а бахе «хАамилгаш» йоахараш, бахьанаш а доахаш истий цАаухийтараш, наха хетийта-моттийта хАамаш леладераш, иштта кхыдола зуламе гАулакхаш доахкараш:

Аз вийцавар Аьла-Мовсар,
ХАанз аз вувцаргва Модж-Мовсар.
Зене дац-кх ер а вовзар...

Атта ешалуш а, ешачоа сакъердам боалаш а я «Къаьна Гини» яха стихотворени. Аазии БАЗии яхаш ши воА кхув къаьнача Гине. ВоккхагАвар Аазии ва, хАаьта зАамагАчун цАи БАЗии я. Бегаш бара приемах язьяь из стих кАоаргга чулоацам болаш а даьшта-ноаношта доагАаш маАан луш а я. Аазии боча, кулг йиАийчул кАаьдагАа долаш, хАама хья ца дойтташ, дикагАа бола кхача буййтташ, кАаьдача мара вижар доацаш кхеву дас-нанас. ХАаьта БАЗе фуннагАа дАаеннар юь, миччахья дАавижача тхьовс, тАадувха барзкъа мАаде долаш, даим къахьегаш кхув из. Кхийтта ла нана. БАЗе таьзет оттаду, хАаьта Аазе гаьга Аалашо ю. Нана елча, ший бала даьна кач олл Аазе. Из Аамавац хАама хьаде. Тохаш пелинг а долаш, Гине кисах лет Аазии. Эггара тАехья са кхоачалу даь. Поэта язду:

... ЭгАазвахар
Са Гини,
Хьакоаера
Кхий чур ний.
ДатАавийхар
Цо Аазии:
– Дайна ва хьо, –
Аьлар, – сий.
Гой хьона из
Дара хол?
Йилла воал со
Хьона йол...

Тахан а тЕхъа художественни мах байнабац поэта язъяча «Говрий лор» яхача сатирически стихотворене а. Автора ирача дешашца бегбоах шоаш Юмаяь балха говзал а йите, хъакима гИанда тIа ховша гIертаращ, поэташ хила гIертаращ.

Чахкиев Капитона поэтически кхолламе сатирически стихаш кхы дуккха а я. Уж ерригаш а наьха вахаре нийслуш долча ийрчача хIамашца къовсам лоаттабеш, ирача сарказмах пайда эцаш язъяь автора. Царех я, масала, «Ярама моллаш», «ГIайре дош», «Мажита иллеш», «Сув» яха а кхыйола а стихаш.

Поэтически кхолламе къаьстта хоза а маIан кIоарга долаш а хиларца моттиг дIалоац поэта безама лирикас. Метта коарчам цIена гIалгIайбар болаш, хозача метафорах пайда эцаш, оала дош ший метте долаш, бокъонца цIенача йиIий сурт-сибат оттадеш, иллей хьисапе язъяь я цун гIалгIай йиIий безамах йола стихаш.

Багахбувцама мукъама хьисапе дек кхийнача йоIа дег тIара доагIа, поэта дог тохадолийташ боча а чулоацам хоза болаш а яздаь «ЙиIий илли» аьнна цо цIи енна илли. Башха хало ца еш мукъам тIа даккха йиш йолаш да из:

... Яьнна бIаьсти
Гаций хьона,
ва нани,

Теха зиза
Гаций хьона,
ва нани.
Са лепа бос
Гаций хьона,
ва нани...
Са ловза дог
Гаций хьона,
ва нани...

Илманхочо Шадиев Султана язду: «Чахкиев Капитона безама лириках лаьца дувца дуккха а да. Цун стихашта юкъарча хьисапе дар фуд аьлча, из да, эггара хьалха, цо хоза а цIена а бувца гIалгIай мотт, кхоллаш дола сурташ, аматаш атта саг кхетаргволаш оттадар, дувчачунца хоттаенна ший авторски уйлаш, хетараш, дагадоахкараш кхоачамболаш хьокхар. Къаьстта дика а говза а карагIдоал автора къаьнара мукъамаш, иллеш гIалгIай багахбувцамца хоттаденна дола хIамаш йоазон меттаца вайна довзийта» [2, с. 403-404].

Чахкиев Капитона произведеней мах ба гIалгIай къаман, Даьхен, дикача къонахий а кхалнаьха а сийле, хоза гIулакхаш цо хестадеши хиларца, хьамсара мохк лорабара къона тЕхье тIахьехарца, зовзал, эсалал IотоIадарца. Цу деша говзанчас дика хьекхад ший мехкахой дог-уйла, цар даьшкара денз хьабоагIаш бола мехкацара безам, денал, эздел.

Пайда ийца литература

1. Мальсагов А.У. Керда вахар бахъан. Грозный, 1990.
2. Шадиев С. Чахкиев Османа Капитон. Кн.: ХIанзара гIалгIай литература. Том I. Нальчик, 2009.

Хамхоева Зайнап Юнусовна, магистрант
Ингушский государственный университет
г. Магас, Республика Ингушетия

ВЕДЗИЖЕВ АХЪМАДА ДУВЦАРАШКА САТИРЕИ БЕЛАМИ

Аннотация. *Статья тIа тахкад Ведзижев Ахьмада дувцараш, цига автора леладу сатиреи беламедари белгал а доаккхаш.*

Ключевые слова: *Ведзижев Ахьмад, дувцараш, белам, сатира, проза, йоазонхо.*

Дуккха кхыбола йоазонхой санна, Ведзижев Ахьмад ший кхоллам дегIабоалабе дIаволавеннав поэзен тIара. Поэзеца дика вIаштЕхъа ца йоалаш хинна дукха темаш айяь цо ший проза тIа, аматаш кIоарга гойта дика вIаштЕхъаьннад цига. Цун кхолламаца я тайп-тайпара прозаически жанраш, уж я очеркаш, дувцараш, повесташ, романах. Цига, массанахъа хIана дац аьнна, пайда

эцаш дегIадоаладаьд автора ше дувцаш дар сатиреи белами юкъе леладеш. Ведзижев Ахьмада вахар дезаши, цунца чам болаши, хIамах сакъердам хулаши, мотт шаьра, хоза болаши йоазонхо хиннав. Иштта, шийх тара волча турпалхочун амат дулл цо ший дукхагIдолча ший дувцараш тIа а.

Цун литературни кхоллама юкъе кергтера моттиг дIалоацаш лелаю, ала йиш я, беламаца

ЮтоГадеш, замах Гехдиса Гулакхаш Дадахара; хъаьнала къахьегар, къамашта юкьера вошал ЧоаГдар, Даьхе, Иалам дезар, керда этта Гаьдал хестада, къонача наха юкьера безам, цар шоай ираз бахъан лоаттабеш бола къовсам бувцаш йолча темаша,

1956-ча шера Алма-Ате кепатоха доладеннача «Къахьегам байракх» яхача газета тIа цо арахец ший эггара хьалхара прозаически произведени – «Муте новраш» яха дувцар. Цу хана денз Ведзижев Ахьмад, поэзел совГIа, прозаически йоозонаш де дIаволалу. Цун эггара хьамсараГIа я, аьнна, хеталу жанр – лоатта дувцар.

Беламе произведенеш язъый Ведзижев Ахьмада. Уж сакьердаме а беламе а, наха езалуш, йиц ца луш а я. Цига бувца турпалхой вайна юкье бахаш болаш санна, вайна бовзаш а безалуш а хеталу, цхьайола цIераш юкьара хинна дIаэттай. Масала, пайда боацаш къахьегаш хьадаь хIама хилча, «Муте новраш» санна оал.

Вай литературе беламеча дувцарашта юкье хьалхарча мугIар тIа оттаде мегаргдолаш да Ведзижев Ахьмада «Муте новраш». Цул хьалха сатири белами дегIадооладеш къахьийгад йоозонхоша: Муталиев Хьаж-Бийкара, Чаккиев Капитона, бакьда, ший тайпара оаз йолаш ба Ведзижева мотт.

Ший «Муте новраш» яхача дувцара автора кергтера оттаю хъаьнала къахьегам хестабу тема. Ший турпалхоех велаш, кIаьдача беламача цар оамалаш ювцаш, дегIадооладу цо хулашдар. Уж турпалхой цабезалга дац из, духьала гоамал йоапаш, ше а вел из царех, дешараш а белабу.

Кергтера турпалхо Мути юртара ахархо ва. Колхозе болх беш, хоза къахьегаш воалл из. Цхьабакьда, ший сесагага ладувГIарах, дагадоацаш тIада тарлуча доккхача рузкъах Iехалу из. Уж во нах бац, бакьда йоккхача беш йоаю цар цхьан шера новраш дIадийна. Палатбоал уж лоалахошца хьаГI лелаяр.

Мутена цIаккха а дага хиннадацар атта рузкъа гулдара тIехьавала. Из массанена вовзар, балха саг хиларах балха тIавийрза веце а, ше волча колхозе шийга аьнна болх юкьерча хьисапаца кхоачаш а беш, ший дезал Iалаш а беш, дIавоаллаш саг вар из. Цун беррига а сатем бообаьр яр сесаг Аминат. Гурахьа ший лоалахошца Яхийца базар тIа яхача цунна байра шоай беша дийнача новрех биь нув бехка, ши тума ахча цо чудахьаш. ДIайолаелар из Мутена из атта хинна пайда бувца.

Каст-каста уйла ший керта чу кхаба волавелар Мути а. Иштта цо тахкар лоалахой шоай ерригача беша новраш дIаде лаьрхIа ца хилар а. Соцам бу

ший дагахьа новраш дIадийна, уж гурахьа дехка, вIаьхий саг хила. Бакьда, ший «Белам а белхам а» яхача статья тIа Арчаков Сале яхача тайпара: «Базар тIара Гулакх миштад аьлча, сиха хувцалуш, селхан хиннар тахан доацаш да. Цудухьа мах бе лаьрхIаца сага цкъа хьалхаГIа тахка деза, малаГIа товар да эшар, доацар, дIадаргдар. Ше дохка лаьрхIаца хIамах базар тIа фу мах лу ха деза. Уж хIамаш тахканзар Муте, ше базар е волалуш. Таханарча меттаца аьлча, во бизнесман ва из. Колхозера а хIама тIаданзар цунна, ше хьабача ши эзар новрах, цхьа нув а бохканзар цо. Вешта аьлча, ехар Муте базар. Тика чу Мутечарел бархIазза дарегIа дар новраш» [1].

Йоозонхочо гетгара малха боаккх Муте оамалах бола беламе оаГув, сакьердаме хургдолча бесса из тоа а беш. Беламе дукхаГIа бегйоаха оамалаш я: хьаГI лелаяр, цIаьрматал, сонтал...

Ерригача ший беша, базар яр духьа, новраш дIаде лаьрхIад цо. Колхозера юкьара болх Юкхоссарах алапех а воал из. Новраш тIа къахьегарах вIаьхий хила, машин эца лаьрхIад беламе амат долча турпалхочо.

Сатираца а беламача а, наха юкье латгача хьалаца нийса доацарашта теркам тIабохийт йоозонхочо, уйла йойт.

Илманхочо Танкиева Лидас аьннача тайпара: «Ведзижев Ахьмада ший берригача кхолламаца хьехам бу: ма де къоалаш Iаьдала а маьрша бахача наха а. Ма гIерта, фуннаГIа даь а, бIехача тайпара кхьвар ЮтоIаваь, хье хьалвала. Ма бе наха тийшаболх. Эздий а сий а долаш ваха хьайна укх дунен тIа» [3, с. 392].

Арадаьлча денз, белам луш хьадоаГIа «Муте новраш», атгача рузкъана тIакхе ма гIерта, хъаьнала къахьега, тIаккха лакхаленашка кхоачаргва хьо, йоах автора дешачунга.

Арчаков Сале аьннача тайпара: «ЦаI школа Юкхессе базар е дIаотт. Вож совхоз е транспортни предприяти йите дошув доаккхача мехка вода. Из царех дуккхачарна сенца чакхдоал вайна дика ховш да. Мел нах ихаб набахта, мел дезал бисаб йIаьххача хана тIа да воацаш, кхалсага Iалашбе безаш. Из заман доккха зулам да. Кхы а да цу тайпара харцахьара рузкъа Юаду наькъаш. Iа хъаьнала къахьегаш хьадаьча хIамах, кIезига дале а, беркат дикаГIа хул. Цу тайпара я Ведзижев Ахьмада дувцара кергтера уйла» [1].

Дувцара сюжет гучайоаккх автора эггара хьалхара мугI болалуча хана денз тIехьара дош аллалца, ирача беламца, вешта аьлча, сатираца. Хьаьбоккх вай хьаГI лелаяр, цул совГIа, шоай хъаьнала болх беша наьха аматаш. Велаш, дувц хьаГI лелача турпалхоша леладаь Гулакхаш.

Дахкильгов ИбраьIама аьннача тайпара: «Литература – деша искусство я. ГIоргIача кхерах тамашийна хоза гIала хьальгеш санна, саго дешашца хьакхолл тамашийна хоза фаьлгаш, романах...» [2, с. 3]. Из искусство я ала йиш я Ведзижев Ахьмада «Муте новраш» яхача дувцарах а, иштта кхыча цун произведенеех а.

Дувцар дийша даллалца из дешашвар вел царех. Уж гоама болаш велац из, цар гIалатах вел. Цу тайпара яздаьча хIамах беламе йоазош оал. Цу беламе декхар да бегдакхарца наха юкье нийслу во хIамаш тоадар, воча оамалашцара кьовсам лоттабар. Из декхар дика кхоачашдаьд Ведзижевс.

Ведзижев Ахьмада дика кхетадеш хиннад кхоллама говзал лакхьяра болх бе безаш хилар. Цу хана дукхагIбола гIалгIай йоазонхой дешаш хул Москве СССР-а Йоазонхой Союза шин шера

йолча лакхерча курсашка. 1959-1961-ча шерашка цу курсашка дешаш хул из а. Цига дешаш литературни йоазош дара хьаькьехьа дукха хIамаш Iомаду цо. ХIара денна цо ший йоазонхочун говзал лакхью. Из бовза гIерт багахбувцам, литература, кьаман Iаьдалаш, цар оамалаш. Цудухьа аьттув боал цун «Муте новраш» санна йола дика произведенеш язье а.

ГIалгIай литературе белггала моттиг дIалоацаш ба Ведзижев Ахьмада дувцарех латта кхоллам. Мотт шаьреи, дош сатирахи беламе-чохи пайда эцаш леладеш йоазонхо ва из. Ший кхоллам дегIакхувлаш, халкьяцара а вахарцара а бувзам хоада ца беш, дешачун дег чу дувшаш, кхетам луш, нийсача наькъ гIа воаккхаш да цун дувцараш.

Пайда ийца литература

1. Арчаков С.Я. Белам а белхам а // Газета «Сердало», № 22. 2016.
2. Дахкильгов И.А. ГIалгIай говзаме литература. Нальчик, 2009. 608 с.
3. Танкиева Л.Х. Ведзижев Абабукара Ахьмад. Кн.: ХIанзара гIалгIай литература. 4 т. Т.1. Нальчик, 2009. С. 334-393.

Хуако Фатимет Нальбиевна, д. филол. наук
 Майкопский государственный технологический университет
 г. Майкоп, Республика Адыгея

ЮЖНЫЕ ЗЕМЛИ И ИХ ДЕЙСТВУЮЩИЕ СЕГОДНЯ ЗАЩИТНИКИ (в прозе В.И. Лихоносова, А.С. Куека, М.Ш. Психомасова)

Аннотация. В представленной статье Ф.Н. Хуако рассматривает прозу как советского кубанского писателя В.И. Лихоносова, так и современных адыгских авторов А.С. Куека и М.Ш. Психомасова с точки зрения воспроизведения ими военно-защитных мотивов. Проводя параллели между прозой 60-х гг. прошлого века, принадлежащей перу кубанского автора, с произведениями малой прозы современных адыгских писателей, автор статьи выстраивает логично-последовательную картину своего объекта. Итогом выступают в данной работе мысли Ф.Н. Хуако по поводу разностороннего воспроизведения рассматриваемыми писателями прошлого и нынешнего веков эпизодов вседозволенности, неизменно, строго осуждаемых доброжелательными соседями на южных землях.

Ключевые слова: Северный Кавказ, русский, адыг, Лихоносов, Куек, Психомасов, война.

Уже в десятые годы нового века адыги увидели новую книгу одного из современных писателей М.Ш. Психомасова «Исповедь» (Черкесск, 2011), включающую целый ряд произведений малой прозы на русском и адыгском языках. Активный в сегодняшней прозе М.Ш. Психомасова образ уроженца южных земель часто представлен русским по происхождению, но имеющим гибридные корни. Породившая его семья нередко многонациональна, он растет в одной из кавказ-

ских республик и вырастает истинным патриотом своего региона, готовым воевать за него и защищать его. Таков, к примеру, майор Олег в авторском рассказе «Гнездо орлицы» из названного выше сборника. И потому на военном (события в Чечне 90-х гг. XX в.) фоне здесь объемно выстраивается считающий Родиной и стабильно почитающий кавказские земли художественный образ, также способный иметь подлинного прототипа сегодня.

В реальной жизни таковым может считаться наш уважаемый земляк с советских времен и соратник по гуманитарному цеху В.И. Лихоносов, писавший на кубанских землях немало на военную тему. Тому имелись достаточно убедительные реальные жизненные мотивы. В биографии писателя присутствует пылающее голодом и замороженное страхом войны (ВОВ) отрочество. В разгар военных лет (1943) в боях гибнет его отец, и он остается на хозяйстве с матерью. Она, будучи рядовым сельским тружеником, работает за двоих. Сопровождающий детство писателя голод в неполной семье, отсутствие мужской руки в доме послужили вкупе мощным стимулятором к его последующим творческим успехам. Ощутимо задевает бескорыстная духовность, регулирующая психологию малой прозы В.И. Лихоносова. Здесь у молодого краснодарского писателя вновь (по аналогии с детством) на первом плане трудолюбивые героини, много утратившие во время войны и много дающие, особенно родным, близким. Заметна их расположенность броситься на помощь, боязнь как-либо ущемить стоящего рядом. Такая тональность опаленного войной детства, трагизм семейной утраты, а также мощь и сила выживающей ради сына материнской души побудили юношу впоследствии, в 1969 г., к написанию уже средней прозы, повести «На долгую память». Она выходит в сентябре указанного года в газете «Новое русское слово». Уже преамбула в этом произведении дает понять оставшуюся без мужа женщину и лишившегося отца юношу. Теперь, в 50-е годы XX в. в жизни Физы следующая трагедия: выросший на ее руках сын оставляет семейный очаг и отправляется на учебу в Москву. Растившая в тяжком труде мальчика мать внезапно и моментально остается одна. Она изливает свои душераздирающие стоны в письмах подруге, коими выстраиваются в повести структурные разделы – главы, порой включающие одно или несколько писем.

Однако иногда рассказчик в повести В.И. Лихоносова варьируется. Повествование может взять на себя и автор, выступающий от имени сына главной героини. Теперь уже читатель видит Физу не изнутри, в стенаниях и столах, а со стороны, хотя и личной, но сыновней. Женя размышляет на свои темы, но неизменно здесь оказывается рядом мама. Многие ее порывы и потуги воспринимаются им в комментариях и в соответствующих рассуждениях. Его суждения придают разносторонность как сюжетному, так и экспрессивному пространству повести. Видит, к примеру, в его памяти читатель улицу Широкою. Описание

писателя, изложенное мыслями Жени, плавное и гармоничное, с частыми уменьшительно-ласкательными оборотами, литотами и гиперболами.

Герой вспоминает собственные ощущения с детства, проходит по «мостикам-тропинкам», «досочкам» улицы. Это придает тексту эмоцию и погружает читателя в лучи утра мальчика, наблюдающего за движущимся «нескончаемой черной змейкой человеческим родом» и испытывающим оттого «детское томление к переменам» [2, с. 36]. Он ищет в этих потоках мать и сильно переживает, когда не находит: «Ее не было и не было. Вон показалась голова в ее платке, – конечно, это она, и рукой машет, как все в их роду, и в сумке несет что-то для него, но ошибался: это была не она, не мама, а чужая тетенька» [2, с. 36]. Таким путем – либо изнутри Физы, либо глазами ее сына, выстраивается яркий образ живущей на юге женщины. С ним переключается череда других персонажей, так или иначе встающих в диапазоне ее реалий. И потому возникают такого рода уважительные и благожелательные суждения критиков сегодня: «Что-то мягко волнующее, смутно задевающее душу, одним словом, трогательное испытываешь, читая рассказы, которые один за другим дебютировал молодой учитель с Кубани Виктор Лихоносов» [5].

Не менее душевно задевающими можно, в продолжение мысли авторов цитаты, назвать и произведения большой прозы писателя. Весьма ощутимым для отечественной литературы второй половины XX в. оказался выход романа В.И. Лихоносова «Наш маленький Париж», сработавший определенное воздействие на лиризм прозы тех лет. Неизвестные тогда еще в соцреалистических текстах погружения в воспоминания, порождающие наглядную экспрессию, считались чем-то странно диковинным. Вновь посвященное советскому югу и его жителям повествование не пришлось по душе, судя по суждению в январе 2018 г. Катерины Беды, казакам: «Видно, учуяли в писаниях автора, ортодоксального либерала, рядящегося в тогу «патриота», а то и «писателя-почвенника»» [1]. В таком тексте, лирически выстроенном, отсутствует структурно-выверенный четкий фабульный остов, позволивший вольное развитие событий и алогичность в фактах. Имеется также и подчеркиваемая нами в предыдущем абзаце частая сменяемость ведущего повествование героя. Достаточно молодым еще был писатель, когда по его поводу появились обсуждения в литературно-критическом лагере. Тому стимулом послужил несомый им продуктивный в творчестве навык гармонично сочетать реалии с хронологи-

ей, поэтику с мелодией, острую злободневность середины советского века с дореволюционной романтикой. Следовательно, был интересным в свои годы, остается интересным и сегодня писателем критикам, искренне переживающим, но не всегда удовлетворенным его изученностью. Так, кубанский исследователь В. Канашкин уже сегодня, в 10-е гг. XXI в. рад появлению в наши годы достаточно объективного рассмотрения творчества В.И. Лихоносова в ИА Красная весна (<http://rossaprimavera.ru/article/f4f6dd65>). Как отмечает цитируемый специалист, «умолчание об истинном смысле его общественной деятельности дорого обходится для нравственного здоровья кубанцев, и не только для них. Впрочем, оценку В. Лихоносова как писателя, идеолога и редактора дал в свое время известный критик, публицист и прозаик Петр Ткаченко» [3]. И потому заметная творческая активность этого ученого, писателя и общественного деятеля в сложной второй половине прошлого века не остается сегодня незамеченной.

Сосед адыгов по южным землям В.И. Лихоносов, серьезно считавший своей родиной кавказские земли и всей душой превозносивший их, убедительно заслужил местное уважение, почитание своих соседей. Такого рода любящего Родину героя мы видим и в лице присутствующего у М.Ш. Психомахова майора Олега, выросшего в чеченском селе сына смешанного многонационального семейства. Он также хорошо знает язык соседей и нередко в своих думах осуждает российского агрессора в кавказских горах. Проводятся здесь часто параллели с агрессией России, как в XIX, так и в XX вв. В знак убедительного протеста против явного нарушения конституционного порядка на Северном Кавказе в 90-е гг. XX в. наш земляк отказывается от Золотой Звезды Героя России и приобретает уничижительный статус изменника Родины, помогая горцам в их противостоянии агрессии. Причем весьма многозначны и убедительны произнесенные им уже в зачине слова, которые можно воспринимать как собственный жизненный девиз героя: «Быть человеком – вот моя религия!» [6, с. 45]. Именно подобную установку еще не однажды подтверждает по ходу дальнейшего повествования майор Олег у М.Ш. Психомахова.

Аналогично и другие современные адыгские писатели периодически восхваляют доброе соседство и благожелательный мир в своих прозаических текстах. В частности, у Асфара Куека сегодня есть в сборнике произведений «Золотая роса» [2015] много подобных эпизодов. Так, в

его рассказе «Сватовство араба» – тема та же. За пиршественным столом, ведомым мудрым стариком, уютно себя чувствуют разно-национальные участники, что и подчеркивает тамада в своих речах: «Адыгэ анэ всех одинаково принимает, это как мать одинаково любит своих детей». И тут же картина адыгского анэ, обязанного и могущего принимать любого, дополняется веселыми, но шумными «светловолосыми ребятами». Ведущий изложение комментирует появившуюся группу как говорящие на русском языке «веселые, беззаботные лица», манера поведения которых «спокойна, можно сказать с достоинством» [4, с. 124]

При этом, стараясь общаться с добром по соседству, адыги нередко разрушают или не столь тщательно выстраивают внутриплеменные отношения, что также не забывают подчеркнуть анализируемые авторы. Причем мысли и высказывания их персонажей иногда перекликаются или даже совпадают друг с другом. Как порой утверждают старшины из адыгского племени бесленей у А.С. Куека («Амстердам»), их князь в сопровождении своих рабов были пионерами в процессе переселения адыгов в Турцию. Один из его героев рассказывает собеседникам о ходе заселения адыгами окрестностей турецкого аула Дюзджэ. Это поселение и сегодня живо. Потому сведения о его истории не могут не заинтересовать читателя, что происходит при чтении книги. Дворянские гнезда с историей своего обустройства цепляют за душу любого, знающего о своем роде адыга, уже второе столетие ищущего хоть малейшие хроникальные сведения о нем.

Высокородные земляки упоминаются также действующим персонажем у М.Ш. Психомахова. Однако значение этого слова здесь несколько модифицировано, причем негативно. Представленный выше нами майор Олег ведет беседу-диспут со старшим по званию генерал-лейтенантом. Так называемые «удельные князьки», жестоко обличаемые собеседником Олега, подразумевают сегодняшних носителей власти, руководящих кавказскими республиками. Обвиняя их во вседозволенности, он объясняет это все еще продолжающейся эйфорией от псевдодемократии и приписывает их действия закону «что хочу, то и ворочу» [6, с. 54]. А далее вычитывает заинтересованному собеседнику целую лекцию по геополитике в современной РФ, чем приобретает авторитет в глазах майора, и не только. Становится генерал доброжелательно воспринимаемым у читателя, ранее настроенно смотревшего на него из-за генеральского чина.

Другая линия перекликается как с тематикой восхваления женщин у В.И. Лихоносова, так и с проблемой частого военного беспредела на Кавказе. Это линия возможного, не всегда желанного похищения кавказских девушек или применения к ним силы, а также реакция на нее представителей общества. К примеру, так у А.С. Куека в рассказе «Невинная перед Богом и людьми» адыгская девушка, отказавшаяся перейти к одному из персонажей мужского рода, получает на себя его насилие. Негодяем здесь оказывается близкий друг ее отца, поручившийся присмотреть за ней во время отъезда ее отца, но применивший к ней силу или ложно позором опаливший ее в глазах как семьи, так и аульчан. Подобным путем строгий автор демонстрирует сегодня отсутствие идеализации и приближенности к жестокой реальности в своих строках, честно опорочивает возможных негодяев в числе своих соплеменников.

У М.Ш. Психомахова относящиеся к девушкам жестоко насильники входят в плотные ряды

защитников Отечества, порой весьма сомнительных. Отнюдь не восхищают они майора Олега, доказывающего спорящему с ним генералу мерзкую вседозволенность «доблестных солдат новой России», позволявших себе насиловать и душить чеченскую девушку: «Я не могу это забыть, а как ково чеченцу?» [6, с. 53]. Прощает Олег в этом случае ответную жестокость живущего здесь народа, не могущего разрешить беспредельную вседозволенность пришедшему к нему с силой. Тогда позволим себе завершить научные строки экспрессивными словами из отчаянного монолога отчаявшегося майора Олега, находящегося на грани безысходного срыва в споре с федеральным генералом: «Как можно вести себя так по отношению к собственному народу. Как можно, – неоднократно повторял он риторический вопрос» [6, с. 52].

Зададимся данным вопросом и мы в слабой надежде на его разрешение хотя бы в дальнейшем будущем.

Список литературы

1. Беда Катерина // НГ. 2018. 17 янв. // Культура.
2. Лихоносов В.И. На долгую память: Повесть // Royallib.ru
3. Канашкин В. Кубань с приставкой «евро» // Кубань. 2013. № 1-2 (376/74). С. 36-42.
4. Куек А.С. Золотая роса. Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 2015. 608 с.
5. Мартиросян А.А., Бекова Е.А., Баландина Е.В., Чмиль С.Н. Удивительная жизнь удивительного человека (по материалам жизни и творчества Виктора Ивановича Лихоносова) // <https://www.scienceforum.ru/2015/1353/11760>
6. Психомахов М.Ш. Исповедь. Черкесск, 2011. 202 с.

Ялхароева Марем Ахметовна, канд. филол. наук
Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева,
г. Магас, Республика Ингушетия

ТЕМА РОДИНЫ В ПОЭЗИИ АХМЕТА ХАМХОЕВА

Аннотация. *Статья посвящена творчеству известного ингушского поэта Ахмета Хамхоева. В работе рассматривается одна из главных тем в поэзии А. Хамхоева – тема родины, которая тесно связана с темами природы, матери, родного языка.*

Ключевые слова: *Ахмет Хамхоев, родина, природа, мать, горы, народ, Галми.*

В творчестве А. Хамхоева нашли отражения самые различные темы. У поэта много стихов, посвященных родине, матери, любви, природе, поэту и поэзии, смыслу жизни (философская лирика). Порой трудно определить, какие темы являются главными в его творчестве. Но все же хочется отметить, что одной из ведущих тем в творчестве поэта является тема Родины. Этой теме

посвящено не одно его стихотворение: «Родина», «Земля», «Люблю Родину», «Думы о Родине», «Журавли» и т.д.

«Но разве можно быть счастливым без чувства Родины в груди?» [3, с. 58], – восклицает А. Хамхоев, наблюдая за улетающими в теплые края журавлями, в стихотворении «Журавли».

Родина, родная земля – сакраментальные для поэта слова, он ищет ей достойное сравнение:

Удивляюсь щедрости земли,
Пенью птиц, весеннему цветению.
До сих пор поэты не нашли
Для земли достойного сравнения [3, с. 37].

Этой строфой поэт начинает и ею заканчивает свое стихотворение.

Поэт находит для родной земли «достойное сравнение» – это Родина, Мать, Народ. Эти понятия неразрывно связаны между собой:

Всемогуща, как народ, она,
Ласкова, как мать, к достойным людям
[3, с. 37].

Любовь к родине начинается с любви к родной земле. Оторванный от родной земли, от своих корней человек слаб и уязвим. «Если от земли я оторвусь, – Нет мне ни надежды, ни опоры», – признается поэт.

В родной земле он черпает силы:

Облетев все небо, я вернусь
Силой запастись в родные горы... [3, с. 37]

Никого не сможет оставить равнодушным стихотворение поэта «Прости меня, Родина». В ранней юности будущий поэт ослеп и в этом стихотворении поэт делится с родиной своим личным горем:

Прости ты мне, Родина милая.
Что горных не видел цветов,
Что в небе не видел светила я,
Не видел весенних садов,
Не видел я черную борозду,
Бегущую плугу вослед,
Не видел я белую бороду,
Которой гордился мой дед [3, с. 44].

Но он гонит эту минутную слабость. Силы ему дает родина, ее песни, которые он выучил наизусть:

Отчизна родная! Прости ты мне
Невольную эту грусть.
Но песни твои знаменитые
Я выучил все наизусть.
Всех птиц различаю по голосу,
Поющих в родимом краю.
И, боль забывая, я с гордостью
И сам, как умею, пою [3, с. 44].

Любовь к родной земле поэта неразрывно связана с любовью к людям. Родина, народ, люди – эти понятия слились воедино в поэзии А. Хамхоева:

Люблю тебя, земля родная,
Люблю тебя, родной народ.
Рад, что горит звезда ночная,
Что солнце по утрам встает [4, с. 28].

У поэта много стихов, посвященных родной земле, у него трепетное отношение к ней. Он воспевает ее богатства:

Богатства у земли моей несметны,
Моря бездонны, тайны беззаветны... [5, с. 8].

Родная земля поэта богата не только недрами, но и достойными сынами, которые готовы умножать ее богатства, отдав ей все без остатка. Поэт восклицает:

Все, что имею, ей я отдаю.
Земля моя! По праву ты горда,
Что бескорыстно даришь счастье людям,
Что пред тобой в долгу сыновьем будем
Мы, словно перед матерью, всегда [5, с. 8].

А. Хамхоев не в силах скрыть чувство гордости, что он является гражданином такой прекрасной, мужественной, великой страны:

В семье планет любимейшая дочь
Одета в голубой, прозрачный воздух,
Всегда ты гредишь о далеких звездах
И лунным светом освещаешь ночь.
И солнце улыбается тебе
По-матерински трепетно и нежно,
И океан космический безбрежно
Распахнут удивительной судьбе [5, с. 8].

Поэт верит в свою великую державу. «Что может землю испугать мою?» вновь спрашивает он, заканчивая свое стихотворение. Этим вопросом произведение и начинается. Поэт уверен в том, что стране-созидательнице нечего бояться. Ее сила в ее правде:

Ей нужно, чтобы люди в мире жили,
Чтобы пахали, сеяли, косили,
А не слагали головы в бою [5, с. 8].

А. Хамхоев, конечно, не мог не воспеть в своих стихах обычаи и нравы своего гордого и прекрасного народа, который по праву считается одним из самых гостеприимных на Кавказе.

«Словно горстка бесценных жемчужин, Затерялся в горах мой народ», – такое меткое сравнение приводит он в стихотворении «Коль, товарищ, приехать, ты сможешь»:

Коль, товарищ, приехать, ты сможешь,
То отважся на этот маршрут!
Ты хозяев не зря потревожишь,
Ибо в гости они тебя ждут!
Приезжай к нам, твой отдых заслужен!

Будешь счастлив – скажу наперед! [5, с. 19].

Приглашая читателя в свой гостеприимный край, поэт знакомит его с величественной горной природой, расписывая красоту горного края, он не скупится на яркие эпитеты:

Приезжай слушать клекот орлиный
И склонить свой внимательный взор

В наши полные солнца долины
 Между вечно заснеженных гор.
 Ты увидишь зеленые склоны,
 Где безмерно леса высоки,
 Где в чащобах под кровлей зеленой
 Ледяные журчат родники... [5, с. 19].

Вторая часть стихотворения рисует нравы ингушей: верность, радушие, гостеприимство:

Дружбу ценят здесь – и потому
 Здесь тебя, словно сына родного,
 Ждут хозяева в каждом доме [4, с. 19].
 И на место почетное будешь
 Ты посажен за праздничный стол, –
 И хозяин приезд твой отметит,
 И событию славному рад,
 Гостя лучшей бараниной встретит,
 Как обычаи предков велят! [5, с. 20]

К теме родины можно отнести и произведения, посвященные матери. В стихотворении «Две матери» поэт пишет о матери, подарившей ему жизнь, и матери-родине, сделавшей его поэтом. Первая часть стихотворения воспеваает женщину-мать, вторая – родину-мать. Поэт преклоняется перед ними обеими, приходится им верным сыном. Его сердце переполнено чувством любви к обеим матерям, он гордится тем, что обладает таким бесценным богатством. Художественный прием – родина-мать встречается и у других поэтов, например, у поэта ингушского зарубежья Орхана Тимурзиева (Демирхан) в его стихотворении «Матери, томящейся в неволе». И надо отметить, что художественное решение образа матери-родины у каждого из них отличается творческой индивидуальностью.

Матери поэт посвящает не одно стихотворение «Как светел, как нежен...», «Руки матери», «Сон младенца», «Две матери», под названием «Матери» у поэта два стихотворения. В этих стихах мы видим, что у поэта с матерью была не только кровная, но и духовная связь.

Мать Ахмета Баклу была известной гармонисткой в своем селе. «Баклу часто играла дома, и маленький Ахмет, унаследовавший от нее музыкальный слух, слушал ее игру и напевал вполголоса слова, которые у него непроизвольно складывались в голове... В такие минуты рождался в мальчике будущий поэт и певец Ахмет Хамхоев, имя которого будет бессмертно в ингушском народе...» [1, с. 3].

Самому дорогому существу на земле – матери А. Хамхоев посвятил не одно стихотворение. И назвал он их одинаково одним словом «Матери». Но ни в одном из своих творений он не повторяется. Читая следующее его посвящение матери, на-

чинаешь понимать, почему у него так много стихов о матери. Даже такому талантливому человеку сложно словами передать всю гамму чувств, которые переполняют сердце, когда речь заходит о матери:

Словами никогда не передать
 Той самой первой, ласковой любви,
 Которую ребенку дарит мать,
 Той нежности, что у нее в крови.

Выразительными художественными средствами поэт пытается выразить любовь к матери, рассказать о самой крепкой связи на земле: о связи матери и ребенка; поведать миру о самой бескорыстной и сильной любви: о материнской любви:

Как солнца свет, как первая листва,
 Дорогу жизни счастьем золотя,
 Слетают материнские слова –
 Пусть навсегда запомнит их дитя –
 Ребенка образ – он повсюду с ней,
 Прекрасен и вовек неколебим [4, с. 43].

Неотделимы от темы родины и матери стихи, посвященные родному языку:

Язык народа – ты язык души,
 Я за тебя народ благодарю.
 Мне песню подарили ингуши,
 Я по-ингушки с ними говорю [3, с. 35].

Все самое лучшее в человеке рождается с молоком матери, с первыми словами, сказанными на родном языке:

Родной язык учил меня добру,
 В усталости он придавал мне сил.
 Гортанных звуков чистую игру
 В родные песни складывать учил [3, с. 35].

Не случайно ингуши о родном языке говорят не родной язык, а язык матери – наьна мотт:

«Коль ты солгал, то лучше онемей,
 Язык народом создан не для лжи» –
 Так с молоком правдивых матерей
 Родной язык впитали ингуши.
 Как пули – были меткими слова,
 Как сабли – фразы мудрые остры,
 У недруга летела голова
 От слов, что к другу были так добры
 [3, с. 35].

В последней строфе поэт в полной мере передает всю силу своей любви к родному языку:

Мне песню подарили ингуши,
 Я гордо по-ингушки говорю.
 Язык народа – ты язык души,
 Я за тебя народ благодарю [3, с. 35].

С темой родины тесно связана тема природы. В стихах поэта воспеваются природа родного края, ее неопишуемая красота. Несомненно, восхищаясь, красотой горных вершин, чистых

родников, лугов и полей, поэт воспеваает родину. Глубокое знание природы, умение проникнуть в ее сокровенные тайны позволили поэту создать прекрасные стихи. «Леса», «Груша», «Утро гор», «Осень», «Журавли», «Ночь», «Весна», «Зима», «Звезда», «Дождь», «Разговор с тучами», «Галми», «Солнце», «Сегодня небо спокойно» – вот неполный перечень стихов А. Хамхоева о природе.

В стихотворении «Галми» поэт, как с живым существом, беседует с родной рекой Галми, на берегу которой прошли его лучшие годы:

Несешься с гор ты
Водопадом пенным,
А в степь вступив,
Течешь уже степенно.
Меня взрастила ты,
И я повсюду
Твой шумный голос
Слышать сердцем буду [4, с. 29].

Поэт признается, что родная природа, «лучшая на свете» горная река Галми взрастила в нем поэта:

Река отцов моих
Струится к сыну
Неутомимой
Горской песней синей.
Галми! Я знаю,
Что бывают в мире
Другие реки –
И длинней, и шире.

Но для меня
Ты лучшая на свете! [4, с. 29]

Здесь, на берегу родной реки, в душе поэта родились самые светлые чувства, которые он выразил следующими строками:

На берегу твоём
Любовь я встретил.
Любовь, как речка,
Не иссякает...
У каждого
Своя река бывает [4, с. 29].

Каждый горский поэт посвятил стихи родным горам. И А. Хамхоев не стал исключением. Отрадно отметить, что он нашел свои слова и образы, слова неизбитые, не трафаретные. В стихотворении А. Хамхоева горы величавы, степенны, как горские старцы:

Как всегда, спокойны горы,
Терпеливы, как всегда,
Провожая наши годы,
Не стареют никогда [3, с. 49].

Поэтическое творчество А. Хамхоева, его отношение к окружающему миру отличаются оригинальностью, неповторимостью.

Богатая по содержанию, глубокая по звучанию поэзия Ахмета Хамхоева – одна из самых значительных сокровищниц ингушской литературы. Своим художественным словом Ахмет Хамхоев внес большой вклад в развитие и становление ингушской литературы.

Список литературы

1. Гагиев Г.А. Ахмет Хамхоев – человек, поэт, певец // Сердало, 24.10.2000. С. 3.
2. Хамхоев А.Х. Голубая даль (Стихи на ингушском языке). Чечено-Ингушское книжное издательство. Грозный, 1981. С 248.
3. Хамхоев А.Х. Родник счастья. Чечено-Ингушское книжное издательство. Грозный, 1971, 1981.
4. Хамхоев А.Х. Солнечный свет: Стихи / Перевод с ингушского И. Озеровой и С. Липкина. М., 1976.
5. Хамхоев А.Х. Утро в горах: Стихи / Перевод с ингушского Ирины Озеровой. Грозный, 1971, 1977.

Научное издание

**«ЯЗЫК, ИСТОРИЯ, ЛИТЕРАТУРА КАК ФАКТОРЫ
УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА»**

**(к 120-летию со дня рождения ученого-кавказоведа,
писателя, переводчика Д.Д. Мальсагова)**

*Материалы Международной научно-практической конференции
Магас, 30-31 октября 2018 г.*

Выражаем искреннюю благодарность за финансовую поддержку
в проведении научно-практической конференции
«Язык, история, литература как фактор устойчивого развития общества»
(к 120-летию со дня рождения ученого-кавказоведа, писателя, переводчика Д.Д. Мальсагова)
и издании сборника материалов конференции министру по внешним связям,
национальной политике, печати и информации РИ Яндиеву Муслиму Алихановичу
и бизнесмену, меценату Куштову Баширу Абдулхамидовичу

Редактор Накостоев Х.А.

Компьютерная верстка Д.Я. Куштова

Сдано в набор 5.10.2018 г.
Подписано в печать 08.10.2018 г.
Формат 30х42/4. Бумага офсетная – 70 г/м².
Гарнитура «Times». Печать ризографическая.
Физ. печ. л. 30. Усл.-печ. л. 15.
Тираж – 300 экз.

Издательство ООО «Кеп»
386120, Республика Ингушетия,
с. Кантышево, ул. Джабагиева, 97.
E-mail: pilgrim-K@list.ru

Отпечатано в типографии ООО «Кеп»
386102, Республика Ингушетия,
г. Назрань, ул. Чеченская, 5.